

ВАСИЛИЙ
САХАРОВ

ИМПЕРИЯ ОСТВЕР
УРКВАРТ РОЙХО

УРКВАРТ РОЙХО
ЧЕРНАЯ СВИТА
ПРОТЕКТОР СЕВЕРА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С22

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Сахаров, Василий Иванович

С22 Империя Оствер. Уркварт Ройхо: Уркварт Ройхо. Черная свита. Протектор Севера : сборник / Василий Сахаров. — Москва: Издательство АСТ, Издательский дом «Ленинград», 2022. — 768 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-149742-2

Разум и душа нашего современника, молодого солдата, оказываются в теле умирающего аристократа в реальности меча и магии. Землянин не великий герой, не избранный и не имеет преимуществ перед людьми мира Кама-Нио, кроме одного — он быстрее соображает и обладает высокой адаптивностью.

Не пытаясь что-то кардинально изменить в окружающем его мире, он вращает в свою новую жизнь, обретает врагов, друзей и покровителей, стремится узнать секреты древних имперцев и стать человеком, который может самостоятельно определять свою судьбу.

Дуэли. Драки. Убийцы. Живые мертвецы. Мутанты. Война. Все это будет. Но для кого-то это приключения, а для обновленного имперского графа Уркварта Ройхо — неотъемлемая часть жизни.

Добро пожаловать в империю Оствер — огромное государство на трех материках, которое находится в упадке и готовится к большой войне.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-149742-2

© Василий Сахаров, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

УРКВАРТ РОЙХО

Пролог

Империя Оствер. Замок Ройхо. 15 декабря 1400 года

Сезон штормов в холодном Ваирском море в этом году начался как обычно. Серые морские волны накатывались на северное побережье материка Эранга, а сильный шквалистый ветер, атаковавший стоящий на высокой гранитной скале замок, бросал на каменные стены древнего укрепления графов Ройхо клочья грязно-бурой морской пены. При всем при этом температура воздуха постоянно понижалась, и стражники родового дворянского гнезда, несущие службу у ворот или на одной из шести башен, кутались в тяжелые утепленные плащи и прятали лица под масками из тюленьей кожи с тканевой прокладкой внутри.

Вроде бы все было как всегда: очередная зима и еще один шторм. Но если раньше испытанные воины графа, которым в суровую погоду нечего было бояться, несли зимнюю службу по охране отдаленной твердыни империи Оствер спустя рукава, то с недавних пор даже плохая погода не давала им расслабиться.

Граф Квентин Ройхо, один из самых знатных имперских дворян-остверов и одновременно с этим один из самых бедных, поссорился с могущественным и влиятельным герцогом Григом. Это было серьезно и грозило огромнейшими неприятностями непокорному графу, а потому все его немногочисленные вассалы и воины были настороже и готовились к возможному нападению на замок. И хотя бойцов у Квентина было мало, всего полторы сотни, каждый из них стоил десятка, ибо являлся ветераном целой череды пограничных сражений и кровавых битв, а припасов в замке на мощной скале имелось столько, что он мог выдержать не одну долговременную осаду.

Люди ждали нападения уже три недели, и герцог сделал свой шаг. Однако в дело вступили не клинки и копья, а магия. Сын и наследник графа, пятнадцатилетний Уркварт, гостил у дальнего родственника и старого друга семьи барона Арьяна. В связи с тревожной обстанов-

кой он был срочно вызван домой, но при въезде в замок внезапно потерял сознание, упал с лошади и погрузился в кому.

Чародей графа, боевой маг Ангус Койн, был бессилен что-либо сделать и вернуть молодого Ройхо к жизни. Но сегодня, слава Пресветлым богам, в первую очередь Бойре Целительнице и Ярину Воину, он нашел способ, как излечить парня. Каждый воин это знал, потому что они были не просто слугами, а в первую очередь боевыми товарищами графа Квентина, и слухи между ними распространялись со скоростью лесного пожара.

И вот, пока стража несла свою службу, на вершине самой высокой башни замка, в уютной теплой комнате, которую занимал маг Ангус Койн, находились три человека. Первый — сам хозяин помещения, приземистый, косматый русоволосый крепыш средних лет в простых домотканых штанах и шерстяном свитере, больше похожий на наемника или разбойника с большой дороги, чем на мага. Второй — граф, стройный и подтянутый брюнет с седой прядью в волосах, носом с горбинкой и ясными синими глазами, в легком сером камзоле и таких же, как у мага, штанах, заправленных в высокие черные сапоги. Третьим был сын графа, Уркварт Ройхо, невысокий бледный мальчишка в длинной белой рубашке, который пластом лежал на широкой кровати мага без всякого движения, и только его прерывистое дыхание говорило о том, что жизнь еще теплится в нем.

С высоты своего роста мужчины с тревогой смотрели на паренька и полусшепотом вели разговор.

— Григ, сволочь! Как же он умудрился сына достать? — произнес граф. — Ведь у него был защитный амулет.

— Дружинники говорят, что сразу за замком Арьяна на дороге лежал красивый кинжал, — ответил маг. — Уркварт прыгнул с лошади и подобрал его, а на рукоятке был шип, который уколол его. Видимо, некое заклятие, которое сработало, как только парень въехал в родные стены. А амулет, хоть и надежный, не помог, потому что человек сам взял в руки зло.

— Где этот кинжал сейчас?

— Его нет, и охранники не знают, куда он делся.

— Значит, разум сына уже не восстановить?

— Да, его душа и разум навсегда покинули мир живых. И только тело, по привычке, все еще цепляется за жизнь. Но это ненадолго.

— Но ты же сказал, что Уркварта можно поставить на ноги!

— Сказал, потому что я не мог оставить твою супругу без надежды и должен был с тобой поговорить.

— Это да, Катрин не переживет смерти своего первенца, а твои слова придали ей сил. Однако что ты скажешь своей се-

стре завтра? Или, может быть, ты сделаешь из Уркварта ходячую мертвую игрушку, которая станет, словно марионетка, махать руками и говорить несколько заученных фраз?! Так я этого не позволю!

Маг задумался, посмотрел на камин, в котором жарким пламенем полыхали дубовые дрова в смеси с тюленьим жиром, тяжело вздохнул и произнес:

— Нет, сделать ходячего мертвеца я не могу, и ты это знаешь. Однако от твоего прапрадеда остался один хитрый артефакт, который называется «Ловец душ», и с помощью него я могу провести обряд перемещения одной личности в Уркварта.

— Что это за обряд?

— Ты в курсе, что наша планета не является единственной?

— Конечно. Все же я целый год, пока не сбежал, отучился в Академии магии и колдовства и про параллельные миры слышал.

— Так вот, твой предок по старым свиткам создал кристалл, который способен пробивать нематериальные тоннели в иные миры. На другой планете «Ловец душ» создает сферы разума, которые притягивают к себе ближайшее живое разумное существо и копируют все его воспоминания, эмоции и порывы души. Затем эти копии можно перебрать и одну из них пересадить в чистое тело, такое, какое мы видим сейчас перед собой.

— И что дальше? Зачем мне чужой человек в теле моего сына?

— Ну, сам подумай. Он будет жив и здоров, и его можно заставить делать то, что нужно хозяину кристалла. Катрин увидит, что сын жив и здоров, и успокоится. А герцог Григ, которому мы не должны показать слабину, узнает, что его подлый удар не достиг цели. Кроме того, разум иного человека не отменяет того факта, что в теле парня твоя кровь, древняя и весьма ценная. И подобной кровью разбрасываться нельзя, ты это понимаешь не хуже меня.

— А если пересадить в сына разум одного из моих людей?

— Я такого способа не знаю. Наверняка он есть, но мне про него ничего не известно.

— Ну, допустим, что я соглашусь с тобой и разрешу использовать тело для вселения копии. Однако что мне делать дальше с этим... — Граф помялся и выдавил из себя: — Существом?

— Если мы переживем эту зиму и весну, и герцог нас не уничтожит, то ты отправишь его подальше от замка, например, в какой-нибудь захудалый военный лицей, а наследником объявишь второго сына. Вот и все. В итоге Уркварт Ройхо если и погибнет, то вдали от дома и не на глазах матери.

— У меня есть время, чтобы обдумать твое предложение?

— Час, не больше, а затем тело Уркварта начнет умирать и процесс вселения копии в него станет невозможным.

Квентин Ройхо представил себе глаза супруги Катрин, урожденной баронессы Койн, которые встретят его умоляющим взглядом и немым укором. И он подумал о том, что она опять обвинит его в непомерной гордости и несдержанности, и решил, что лучше опыт по пересадке копии человека, чем горе любимой женщины, ее слезы и страдания.

— А что будет с тем, с кого сфера разума снимет копию? — спросил граф.

— Ничего. Он продолжит жить прежней жизнью.

— Сколько сфер ты закинешь?

— Полтора десятка на весь сопредельный мир; на большее у артефакта не хватит энергии, а у нас времени. После этого полчаса на выбор личности и вселение. К утру мы будем иметь полноценного разумного человека, с которым можно договориться, а заодно и узнать от него что-то о другом мире, ведь изначально артефакты типа «Ловца душ» создавались именно для этих целей.

— Ладно, начинай, — согласился Ройхо. — Все равно хуже уже не будет, а правду будем знать только мы двое. Может быть, хоть что-то с этого получим. Хотя я своего сына уже похоронил, и герцог за его смерть ответит. Клянусь!

Глава 1

Ингушетия. Хребет Корилам. 15 декабря 2006 года

Мой девиз прост: «Жизнь должна быть интересной и насыщенной. А иначе на хрена она нужна?» С самого раннего детства, после прочтения «Трех мушкетеров», это стало для меня руководством к действию. И первым серьезным самостоятельным шагом в моей жизни накануне двенадцатого дня рождения стал побег из дома и недельные скитания по лесу, которые многому меня научили. В частности тому, что не все окружающие мою скромную персону люди понимали и принимали как данность мои поступки.

Во-первых, это затрагивало родителей — мать, простую домохозяйку, у которой помимо меня еще трое детей, и отца, крановщика в порту нашего родного Новороссийска. Во-вторых — милицию и спасателей, вынужденных по предгорьям, лесам и виноградникам вокруг города искать сопляка, который оставил записку, что он отправляется на поиски приключений, и ушел в лесные дебри.

Кроме того, я усвоил, что без соответствующей туристской подготовки, а также пищи, воды, спичек и ножа, в зеленке, даже летом,

подростку делать нечего. И вообще, мне крупно повезло, что меня быстро нашли, а потом не отправили на обследование к какому-нибудь психотерапевту и он не исколол меня успокаивающими препаратами.

Таков был мой первый опыт насыщения своей жизни приключениями. И получив ремнем по заднице от отца и огромный поток слез от матери, на время я затих. Школа, учеба и игры с товарищами — все как у всех. Но при этом я думал о новых вылазках на природу и о том, как лучше к ним подготовиться.

Так что вскоре я стал посещать туристский кружок, а за ним и стрелковый. Потом записался на бокс, освоил верховую езду и немного понырять с аквалангом. И так Леха Киреев — кстати сказать, это я, — более или менее спокойно дотянул до 2003 года и полных шестнадцати лет.

Я раздался в плечах и подрос, отрастил шикарные длинные черные волосы, которые зачесывал назад, и подкачал мускулатуру. Никаких особых успехов в спорте и учебе я не достиг, но и на последних позициях не стоял. В лидеры никогда не лез, однако и в обиду себя старался не давать. В общем, крепкий середнячок со своими думками в голове и жизненными приоритетами.

И в это время я познакомился с черными копателями — парнями, которые бродили по лесным чащобам и горам с металлоискателями в руках и раскапывали всякое барахло со времен Второй мировой войны. Я тоже приобрел себе прибор, влился в одну нормальную компанию и потратил на это увлечение полтора года жизни.

А закончилось оно в тот момент, когда у одного из моих напарников под лопатой сдетонировала старая немецкая мина. Парню оторвало руки и разбило грудь, и хорошо, что среди нас был врач, который не растерялся, смог оказать раненому первую медицинскую помощь, и мы его вовремя доставили в больницу.

После этого я решил, что надо менять увлечение, а то прибыток с него небольшой, а проблем немало. Это и «эхо войны», которое уже немало людей на тот свет спроводило, и милиция, и братки, пытающиеся нажиться на поисковиках, не имеющих надежной крыши, и фээсбэшники-провокаторы, время от времени появляющиеся на горизонте и предлагающие продать выплавленный из снарядов тротил.

Так закончилось мое увлечение поиском, и я, не задумываясь, за треть цены продал металлоискатель и застыл на распутье. Но судьба все решила за меня. Как-то незаметно была окончена школа, поступать куда-то в институт или вуз я не желал, а моя первая любовь, разбив мне сердце, улетела в город Москву.

«Что делать?» — спросил я сам себя. И тут мне пришла повестка в военкомат. Батя на это только хмыкнул, а мать нахмурилась и опеча-

лилась и, наверное, ночью плакала в подушку и просила отца откупить меня от солдатской доли. И что характерно, этот суровый мужчина, бывший морпех, здоровый и плечистый, с мощными кулаками, послушал ее и начал суетиться.

Сначала батя сунулся к районному военкому. Однако город у нас приморский, а значит, деньги в нем водятся, и расценки на отмазу от армии серьезные: пять штук зелени отдай и пока свободен, но без конкретных гарантий того, что тебя не загребут позже.

Отец не имел возможности потратить такую сумму — все же он не миллионер, хотя получал весьма неплохо — и мог бы на этом успокоиться. Но у него были знакомые, которые имели других знакомых. И выйдя на дамочку из рядовых гражданских служащих военкомата, которая за четыреста баксов изничтожила в архиве мое дело и подчистила запись в компьютере, он, таким образом, отмазал меня от армады.

Однако при этом никто не поинтересовался моим мнением, а я загорелся службой Отечеству и в результате скандала вырвался из дома и сам сдался людям в военной форме и при погонах, которые от такого патриотизма или глупости просто выпали в осадок и минут десять ха-ха ловили.

В общем, я сбрил свои длинные волосы, взял рюкзачок с самыми необходимыми вещами и стал военнослужащим ВС РФ. Из Новороссийска меня сразу же отправили на Краснодарский сборный пункт, и здесь я столкнулся с суровой армейской действительностью, где человек — просто расходный материал.

Меня и еще полторы сотни коротко стриженных восемнадцатилетних мальчишек завели в актовЫй зал, и перед нами появились два капитана и поленький майор, которые объявили, что они набирают солдат для службы по контракту в 10-ю бригаду спецназа ГРУ. Разумеется, я и мои новые товарищи удивились такому раскладу, ведь мы еще даже присягу не приняли. Какой, к чертям собачьим, контракт, да еще на три года, когда нам служить всего полтора, а после этого мы спокойно вернемся домой? Была во всем этом какая-то неправильность.

Однако «покупателей» ничего не смутило, и майор сказал, что ему необходимо пятьдесят человек, и пока он не получит своих людей, из актового зала никто не выйдет.

Я встал со своего места и первым подписался на контракт: захотелось романтики, а спецназ — это круто. За мной последовали еще человек десять, тоже изъявившие желание стать «контрабасами». А вот на то, чтобы набрать остальных, майору понадобилось три часа. Но где угрозам, где уговорам и посулам больших денег и свободы,

он своей цели достиг и нужное количество подписей получил. И уже к вечеру я и мои сотоварищи оказались в «десятке».

С утра началась армейская жизнь. Мы приняли присягу, и нас раскидали по отрядам. Я стал разведчиком и понял, что, подписавшись неизвестно на что, сильно сгруппил. Думаете, виной тому дедовщина? А вот и нет.

В российской армии такое понятие уже в прошлом, поскольку дедовщину вытеснили землячество и дядьковщина. С землячеством все понятно, а смысл дядьковщины в том, что сильный и уверенный в себе человек может посылать старослужащих далеко-далеко и, отстояв свою свободу и мнение кулаками, спокойно продолжать служить Родине. Так что в этом отношении все ровно: разок подрался, получил по голове, сам противнику врезал, и служба пошла.

Меня не устраивали другие разделы армейского бытия. Например, то, что за увольнение в город или за залет необходимо было дать ротному на лапу: мелочь, пятихатку или штуку — разумеется, рублей, — но все-таки деньги. Ведь поскольку контрактник вроде меня не полноценный «контрабас», который может разорвать контракт в любой момент и уехать домой, то на меня и подобных мне парней было легко надавить.

Это один момент, а другой заключался в том, что по плану у подразделения минно-подрывное дело или рукопашный бой, а по факту все три ротные разведгруппы дружно топают на разгрузку КамАЗов с землей. Практически строительный батальон, так что за первые шесть месяцев службы я выбирался на полигон всего пять раз, а все остальное время уходило на караулы, работы, вывоз мусора из офицерского городка, уборку территории и прочие хозяйственные работы.

В общем, перечислять всю чепуху можно очень долго, но я скажу только, что мне это все надоело, и я перевелся в отряд, который скоро должен был отправиться в командировку.

В новом отряде и роте все было немного по-другому, так как подразделение часто посещало горячие точки, хотя уборки территорий и работы с караулами донимали меня, как и прежде. Но это не вина офицеров, а неправильная структура всей бригады, которая состоит из боевых подразделений, но не имеет тыловиков-хозяйственников и отдельной караульной роты.

А в целом, перед командировкой я за месяц получил столько знаний в военном деле, сколько никогда до этого. Тут тебе и мины, и тактика, и боевое слаживание подразделений, и учения на полигоне, и стрельба, и беготня по лесам. Так что можно было сказать, что я понемногу превращался в нормального бойца, не суперспешла, конечно, но и не рядового из стройбата.

И вот наконец-то командировка в Чечню, и наша разведгруппа, семь молодых парней вроде меня и восемь взрослых мужчин, не нашедших себя на гражданке, в составе нашего доблестного отряда прибывает в Бамут.

Полноценные боевые действия как таковые в Чечне давно не велись, хотя небольшие банды духов по горам и лесам шарились, а наша задача состояла в том, чтобы их выискивать. И за полгода нахождения в командировке, с июля по декабрь 2006 года, за мной числилось пятнадцать боевых выходов в среднем по семь дней каждый. Нормально.

Выходишь из лагеря или вылетаешь вертушкой в точку, и начинается поиск. Если встретил боевиков или их базу нашел, вызываешь подкрепление или пару «крокодилов», а нет — и не надо. Нас дома мамы и жены ждут, а у духов тоже семьи, и стрелять ни у кого охоты нет. Такие вот дела.

Командировка подходила к концу. Мы уже начинали паковать вещи, готовиться к смене и возвращению в Краснодарский край. Но неожиданно сверху был сброшен приказ на выход, и наша рота, погрузившись в вертушки, вылетела на прочесывание хребта Корилам. Вроде бы где-то там, возможно, прятался Доку Умаров, и мы его должны были поискать.

Долетели нормально. С трехметровой высоты разведчики десантировались в расщелине у подножия хребта, собрали свои рюкзаки и оружие и полезли на вершину. Густой туман накрывает окрестности, видимость не более четырех метров, груз привычно оттягивает плечи, а мой АКС лежит на полусогнутых руках и, в случае чего, мне остается только снять его с предохранителя, рухнуть на рюкзак и открыть огонь.

Однако воевать на хребте было не с кем. Мы вскарабкались наверх и осмотрелись. Людских следов нет, зато имеется масса живности — косули, которые не очень боятся человека, и кабаны, истоптавшие все вокруг. Слева, когда под порывами ветра изредка рассеивался туман, был виден заснеженный хребет Дзохорилам, а справа извилистой серебристой ниткой по равнине петляла речка Фортанга. Красивые виды. Сделав фотоснимки на память, рота остановилась на ночлег.

Наша тройка, левый боковой дозор группы — бывший мент из ППС с позывным Дубок, бывший начальник птицефабрики Калаш, и я, просто Леха Кир — расположилась на откосе. Саперными лопатками подровняли землю. На звериной тропке, уходящей вниз, построили баррикаду из бревен, на которую пристроили ПКМН. А чуть дальше, перед позицией, поставили МОН-50, провода от которой

подсоединили к подрывной машинке и присыпали листвой. Затем натянули между деревьями четырехметровый брезент и, определив очередность, в какой будем сидеть на фишке, поужинали.

— Вот чем люблю выход, — с набитым ртом пробурчал Калаш, сухопарый тридцатилетний мужчина, поверх камуфляжа натянувший на себя шуршун, — так это за сухпаек. Баночку тушенки умял, и вроде бы сыт. Не то что в лагере: с выхода придешь, а тебе, словно собаке, макароны с червячками и просроченными рыбными консервами дают. Интендант — шкура, на пару с комбатом мутит, а мы отдуваемся.

— Это точно, — поддержал его Дубок, который сидел к нам спиной, возле пулемета, и всматривался в темноту. — Я перед выходом к торговке за сигаретами ходил и у нее видел колбасу, фрукты и печенье, которые Краснодарский край прислал в отряд как гуманитарную помощь. Нам с вами на троих один апельсин, а остальное местному населению продают. Курвы! Мало комбату морду били. Надо будет этого козла еще кумарнуть. Вернемся домой, узнаем, где он живет, контракт разорвем, как собирались, и выцепим гаденыша ночью темной.

— Делать нечего, — проворчал Калаш. — Он же нас застучит, и при его бабках, которые этот полкан на нас нажил, мы точно сядем.

Старшие камрады замолчали, и я поинтересовался у бывшего мента:

— А ты к кому за покупками ходил?

— К тете Розе. А чего спрашиваешь?

— Я машину зампотыла в Асиновской видел, когда с водовозами в охранение ездил, так что подтверждаю свои подозрения.

— Понятно.

Говорить больше было не о чем. За полгода мы обсудили между собой все, что только возможно. Так что, обтерев травой и листвой свою тарелку, я завалился спать. Завтра поиск и к реке за водой сходить придется, а это минимум четыре километра вниз и еще столько же вверх, и значит, силы понадобятся.

Сон пришел сразу, так же как и пробуждение спустя четыре часа. Я сменил на пулемете Дубка и, плотнее закутавшись в камуфляжную куртку, стал всматриваться и вслушиваться в густое туманное марево перед собой. С деревьев падает конденсат, а больше вокруг ни звука, ни шороха. Левее и правее нас еще по одной тройке, а позади — командир группы с радистом.

Сколько уже таких ночей было за этот год? Больше восьмидесяти. И хотя можно расслабиться, делать этого нельзя. Лесная тишина бывает обманчивой, и духи могут бродить где и когда угодно, в этом я еще при первом выходе убедился, когда один из наших парней не выключил прибор ночного видения, который дал отблеск, и тут же

над его головой в граб вонзились несколько пуль. Поэтому внимание и никаких лишних движений.

Проходит час, второй. И вдруг метрах в четырех от меня, раздвигнув туман, на тропе появилась световая сфера — шар, метра три в диаметре. Что за хрень? Неужели памороки? Вроде бы план не курил и не бухал, а тут такое. Странно.

Руки тем временем хватают приклад пулемета, снимают оружие с предохранителя и, не оборачиваясь, я шепчу:

— Подъем!

Однако мои напарники спят как ни в чем не бывало, хотя раньше просыпались от малейшего намека на тревогу. Быстрые взгляды по сторонам — все спокойно, на нас никто не наступает, вокруг по-прежнему тишина, и соседние тройки не шумят. Ну и ладно. Вместо пулемета я беру АКС и, обойдя баррикаду, выхожу на тропу. Осторожно приближаюсь к странной сфере, протягиваю в нее ствол автомата. Ничего не происходит.

Что это может быть? Непонятно, и по-хорошему надо бы отойти в сторону от этой непонятной сферы. Но почему-то я становлюсь смелее и, уже не опасаясь этого странного феномена, вхожу в призрачный поток света. Сначала ничего не происходит. Но как только я хочу выйти из светового шара, меня бьет током, тело содрогается в жестких конвульсиях, и я теряю сознание. И последняя моя мысль была проста и незатейлива: «И зачем я в этот круг вошел?! Млять!»

Очнулся я через десять минут. Вокруг все по-прежнему: ночь, туман, крупные капли влаги, падающие на меня с деревьев, и никакой световой сферы.

«Видимо, мне все померещилось, и надо поскорее выкинуть из головы этот необъяснимый случай и вернуться к пулемету». Так думал я, пытаясь себя успокоить. И мне это удалось. Спустя час я разбудил Калаша и, не забывая себе голову ночным происшествием, вновь спокойно заснул, так как с утра опять начнется движение.

Глава 2

Империя Оствер. Замок Ройхо. 16 – 30 декабря 1400 года

Я очнулся оттого, что рядом разговаривали два человека, мужчины. Язык явно был не русский, но и гортанное чеченское наречие он не напоминал, а больше всего походил на смесь из нескольких европейских и славянских языков, по крайней мере мне так показалось. Глаза пока не открывал — мало ли что, — а попытался сориентироваться.

Тело было как деревянное и слушалось меня плохо, а общее ощущение такое, словно меня били палками, и я весь ужасался и сморщился.

Руки и ноги были свободны, из одежды — только длинная рубаха до колен, нижнего белья нет. Я лежал на шерстяном одеяле, под которым чувствовал дерево, наверняка топчан.

Больше ничего определить было нельзя, да и некогда, потому что один из мужчин, находившихся в комнате, приблизился вплотную к моему ложу и, похлопав меня мозолистой рукой по щеке, что-то произнес. Угрозы в голосе не было, но я решил выждать. Чего? Не знаю, просто хотелось потянуть время.

Однако нависший надо мной мужик понял, что я пришел в себя, и отставать от меня не хотел. Он встряхнул мое слабое тело, приподняв его за рубаху, снова что-то сказал и, как ни странно, я его понял.

— Эй, паренек, открывай глаза, говорить будем. Все равно ведь уже пришел в себя.

Выпендриваться смысла не было, мои веки приподнялись, и я огляделся. Вокруг меня была просторная комната с одним окном слева, рядом массивный деревянный стол, заваленный каким-то хламом: стекло, обтянутые кожей под старину фолианты, шар, вроде бы хрустальный, пара кусков горного хрусталя и меч в ножнах. Необычный набор. Рядом стояли два стула и пара табуретов. Справа камин, а рядом на стене — еще два меча и небольшой круглый щит.

К антикварам, что ли, попал? Хм, не факт. Вдруг маньяки какие? Очень может быть. Морды у мужиков в комнате суровые, и одеты они так, словно в театральной гардеробной покопались, дабы сыграть роль в спектакле на историческую тему, что-то вроде «Сирано де Бержерака» или «Сезара де Базана».

— Вы кто? — просипел я, еле ворочая непослушным языком.

Человек рядом со мной усмехнулся, оскалив крупные, слегка желтые зубы и, повернувшись к своему товарищу, стройному горбоносому брюнету, сказал:

— Вот видишь, Квентин, все в порядке. Паренек соображает, и язык при пересадке как надо усвоил.

Горбоносый молча кивнул и смерил меня каким-то нехорошим, недобрый взглядом, а я повторил свой вопрос:

— Вы кто?

— Меня зовут барон Ангус Койн, и я твой дядя. — Мужик подтянул к топчану табурет, сел на него, вновь сосредоточив внимание на мне, и кивнул себе за спину, продолжив: — А этот человек с благородной осанкой и сединой в волосах отныне твой отец, граф Квентин Ройхо.

— Чуть! — вновь просипел я. — Дяди у меня отродясь не было, а своего отца я знаю. Может быть, скажете, что у меня и мама новая?

— Скажем, паренек, скажем. Но ее ты увидишь попозже, если мы с тобой договоримся.

Возражать я не решился, да и трудно было это сделать, так как язык слушался плохо, а шею свело, словно меня продуло. Поэтому я заткнулся и просто внимал тому, что говорил назвавшийся магом барон Ангус Койн. И чем больше я вникал в смысл его речей, тем больше охреневал и понимал, что попал в лапы каких-то сектантов или же в дурку, что в принципе, практически одно и то же.

Оказывается, с меня сняли копию и вселили мой разум и душу в тело почти мертвого сына графа Ройхо, которого звали Урквартом. Мне в этот момент вспомнился старый кинофильм «Секретный фарватер» и имя немецкого подводника, которого звали Уркварт фон Цвишен, вроде бы как-то так.

И вот я нахожусь в чужом теле, которое стало моим, и теперь обязан во всем слушаться графа, того горбоносого человека в допотопном сером камзоле, стоящего за спиной мага, и самого Койна, а иначе мне сделают больно, а возможно, и убьют.

Что тут скажешь? Имелись бы силы, я бы попробовал наkostenять этим мужичкам и вырваться к нормальным людям. Но сил не было даже на то, чтобы лишний раз пошевелиться. И поэтому мне приходилось слушать бред этого самого Ангуса и соглашаться с его словами.

Хотите, чтобы я откликнулся на Уркварта? Запросто. Старший сын графа? Без проблем, главное, что не педик. Вести себя тихо и спокойно? Это можно, тем более что немочь сковала все тело. При встрече с Катрин Ройхо надо улыбнуться и успокоить маму? Согласен. Рассказать о своем мире? Ну, учитывая, что никаких особых военных или государственных секретов я не знаю, можно и рассказать, мне нетрудно. Как только поправлюсь и окрепну, так сразу же и отвечу на все вопросы.

В общем, маг говорил минут сорок, а потом принес со стола круглое полуметровое зеркало и приподнял его надо мной. И, увидев себя, я от неожиданности вскрикнул, так как в зеркале был не я, а совершенно незнакомый мне мальчишка. На вид лет тринадцать, может быть, четырнадцать. Изможденное лицо европейского типа с правильными чертами. Кожа бледная и почти просвечивает. Волосы русые. Глаза голубые.

Определенно, это был не я, не Леха Киреев. Однако, наморщив лицо, я убедился в том, что отражение повторяет мою гримасу, и что бы я ни делал, зеркало моментально реагировало на это идентичным движением.

Значит, то, что говорил Койн, это правда? Полной уверенности в этом не было, так как я вполне мог находиться под воздействием

психотропных препаратов, которые держат мою психику под своим полным контролем. Но кому я нужен, чтобы ради меня суетиться? По большому счету, словно Неуловимый Джо, никому, а все происходящее вокруг меня не выглядит бредом. Так что надо продолжать выжидать и впитывать в себя информацию.

Так я стал Урквартом Ройхо и был вынужден это признать. После чего меня накормили, а скорее, напоили куриным бульоном и дали некоторое время поспать и свыкнуться с новым телом.

А когда я проснулся, то комната вокруг меня и люди в средневековых одеждах не рассеялись, словно мираж. И рядом с топчаном я обнаружил симпатичную белокурую женщину лет тридцати пяти, может быть немного старше, в простеньком шерстяном платье, которая с неповторимой материнской нежностью и любовью смотрела на меня. Как несложно догадаться, это была графиня Катрин Ройхо, моя новая мать.

Она спрашивала меня о здоровье и самочувствии. А что я мог ей ответить? Только то, что все хорошо и я иду на поправку. Так, отделавшись самыми общими фразами, я принял игру, в которую был втянут не по своей воле.

Графиня провела со мной пару часов, после чего в сопровождении мужа покинула комнату местного мага, по совместительству своего родного брата.

Я почувствовал себя лучше, мог уже вполне нормально разговаривать и, не откладывая сбор информации на потом, позвал Койна:

— Ангус.

— Дядя Ангус, — поправил он меня, присаживаясь рядом.

— Хорошо, — покорно согласился я, — дядя Ангус. Ты говорил, что копий было несколько. Почему именно меня выбрал?

— Знаешь, парень, — маг поморщился, — я мог бы тебе приказать заткнуться и не спрашивать того, чего тебе не надо знать. Но мне хотелось бы, чтобы наше сосуществование строилось на условиях сотрудничества и взаимного понимания, а поэтому буду с тобой откровенен. Ваш мир был выбран «Ловцом душ» случайно, просто он находился к нашему ближе всего. Снятых копий было пять: не все сферы разума сработали как надо. И из всех копий ты оказался лучше всех и ближе всех по возрасту к Уркварту.

— А мне назад вернуться нельзя?

— Нет. — Койн покачал косматой, нечесаной головой. — Это невозможно. Вообще, нельзя перебросить из одного мира в другой никакие материальные объекты. Зато есть возможность снять с человека копию. Но это умение в нашей империи вымирает и деградирует. Впрочем, как и все некогда великое искусство магии. Так что твой

возврат невозможен. Ты копия человека из иного мира, новый разум в пустом теле, по крови настоящий Ройхо, так что прими это как есть.

— Что со мной будет дальше?

— Кажется, я тебе это уже говорил.

— Да, говорил. Но я спрашиваю не про ближайшее время, месяц или два, а про жизнь.

Маг рассмеялся, как мне показалось, несколько натужно и фальшиво.

— Ты будешь жить долго и счастливо. Овладеешь всеми навыками и умениями благородного дворянина и сможешь сам выбрать свой жизненный путь. Разумеется, это при условии, что тебя не убьют.

— Кстати, насчет убьют... Как погиб прежний Уркварт?

— Граф — бывший военный, полковник, командир 2-го конноегерского полка. Он честный человек, никогда не трусил, не лебезил перед начальством, не отступал перед врагом и не воровал. Прямой как меч, всю жизнь за честь цепляется и с этого имеет одни неприятности. Раньше в своих владениях он бывал только от случая к случаю, а два года назад его вышвырнули вон из имперской армии: говорят, что место полковника понадобилось кому-то из столичных хлыщей.

Граф это принял, осел в родовом замке, принялся вникать в дела хозяйства, и тут выяснилось, что все его деревни находятся под властью герцога Андала Грига, редкостной скотины, и у него не осталось ничего, кроме этих стен, моря и небольшой суммы денег.

Естественно, как честный человек, Квентин стал искать правду, но ничего не добился, ибо государство наше прогнило с самого верха и донизу. И тогда Ройхо сделал то, что был должен сделать, то есть назвал Грига трусом и подлецом и вызвал его на дуэль. Герцог драться отказался, но оскорбления, конечно же, простить не мог и организовал покушение на тебя, то есть на прежнего Уркварта.

— Ясно, — произнес я и поморщился от острой рези в мочевом пузыре.

Койн, словно понимая причину моей гримасы, хмыкнул, и на этом наш второй разговор был окончен. Появился слуга, широкоплечий усатый мужик лет сорока пяти, который помог мне справиться нужду и обтер мое тело теплой водой. Как выяснилось позже, звали его Гради Тайфари, и он был воспитателем и учителем графского наследника.

После этого я провалился в очередной сон. И так началась моя новая жизнь, первые две недели которой я прожил в комнате мага, поставившего в комнате еще один топчан, дабы держать меня под несусыпным контролем.

Распорядок дня в эти четырнадцать дней был достаточно прост. Я сплю и ем, а когда просыпаюсь, то вижу рядом с собой Ангуса Кой-

на, который расспрашивает меня о Земле, а попутно рассказывает о своем мире. И по прошествии этого срока, будучи человеком неглупым, я смог более или менее четко понять, где нахожусь, что из себя представляет местное общество и к чему мне готовиться, если я хочу выжить в новом для себя мире.

Ну а чтобы не запутаться и более четко сформулировать свои мысли, я выпросил у мага пару листов бумаги и графитовый карандаш, и на русском языке, по пунктам, кратко записал некоторую информацию, которую узнал.

Итак, пункт первый — планета, которая каждым из многочисленных местных народов называется по-своему. Но поскольку я нахожусь в империи Оствер и Уркварт Ройхо — этнический оствер из древнего рода, то буду использовать имперское название — Кама-Нио, что значит Добрая Мать. В целом, эта планета по климату и биологии ничем не отличается от моей родной Земли, так что рассказывать особо нечего. Пять материков, куча островов и архипелагов и шесть океанов.

Пункт два — государство, в котором я оказался. Как уже было сказано, это империя Оствер, созданная на основе королевства Оствер ровно 1400 лет назад. Для империи это солидный срок. Правит в этом государстве, естественно, император. Да вот только власти и силенок у него нет.

Властитель огромной державы, на данный момент тринадцатилетний Марк IV, — всего лишь марионетка Верховного имперского совета, в котором заседают восемь человек. Это пять великих герцогов, патриарх объединенных религий и верховный жрец бога Самура Пахаря, архимаг, отстаивающий интересы всех магов империи, и глава Торгово-промышленной палаты. Простой народ, как водится, на политику державы влияния не имеет.

Пункт три — краткая история. Планета Кама-Нио — очень древний мир. Первое серьезное государство здесь возникло еще двадцать пять тысяч лет назад, и этому имеются достоверные подтверждения в виде сохранившихся от былых эпох книг и памятников культуры.

Но меня больше волновали остверы, и все мое внимание было сосредоточено на них. Сначала Оствер был горным королевством на окраине империи Ишими-Бар, а когда она развалилась под напором кочевников с севера (есть тут такие, на оленях скачут, и хотя их немного, они сильные бойцы), остверы начали экспансию и, когда подмяли под себя три близлежащие провинции, объявили себя империей.

Во главе народа стоял могучий род Анхо, и император сосредоточил в своих руках все нити управления. Он Верховный главнокомандующий, Великий понтифик и архимаг. Три в одном, как говорится,

суперчеловек как он есть, практически бессмертный воин и маг, проживший порядка четырехсот семидесяти лет. За этот срок могучее государство по-любому можно было создать, и первый император Иллир Анхо спокойно и без надрыва это сделал.

Однако, к сожалению барона Койна, великий властитель погиб, как и отчего, до сих пор толком не известно. И на одного из потомков великого Иллира свалилась огромная власть, а он, как водится, глядя на бессмертного папашу, о правлении не думал и к нему не готовился. В итоге второму императору до первого было очень далеко.

Но система, построенная Иллиром, работала как швейцарские часики, надежно и без сбоев, так что все шло своим чередом. Дворяне служили обществу. Крестьяне сеяли и жали. Священники зывали к богам, а маги развивались и исследовали новые горизонты своего ремесла, превратившегося в искусство.

В общем, все было более или менее нормально. Императоры сменялись один за другим своим чередом, и каждый последующий был слабее предыдущего. Развитие государства сначала замедлилось, затем остановилось и застыло в стагнации, а лет четыреста пятьдесят назад начался откат в прошлое.

Сначала один из императоров проиграл три войны подряд и потерял четыре экспедиции, отправленные за океан. И за такую бездарную политику некогда верные дворяне его убили. После этого аристократы почувствовали вкус крови, и наследник убитого превратился в марионетку и символ.

И понеслось. Закрепощение крестьян. Города отдаются во владение самопровозглашенным великим герцогам, храмовникам, магам и торговым магнатам. А внутри правящих слоев после убийства главы государства прокатилась такая волна насилия, которая за сорок лет вымыла из общества практически всех, кто мог бы встать за императора.

В результате многие знания утеряны, транспортные телепорты, связывающие крупные города Оствера, приходят в негодность, а починить их не всегда удается; регулярные войска разлагаются и заменяются частными армиями, и на границах неспокойно. Впрочем, несмотря ни на что, империя все еще очень сильна.

Пункт четыре — население и территории империи. По размерам владения Оствера просто огромны. Бросив один взгляд на весьма точную карту империи, я подумал о том, что она больше такой страны, как Россия, поскольку раскинулась сразу на трех материках и омывается четырьмя океанами, не считая морей. А помимо материковых земель на Эранге, Мистире и Анвере были еще несколько крупных островов и архипелаги, колонизированные имперцами.

Что касательно людей, то общая численность народонаселения в государстве немногим больше шестисот миллионов. Но Койн говорил, что официальная перепись делалась пятнадцать лет назад, и местные владетели зачастую занижали количество своих подданных, дабы не платить за них налоги в имперскую казну. И получается, что на территории Оствера вполне спокойно может проживать хоть миллиард людей.

Пункт пять — расы и нации. В мире Кама-Нио основная раса — люди, преимущественно европейского типа, хапнувшие под себя три материка и все водное пространство вокруг. Кроме них имеются дари — нечто вроде эльфов, которые за океаном держат один из лесных материков, по размерам сопоставимый с Австралией.

Затем душихи-малаи, которые своим образом жизни напоминают сказочных гномов, но они люди, просто подслеповатые, лысые, приземистые, в основном живут под землей, а на голове у них небольшие рожки. Они проживают на пятом материке Кама-Нио и достаточно мирно сосуществуют с манкари, еще одной расой планеты, достаточно развитыми людьми с ярко выраженным красноватым оттенком кожи. Не загар и оттенок, как у индейцев, а действительно красная кожа, сохраняющая цвет, как сказал Ангус, даже если ее снять и высушить.

Помимо всех вышеперечисленных народов и рас имеются какие-то редкие промежуточные полукровки и мутанты из древних времен, около сорока видов и подвидов, на которых мой главный источник информации, маг Койн, внимание не заострял.

Пункт шесть — социальные уровни. Наверху император — символ, и не более того. За ним Верховный имперский совет, где каждый человек — это верхушка айсберга и государство в государстве, со своими армиями, территориями и политическими интересами.

Далее следуют герцоги, вроде Андала Грига, которых на данный момент в империи сорок восемь человек, и князья, наследственные владетели национальных территорий на основе покоренных государств, принявших власть Оствера, этих пятнадцать. Под герцогами и князьями стоят графы, богатые и бедные — всякие, и этих представителей благородного сословия четыреста родов.

Далее бароны, мелочь аристократическая, восемьсот пятнадцать семей в общей сложности, и это только старые фамилии, которым не менее трехсот лет. А помимо этого имеются так называемые домашние бароны, то есть те, кто получил титул от одного из великих герцогов.

За низшими аристократами, как водится, вольные и пока еще не закабаленные люди, торговцы и ремесленники, различные вспомогательные сословия, жрецы мелких божков и имперские чиновники самых разных рангов.

Далее крепостные из народов империи и остверов, что-то вроде холопов времен царя Петра I или римских колонов-арендаторов. И последняя ступенька, разумеется, рабы — бесправные животные, рабочая скотина, являющаяся движимым имуществом.

Пункт семь — магия. Насколько я понял, существует некое пространство, называемое Дольний мир, и некоторые люди могут качать из него силу, использовать ее и называть себя магами. И если раньше чародеем мог стать почти любой человек империи, обучившийся управлению силами, то теперь это очень закрытая каста, со своими школами, городками, доходами, жизненными приоритетами и внутренней иерархией.

При этом провозглашается, что магия — для избранных, а кто не состоит в одной из пятнадцати официальных магических школ, тот опасен своей неученостью, могущей навредить людям, и поэтому подлежит смерти; конечно же, если он вовремя не встанет под руку архимага. Дядя Ангус, как и все дворяне, в которых сильно развита способность оперировать силами Дольнего мира, — исключение из правил, ибо правило касается только простолюдинов и рядовых вольных граждан империи.

Впрочем, даже Койн приписан к одной из магических школ; кажется, что-то связанное с боевым применением энергетики Дольнего мира. И он является своего рода свободным художником и исследователем, который напрямую никому не подчиняется, но который может, в случае большой нужды, обратиться за помощью к сообществу магов. Короче говоря, Ангус Койн, потомок обедневшего благородного рода, в этой жизни пристроился нормально.

Пункт восемь — религия. В империи многобожие: семь основных богов и непомерно большое количество малых. Самый главный бог — Самур Пахарь. Жрецы, как и маги, являются закрытой кастой со всеми вытекающими из этого последствиями. Словно чародеи, они могут оперировать силой Дольнего мира.

Но если маги используют свободные энергетические потоки, то служители богов — энергетику своих небесных покровителей, для которых Дольний мир является родным. И вся остальная разница между этими двумя группами вытекает именно из этого. У одних — заклятья и руны, у других — молитвы и свитки. И если у магов — школы, то у жрецов — культы. В общем, та же балалайка, только вид сбоку.

Пункт девять — технологический уровень. Смута в империи, разумеется, аукнулась всем и сказала на промышленном потенциале государства. Раньше, во времена сильных императоров, имелись заводы и мануфактуры, выпускающие продукцию конвейером. Постоянно

изобреталось что-то новое, и даже были попытки ввести в войсках артиллерийские части.

Сейчас все сошло на нет. Вокруг снова царит кустарное производство, а что осталось, — в основном это большие доменные печи, какие-то мануфактуры и ткацкие фабрики, — все находится во владениях одного из великих герцогов, жрецов, магнатов или магов. Так что в Оствере, как и в окружающих его государствах, по меркам Земли примерно позднее Средневековье или Ранний Ренессанс.

Пункт десять — войска империи Оствер. Первым императором была создана превосходная военная машина, которая состояла из четырех частей и делилась на гвардию, боевые полки первой линии, территориальные войска и стражу.

Начну с последней части, то есть со стражи. Она сохранилась, но утратила общее руководство и централизацию и теперь подчиняется непосредственно правителю или чиновнику, который держит тот или иной город или провинцию.

Территориальные войска, — учебные полки, как их раньше называли, — давным-давно распущены, а их казармы по всей империи заняты дружинами феодалов, жрецов, магов и местных богатеев. И все, что от них осталось, это восемь учебных военных заведений, которые готовят кадры для дворянских войск и частично для регулярных полков.

Кстати, этих самых армейских подразделений осталось не так уж и много — вполтину от прежнего числа, всего шестьдесят полков по две тысячи воинов в каждом. Разделенные на четыре армии, эти воинские формирования неравномерно раскиданы по всем обширным границам Оствера.

Ну, а что касается гвардии, то это полнейший мрак. Давным-давно имелись десять элитных полков, а остались три, и служить в гвардейской части было равносильно тому, чтобы написать у себя на спине «Предатель! Вор! Человек без чести! Плюнь в меня!» Думаю, сразу становится понятно, из кого формировались эти подразделения — конечно же, из отребья и неудачников.

Пункт одиннадцатый, последний — семья. Род Ройхо, в котором я имею честь пока что быть наследником, очень древний и знатный и в свое время дал империи трех канцлеров, шесть маршалов, около пятнадцати генералов, большое количество магов и множество чиновников и управленцев.

Герб его — руна «Справедливость» (вертикальная палочка, на которой два луча сверху направлены вниз, а два снизу вверх) на фоне красного солнца. Незатейливый герб, без финтифлюшек и цветочков, мечей, львов и грифонов с коронами, а значит, древний. И вот именно

тяга к справедливости и привела семейство Ройхо к тому, что есть сейчас.

Один замок (надо сказать, отличное укрепление в хорошем состоянии), несколько десятков слуг и полторы сотни дружинников. С одной стороны — враждебные земли герцога Грига, а с другой — холодное море.

Глава семейства, бывший полковник без доходов, надеется на то, что по весне налетит на неблагородного соседа и разгромит противника. Жена графа, урожденная баронесса Койн, была бесприданницей, но чрезвычайно красивой девушкой, и могла бы выйти замуж за кого-то более благополучного и богатого, чем граф Квентин. Но Катрин пошла на поводу чувств, и теперь она графиня и мать пяти детей — трех сыновей и двух дочерей.

Найду ли я свое место в этом семействе? Пока не знаю, но, конечно же, надеюсь только на лучшее, а сам готовлюсь к худшему.

Таковы итоги моих первых двух недель в замке Ройхо. И помимо того, что я понемногу начал осваиваться и смиряться с тем, что отныне мое имя не Алексей, а Уркварт, новое тело стало подчиняться мне, словно родное.

И как только я смог твердо встать на ноги, то незамедлительно начал передвигаться по комнате Койна и делать максимально возможное количество приседаний и отжиманий, качать пресс. Нужны были нормальные мускулы, и пока имелось свободное время, я готовил себя к будущим испытаниям, ибо мир вокруг меня опасный и неприветливый.

И хотя порой мне хотелось выкрикнуть что-то вроде: «Млять!!! Домой хочу!!!» — я сдерживался, стараясь принять все происходящее вокруг как данность, и продолжал наращивать мышцы и усиленно потреблять продукты питания.

Отметив, что я уже практически здоров, маг провел со мной несколько дополнительных бесед и устроил краткий экспресс-опрос по знанию мира Кама-Нио. После чего, предупредив всех домочадцев замка о том, что в связи с перенесенной болезнью у меня возможны провалы в памяти, он выпустил меня в замок.

Так что сегодня, тридцатого юнара, обновленный Уркварт Ройхо вышел на волю. При этом я понимаю, что со стороны сурового графа Ройхо и Ангуса, который обманчиво кажется добрым человеком, доверия ко мне по-прежнему нет, и в случае проблем они меня сразу же прирежут.

Однако деваться мне некуда, и поэтому пока я принимаю правила навязанной мне игры, дабы как-то выкрутиться из той паутины, в которую попал. Ведь несмотря на то, что маг считает меня копией,

я все равно полноценный человек и индивидуальность, а значит, мне хочется жить.

Глава 3

Империя Оствер. Замок Ройхо. 15 февраля 1401 года

Граф Ройхо и барон Койн, оба закутанные в тяжелые, подбитые мехом плащи, прогуливались по стене замка, осматривали засыпанные снегом окрестности и время от времени бросали взгляды на внутренний двор, где шла тренировка дружинников, махавших деревянными мечами.

— Завтра утром за мной прибудет повозка под охраной воинов нашей школы, и я буду должен на время уехать, — сказал маг. — Но к весне обязательно вернусь.

— Что-то важное?

— Да. Меня вызывает мой учитель Асим Вишнер, перед которым я должен отчитаться в своих успехах за последние два года.

— А это не может подождать?

— Нет. Если я имею намерение продвинуться в иерархии школы «Торнадо», а такое намерение у меня есть, то просто обязан поддерживать своего покровителя Вишнера и держать его в курсе всех моих дел.

— Мог бы и через медиума перед ним отчитаться.

— Это само собой, но не все можно передать через другого человека.

— Ты имеешь в виду наследие моего прадедушки и твой неудачный поиск его дневников и изделий? — Ройхо усмехнулся и затыкнутой в черную перчатку ладонью дружески похлопал Койна по плечу.

— Ну, — маг поморщился как от зубной боли, — кое-что я все-таки нашел.

— Пару кристаллов, несколько не очень ценных артефактов и разгромленную лабораторию? Ой как много за два года.

— И это немало. По крайней мере, известно, что Руфус Ройхо в самом деле вел какие-то работы в области защиты от боевой магии, чего-то достиг, и перед тем как погибнуть в бою с лучшими воинами тогдашнего архимага, он успел спрятать все свои самые ценные амулеты.

— Дальше можешь ничего не говорить, — взмахнул рукой граф. — Все твои доводы я слышал уже тысячу раз. У него не было времени. Он спрятал клад в своем замке или где-то рядом. И чтобы его найти, надо просто хорошо поискать. Чепуха, Ангус! Не было ничего, а иначе за двести с лишним лет наша семья хоть что-то, но нашла бы.

— Возможно, что так и есть, но я рук не опушу.

— Поступай как знаешь, упрямец, тем более что я всегда рад тебя видеть, а в весеннем боестолкновении с герцогом твоя сила нам понадобится. Ты ведь не откажешься погонять Грига?

— Не откажусь, для меня это хорошая практика. Однако герцог не слабак, у него свои маги есть, и надо сказать, неплохие, и полторы тысячи мечей в постоянной дружине, не считая трехсот стражников в Изнаре.

— Вот и отлично, будет с кем всерьез подраться.

Внизу в это время раздался вскрик. Посмотрев на дружинников, дворяне увидели Уркварта, который яростно отмахивался тяжелым учебным мечом от десятника Юнга. Проигрывая, он попытался взять опытного воина на горло, но Юнг на это не реагировал и продолжал методично загонять графского сына в угол между стеной и Восточной башней.

— А неплохо паренек держится, — отметил барон Койн. — Не сдастся и не трусит. В учебе прилежен и к тебе подольститься не пытается.

— Да, — согласился с магом граф, — молодец. Жаль только, что он не настоящий Уркварт.

— Так в чем проблема? Сделай его истинным Ройхо. Сегодня день необычный, как раз то, что надо. Вспомни предания старины о том, как оскудели людьми рода остверов после первой войны с Ишими-Бар и каждая семья брала по три-четыре человека со стороны в приемные сыновья.

— Помню это предание. Но сейчас вроде бы время не то.

— Как раз таки именно то, Квентин. Сколько было Ройхо в расцвет империи?

— Около четырехсот.

— А сейчас только твоя семья и осталась, а тут еще потеря наследника.

— Значит, предлагаешь усыновить чужака в теле моего сына?

— Конечно. Катрин и детям этого знать не надо. Останетесь один на один, и проведешь обряд. Все по старому закону. Наследником второго сына сделаешь, а Уркварту, как и собирался, волю дай. Затем я «Ловца душ» очищу, чтобы не было соблазна парня под жесткий контроль взять.

Граф посмотрел на Уркварта, которого десятник сначала прижал к стене, а затем жестким и быстрым ударом сбил наземь и который все равно пытался подняться, и одобрительно кивнул:

— Пожалуй, ты прав, друг, так я и сделаю. Перед духами предков признаю его своим приемным сыном, а наследником объявлю Айнура. Но есть одно но: а что если духи не примут его как своего?

- Мне кажется, что все сложится хорошо.
- Посмотрим.

* * *

Моя новая жизнь на удивление быстро вошла в колею. Семья графа, за исключением самого отца семейства, признала меня за своего. И все мои странности и неправильное построение речи, несвойственные прежнему Уркварту, домочадцы списывали на болезнь и жалели меня, как могли.

Ну и я, соответственно, на такое отношение отвечал добротой и теплом, ибо было бы свинством, как сказал один киногерой, «злом платить за предобрейшее». И один раз я даже смог оказать моей новой семье небольшую услугу.

Сестры-близняшки, белокурые семилетние милашки Джани и Наири, сбежали от няньки и полезли на чердак, вроде бы за голубями. Но лестница была старая, основа лопнула, и они повисли в трех метрах над каменным полом. Я оказался рядом, услышал их крики о помощи и успел поддержать лестницу до того момента, как подошли слуги. И хотя девчонки не убились бы, а раны им подлечили бы магией, но я все же помог семье Ройхо хоть такой малостью и был этим доволен.

Дни летели за днями. Я окреп и начал набирать массу тела, а после того как барон Койн вытрусил из меня всю интересующую его информацию о мире Земля, получил свободное время.

Воспользовавшись этим, я пристально присмотрелся к жизни средневекового замка, которую мог видеть только из Центрального донжона: дальше меня не выпускали, объясняя это тем, что мой организм еще слаб.

Затем я пообщался со своими неожиданными братьями по крови, двенадцатилетним Айнуром и девятилетним Трори, смысленными и верткими пареньками. А после — с моим учителем Гради Тайфари, которого, кстати сказать, освободили от обязанности быть дядькой графского наследника и вернули на должность десятника (сержанта) в дружину.

После этого, в меру своих способностей проанализировав происходящие вокруг меня события, я вновь начал всерьез задумываться о планах на будущее.

Итак, что я имею? Пока меня никто не пытался убить или лишить разума, хотя сделать это было очень просто. Маг Ангус Койн прямо сказал, что имеет возможность подчинить меня своей воле, поскольку именно его магический артефакт перенес мою копию в тело Уркварта Ройхо.

Однако пока я никому не мешаю, вокруг меня все тихо и относительно спокойно. И я являюсь обладателем неплохого тела, которое хоть и выглядело поначалу худосочным и рахитичным, быстро приходит в норму.

Вне всякого сомнения, спокойствие, хорошее отношение семьи Ройхо и справное молодое тело — это хорошо. Но постоянно возникало множество вопросов. А что дальше? Кто я в этом мире, если не могу вернуться на Землю? Какова моя стезя? Что мне готовит граф Ройхо?

Ответов пока не было. Маг отшучивался или постоянно уводил разговор в сторону, ограничиваясь самыми общими фразами. А к Квентину подойти было немного боязно. Когда он меня видел, сначала улыбался, а потом становился хмурым, словно туча, и мне казалось, что он готов кинуться на меня и разрубить тело Уркварта напополам: типа «так не доставайся же ты никому».

Умирать не хотелось. И я пару раз подумывал о побеге из замка. Но эти мысли быстро улетали прочь, как нереальные, ибо за стенами замка — суровая зимняя пора, незнакомая местность и разведчики герцога Грига, пару раз замеченные патрулями. Они меня не упустили бы, даже если бы удалось выбраться из замка. Впрочем, точно так же, как и дружинники Квентина, которые бы кинулись за мной в погоню.

И здраво оценивая свое положение, я приходил к выводу, что надо поговорить с графом Ройхо, так как именно от него зависит вся моя дальнейшая жизнь. И вот три недели назад я решил и вместо полуденного сна отправился в библиотеку, где граф в это время обычно проводил один час за чтением военных трактатов и планированием операций против герцога Грига.

На входе я остановился. Вобрав в себя воздух, задержал его на пятнадцать секунд и выдохнул, и так три раза. Это метода старая, она помогает успокоить сердцебиение.

Открыв широкую резную дверь, я оказался в просторном помещении. У высокого стрельчатого окна находились пара столов и кресла, и в одном из них сидел человек, называющий себя моим отцом.

Лишь только моя нога переступила через порог, как старший Ройхо посмотрел на меня, и его правая рука непроизвольно опустилась на рукоять широкого кинжала, который всегда висел у него на поясе. Взгляд у местного владетеля был тяжелый, и на миг я засомневался в себе. Но отступить значило упасть в рейтинге графа на один пункт.

Переборов свое смущение, я твердым шагом прошел между сундуков с книгами, которые стояли вдоль стен, приблизился к Квентину и, остановившись в полутора метрах от него, слегка поклонился.

- Чего тебе? — убирая руку с кинжала, пробурчал хозяин замка.
- Я бы хотел поговорить с вами, господин граф, — ответил я.

Старший Ройхо мотнул головой влево:

— Садись, пообщаемся.

Сев на указанное мне место и не дождавшись вопроса от Квентина, я начал сам:

— Господин граф, так случилось, что я оказался в теле вашего сына. Это было ваше решение, а не мое, поэтому не надо смотреть на меня, как на врага.

Квентин немного втянул голову в плечи, вроде как набычившись, и сказал:

— Дело не в тебе, землянин, а в том, что я не уберег своего первенца и наследника. Поэтому я и смотрю на тебя хмуро, может быть, иногда даже с угрозой. Однако беды от меня не жди, по крайней мере, до тех пор, пока ты соблюдаешь нашу договоренность.

— Благодарю за разъяснение.

— Это все, из-за чего ты хотел увидеть меня один на один?

— Нет. У меня накопились вопросы, на которые ответить можете только вы.

Граф откинулся на спинку кресла, посмотрел в серый потолок и сказал:

— Давай поговорим... — Он чуть запнулся, но выдал из себя: — Уркварт. Что тебя интересует?

— Какую судьбу вы мне готовите?

— Вот ты о чем, — протянул Квентин. — О будущем думаешь, планы строишь. Хм, быстро ты оклемался и освоился.

— Стараюсь.

— Через два месяца, может быть раньше, ты покинешь замок и отправишься в военный лицей «Крестич» во владениях великого герцога Канима и там проведешь три года. Затем будешь предоставлен сам себе. Тебя устраивает мой ответ?

— Да. Но по сравнению с другими учениками школы, которые уже являются неплохими фехтовальщиками и хорошими наездниками, я слаб. Поэтому я хотел бы попросить вас, чтобы мне разрешили более свободное перемещение по замку, а также конные прогулки, тренировки с дружинниками и общение с воспитателем Гради Тайфари, который занимался с вашим сыном.

— Думаешь, что тебя сразу же загнобят соученики или достанут убийцы Грига?

— Есть такая думка, господин граф.

— Хорошо. С завтрашнего дня ты не ограничен пределами Центральной башни. Выберешь себе лошадь и сможешь выезжать вместе с дружиной на проездку и посещать тренировочный зал.

— Благодарю.

— Свободен.

— Но...

Я хотел задать графу еще пару вопросов, в частности о том, почему у всех обитателей замка на шее или на руке висят защитные амулеты и различные обереги, а у меня нет ни одного. Но старший Ройхо так посмотрел на меня, что я решил не искушать судьбу, покинул библиотеку и направился к себе в комнату.

Далее этот день прошел как обычно, а вот следующий начался с резкого подъема. Еще до рассвета меня разбудил Тайфари, и в одних свободных штанах, перетянутых ремнем, я вылетел на замковый двор, где вместе с воинами графа сделал зарядку и обтерся свежим снежком. Затем оделся, посетил конюшню, выбрал лошадку поспокойней и через полчаса впервые выехал за стены. Прогулка заняла час, еще полчаса ушло на то, чтобы почистить лошадь, и двадцать минут — на завтрак. Утро явно было бодрым.

После завтрака вместе с дядькой-учителем мы оказались в оружейной комнате. И какого оружия я там только не увидел! Мама моя родная! Одних мечей самых разных типов и видов было порядка семисот штук, а помимо них имелись тяжелые рапиры и даже пара тонких шпаг. А были еще копья и рогатины, луки и арбалеты, палицы и топоры, кинжалы, шестоперы, тяжелые метательные звезды, трезубцы и многое другое.

— Выбирай, — произнес мой воспитатель, неразговорчивый и нелюдимый, но по какой-то причине преданный Уркварту, словно собака.

При этом он совершенно случайно, на автомате, посмотрел на меч в простых деревянных ножнах, который находился не в связке и не на стене, а в стойке, немного в стороне. Это был широкий клинок сантиметров шестидесяти в длину, с рукоятью, оплетенной кожей, и он сильно напоминал римский пехотный меч, который, кажется, назывался гладиус. Мне подумалось, что это оружие прежнего Уркварта.

Я взял его, примерился к рукояти, почувствовал, что меч сидит в руках как влитой, и понял, что не ошибся: ранее клинок, действительно, принадлежал наследнику графа.

— Вот же, — вытаскивая клинок из ножен и всматриваясь в чистую сталь, услышал я позади себя голос Тайфари, — колдовство и болезнь тебя памяти лишили, а руки сами к любимому оружию тянутся.

— Что это за меч? — спросил я дядьку.

— Пехотный корт для ближнего боя, стандартное оружие линейных имперских частей и егерей.

— Угу, — буркнул я и, все так же не оборачиваясь, резко сменил тему и поинтересовался: — Гради, слушай, а как мы с тобой познакомились?

Тайфари шмыгнул носом.

— Это два с половиной года назад было, Уркварт, в твой тринадцатый день рождения. Ты тогда к папеньке в гости приезжал, и он тебя в полк взял. А там как раз меня плетями наказывали, восьмой десяток ударов пошел.

— За что?

— В кости проигрался, пошел на преступление и совершил воровство полкового имущества. Приговор — двести плетей, а у нас больше, чем сотню, никто и никогда не выдерживал.

— И что дальше?

— Ты с коня бросился и меня от палача собой прикрыл. Ну, господин граф сжалился надо мной, вспомнил, что я с ним десять лет по всей империи мотаюсь, и сказал, что дает мне второй шанс. С тех пор я рядом с тобой.

— Понятно.

Мы покинули арсенал, в котором я даже половины всех запасов не видел, оказались на тренировочном поле, и мне в руки вместо меча дали тяжелую палку.

С этого началось мое обучение у дружинников, и мне пришлось попотеть, потому что воины графа подходили к делу ответственно и со всей серьезностью. Сначала разминка и силовой тренинг. Затем краткое объяснение того или иного приема или стойки. А после этого отработка ударов и защиты. И так несколько часов подряд. Обед. И снова все по новой до позднего вечера.

Только в темноте я смог вернуться в свою комнату, помыться, переодеться в чистую одежду, поужинать, отдохнуть и послушать байки Тайфари, который рассказывал мне о мире Кама-Нио более подробно, чем маг.

Благородным людям что? У них своя жизнь, парят в поднебесье со своими проблемами и заботами. Так что Ангус затрагивал лишь основные моменты имперской жизни. А такие вопросы, как платежные средства, сельское хозяйство, придорожные трактиры, жизнь обычных людей, транспорт, почему в столице услуги проституток, сколько стоят рабы и кто противники империи на востоке, юге и западе, его как-то не волновали.

И именно от дядьки-воспитателя, а не от мага, я узнал, что существуют оборотни и вампиры, которые отнюдь не сказки, а реальность, хоть и редкая, а главная денежная единица империи — это золотая монета иллир, которая стоит десять серебряных ниров, а один нир — это сотня медных бонов.

Всю эту информацию я впитывал, как губка, крепко запоминал, перерабатывал, переосмысливал и подгонял под себя. Это было хорошо, поскольку информация — сила. Новые знания вселяли в меня некоторую дополнительную уверенность в завтрашнем дне и заставляли активней заниматься и тренироваться.

Так я прожил до середины февраля, который здесь называется месяцем нара. И сегодня у меня впервые был серьезный тренировочный спарринг с десятником Юнгом, одним из моих учителей.

Естественно, я проиграл все три схватки из трех и даже ни разу не дотянулся до сержанта, слишком тот опытен. Однако я выстоял, не сломался, удостоился похвалы ветеранов и от этого был немножко горд собой. И с началом сумерек уже приготовился к тому, чтобы продолжить слушать истории дядьки.

Однако оказалось, что эта ночь для всего семейства Ройхо необычная — День поминовения предков. Вечером должно было состояться посещение родового храма. Так что, поужинав, мы с моими нечаянными братьями Айнуром и Трори вышли на покрытый свежим снегом и освещенный масляными фонарями двор замка, где присоединились к отцу, матери и сестрам.

Глава рода Ройхо оглядел нас и улыбнулся мне. Но быстро вспомнив, что я не его настоящий сын, снова стал серьезным и хмурым.

Граф зашагал в сторону родового храма, расположенного в Левом Приморском донжоне; мы, конечно же, за ним следом. И через сотню метров, все вместе, Ройхо вошли в башню и, повернув от входа налево, оказались в теплом просторном помещении в форме квадрата, посреди которого стоял белый мраморный алтарь. Подле него двумя полукружьями горели два десятка свечей, а на стенах храма висели около сотни портретов.

Это был своего рода зал славы графского рода, и прежде в этом месте мне бывать не доводилось. Поэтому я осматривал картинную галерею с неподдельным интересом, так как посмотреть было на что. И хотя я не мог сказать о себе, что являюсь ценителем живописи, тем не менее сообразил, что картины написаны профессионалами высокого уровня, а не деревенскими мазилами. Видимо, память предков в замке чтит и на портреты не скупилась.

Квентин тем временем начал рассказ о делах древних Ройхо, и три часа подряд все мы внимали его красочной речи и откладывали на подкорку мозга каждое слово. Когда он закончил, вся семья, и я в том числе, встала полукругом вокруг алтаря и хором произнесла слова, придуманные еще третьим графом Ройхо.

Все присутствующие говорили, а я повторял за ними:

— Слава вам, предки наши! Мы, ветви вашего рода, пришли почтить вас, ибо помним о делах ваших славных и о том, кто мы есть в этом мире! Благодарим вас за жизнь и надеемся на то, что сейчас из мира мертвых вы смотрите на нас с одобрением! Храните наш очаг и благословите своих потомков!

Одновременно с последними словами пламя свечей на краткий миг взметнулось высоко ввысь. И если бы я был дома, то посчитал бы, что это какой-то фокус. Но поскольку вокруг меня мир Кама-Нио, то вполне возможно, что сейчас за нами действительно, как и говорил Квентин, наблюдали духи семейства Ройхо.

На этом моменте поминовение предков можно было считать оконченным. Но граф отправил семью на отдых, а мне велел остаться на месте. И когда Катрин и дети вышли, он достал из-за алтаря серебряный витой кубок с резьбой по ободу и бутылку вина.

Граф налил в емкость темно-красную жидкость, поставил ее между свечей и сказал мне:

— Дай свою ладонь.

Не задумываясь, я протянул ему правую, а он крепко ухватил ее, как клешнями, и подтянул меня к алтарю. Затем в его руке блеснула сталь кинжала, которая прошла по внутренней стороне моей ладони. Моментально брызнула кровь, и граф, возразить которому я не посмел, направил ее в емкость. Сколько крови вылилось в вино, не знаю, но граммов сорок-пятьдесят точно; это можно было определить по тому, как уровень жидкости в кубке поднимался.

Наконец граф выпустил мою руку. Я сжал ладонь в кулак и стиснул зубы, чтобы не закричать, а Квентин впервые по-доброму усмехнулся и рассек свою ладонь. Кровь старшего Ройхо смешалась с вином и моей живительной рудой.

— Духи предков! — произнес граф, после того как кубок наполнился до краев. — Примете ли вы нового родича в семью Ройхо? Дайте нам знак!

Вновь пламя свечей взметнулось ввысь. И в этот момент произошло нечто странное и в самом деле чудесное: кубок начал опустошаться, уровень опускался на глазах, и вскоре емкость была совершенно пуста. Свечи убавили свою яркость, огоньки стали обычными, и граф Ройхо, повернувшись ко мне лицом, надел на мою левую руку тонкий витой браслет из серебра с поперечным рисунком руны «Справедливость».

— Что это? — спросил я.

— Оберег... — короткая заминка, — сын. Тот самый, который прежний Уркварт носил до того момента, как умер. Он защитит тебя от сглаза, порчи и большинства враждебных магических действий.

Кроме того, он является опознавательным знаком того, кто ты и из какого рода.

— Это значит, что я стал для вас своим?

— Для Катрин и детей ты и так свой, а для меня — только приемный член нашей семьи. Живи по чести и справедливости, и я признаю тебя полностью.

Таким вот образом, сам того не ожидая, я стал приемным сыном рода Ройхо.

Мы с графом вышли из Приморского донжона и увидели, как в замок въезжает закрытый зимний возок на полозьях, сопровождаемый десятком вооруженных всадников. На борту возка был нарисован герб — перекрещенные копыта в обрамлении дубовых листьев на малиновом щите.

Я уже знал, кто это, — троюродный брат графа барон Юрген Арьян, добродушный толстяк и повеса, в молодости пустивший по ветру все немалое состояние своей семьи, но удачно женившийся и за год промотавший приданное супруги, некрасивой и злобной мадам Флоры. Об этом мне рассказал Койн, дабы я знал того, у кого перед своей смертью неоднократно гостил настоящий Уркварт.

Увидев, кто приехал, да еще в снегопад и ночью, граф снова надел на себя маску сурового человека и направился встречать гостя. Ну а я, понятное дело, двинулся в спальню. Время уже за полночь, а завтра мне снова в учебном поединке придется выйти против сержанта Юнга, и наверняка он опять мне накостыляет по первое число, чтобы была графскому сыну хорошая наука и память.

Глава 4

Империя Оствер. Замок Ройхо. 16 – 17 февраля 1401 года

Определенно, жизнь начинала складываться. И то, что я видел вокруг себя, мне нравилось.

Вчера меня признали духи рода Ройхо, и я стал частью дружной семьи. Впереди учеба в военном лицее. Все было в моих руках. Поэтому с утра, несмотря на напряженную ночь, я был бодр, свеж и готов пусть не к великим свершениям, но к усиленной тренировке точно.

Однако в этот день никаких учебных занятий в замке не было, так как дружинники были переведены в состояние повышенной боевой готовности. И виной тому были два события.

Во-первых, приезд барона Юргена Арьяна, который всю ночь о чем-то совещался с графом Квентином. Во-вторых, отъезд мага Койна, за которым прибыл представительный кортеж в лице двух

десятков подтянутых и настороженных бойцов с опознавательными знаками магической школы «Торнадо» — спиралью в вихре.

Кстати сказать, с воинами сопровождения барона Койна из города Изнар, где находился ближайший к замку транспортный телепорт, помимо всего прочего, для графа была передана почта, и среди нескольких десятков писем одно касалось меня. Оно было из военного лица «Крестич», в котором приняли заявку на обучение кадета Уркварта Ройхо и ждали его через месяц для освидетельствования и прохождения медицинского обследования.

«Ура! Ура! Ура! Скоро на волю, и я увижу большой мир!» — такой была первая посетившая меня мысль.

Вторая была более здравой: «Э-э-э, братишка, какая к чертям собачьим свобода? Запрут как тигру в клетку, и будешь, словно стойкий оловянный солдатик, пока ему ногу не оторвало, по плацу маршировать и проходить воду, огонь и медные трубы. Так что, Леха-Уркварт, готовься к суровым реалиям и не думай, что тебя везде будут, как у Ройхо, принимать по-доброму».

Впрочем, раньше времени грузить себя тяжкими мыслями я не стал, тем более думки гонять было некогда. Вместе с домочадцами я попрощался с покинувшим замок дядей Ангусом, который перед этим уведомил меня о том, что мой разум окончательно свободен и независим от артефакта «Ловец душ», снявшего с меня копию.

Когда конные воины «Торнадо», по сути своей профессиональные наемники, работающие на магов за деньги, исчезли в снежной круговерти февральской метели, я на пару с Тайфари отправился в конюшню и занялся приведением своей лошадки в надлежащий вид.

За этим занятием я скоротал время до полудня, после чего вернулся в Центральный донжон и немного раньше времени вошел в столовую: наручных часов нет, вот и прозевал. И по этой причине я стал свидетелем разговора, который подслушал совершенно случайно.

Через один из четырех входов я сунулся в помещение и, на секунду остановившись перед портьерой в основной зал, услышал голос старшего Ройхо:

— Меня не устраивает его предложение.

Следом до меня донесся несколько натужный и нервный голос толстого барона Арьяна:

— Квентин, ты знаешь, как я уважаю лично тебя и люблю твою семью. Но я прошу тебя, спустись с небес на землю и посмотри на все происходящее трезво. Кто ты и кто герцог Григ? За тобой немногим больше сотни мечей, замок без дохода, и вдобавок Койн уехал.

Против тебя очень богатый человек со своим войском, связями, магами и возможностью нанять самых лучших воинов в империи,

каких только можно привлечь деньгами. У Ройхо нет шансов на победу, поэтому прими предложение Грига. Ты публично откажешься от своих слов, получишь три деревушки из десяти, которые у тебя отобрали, и все будет хорошо. Иначе начнется серьезная война, в которой ты потерпишь поражение.

«Так вот зачем барон Арьян приехал, — мелькнула у меня мысль. — Герцог хочет мира, и дальний родственник Ройхо выступает как посредник. Забавно и интересно. Надо отложить эту информацию на подкорку: глядишь, когда-нибудь пригодится».

— Вот, значит, как ты думаешь, Юрген, — сказал граф.

— Да, я так думаю.

— Юрген, ты недооцениваешь меня, старый друг. — Последние два слова Квентин выделил особо. — Замок неприступен, и магией его не взять. Имперцы строили на совесть, так что до весны я в нем удержусь против любого противника.

— Ты постоянно поминаешь весну, Квентин. Но что изменится через два-три месяца? Ничего. И даже если вернется Койн, у тебя нет шансов.

— Открою тебе небольшой секрет, троюродный брат. Мне помогут свалить герцога Грига.

— Кто?! — резко вскрикнул барон.

— Пока это секрет. Но, не имея поддержки, я бы и не думал о сопротивлении Андалу, потому что голова у меня на плечах сидит крепко и соображает, что к чему.

— Это кто-то из великих герцогов, кто желает подмять владение Грига под себя?

— Придет время, и ты все узнаешь. Однако уже сейчас я могу тебе сказать, что Григ проиграет, а я получу то, что всегда принадлежало Ройхо. Мне чужого не надо, но и своего я не отдам.

— Как знаешь, Квентин, — тяжело вздохнул барон. — Но ты уже проиграл.

— Время покажет, кто победитель, а кто в дураках остался.

Граф и барон замолчали, а я тихонько вышел из столовой и вернулся в нее через двадцать минут, как раз к обеду. Главы семейства и гостя здесь уже не было, видимо, они пообедали и ушли в кабинет или в одну из башен замка. Так что поглощение пищи проходило в легкой и несколько шуточной обстановке. Девчонки дразнили Трори, который моментально заводился и сразу же начинал ерзать на месте. Айнур расспрашивал меня о тренировках и мечтал о том дне, когда он тоже сможет заниматься с дружинниками.

А Катрин весь обед просто смотрела на детей, думала о чем-то своем и пару раз, словно вспомнив что-то плохое, хмурилась. Однако

девочки снова начинали паясничать и баловаться, а смотреть на них без улыбки было нельзя, и она вновь становилась спокойной.

Позже я не раз вспоминал об этом обеде и гадал о том, чем было вызвано хмурое облачко на лице графини. Может быть, она чувствовала беду, гадала о судьбе детей или переживала за Квентина? Не знаю. Но тогдашнее лицо Катрин Ройхо врезалось в мою память на всю жизнь, и именно такой я запомнил ее — красивой, уверенной в себе, умной женщиной, которая безмерно любила своих детей и мужа.

Впрочем, продолжаю повествование. Покинув столовую, я вновь отправился на тренировочный плац и застал здесь смешную картину. Десять воинов барона Арьяна, все какие-то толстенькие и неповоротливые здоровяки в шубах, пыхтя и сопя от натуги, с красными, словно помидоры, мордами (на лица перекормленные, заплывшие жиром ряшки бойцов барона не походили) нелепо и неловко тыкали копыями в чучело.

Стоявшие вокруг них дружинники графа, подтянутые и вечно настороженные волки, подбадривали их веселыми выкриками и, словно дети, кидались в их спины снежками.

— Что происходит? — приблизившись к месту потехи, спросил я у Тайфари.

— Да вот, — усмехнувшись, ответил дядька, кивнув на шоу толстяков, — у барона, видать, с деньгами совсем туго стало, и он вместо своих пьяниц, которые у него раньше служили, обжор деревенских набрал. А наши парни их решили немного потренировать.

— Ясно. Сумоисты в бою.

— Какие такие сумоисты?

— Да есть такие герои в одной восточной стране, заплывшие жиром мешки, которые сталкиваются голыми пузьяками и выталкивают противника с ковра.

— Наверное, тебе о них Койн рассказал, я про таких людей никогда не слышал.

Я понаблюдал еще некоторое время за вояками барона, которые нелепо падали в снег, снова поднимались и вновь атаковали чучело, и подивился тому, как можно так себя запустить, а потом называться воином.

Остаток дня я провел в арсенале, где вместе с несколькими дружинниками перебирал, чистил и смазывал оружие. На этом день как таковой закончился. Вполне довольный собой и жизнью, я заснул, и так пролетели еще одни сутки.

Прснулся я оттого, что в мою комнату кто-то вошел. Незапертая на запор дверь открылась без скрипа и шума, и по деревянному полу заскользили шаги. Но, несмотря на осторожность вошедшего, я его

сразу почувствовал. Армейская привычка. Если в палатке или в комнате общежития шум, и гвалт, и берцы топчут, значит, все нормально, а шорох — это уже подозрительно.

Мой разум отреагировал на это соответственно. Глаза открылись и стали привыкать к темноте, а правая ладонь метнулась под подушку, где у меня находился нож. Только раньше, когда я был на Земле, под моим спальником лежал самокованный клинок, копия с НР (ножа разведчика), сделанный из рессоры. Здесь же, как только я получил разрешение графа на ношение оружия, так сразу же в арсенале добыл себе отличный булатный кинжал.

Пальцы обхватили удобную рукоять моего оружия и, стараясь не подать виду, что проснулся, я потянул клинок на себя. О том, что делать дальше, я не задумывался, все определено заранее. Скатиться с кровати в уголок и приготовиться к бою. А то мало ли что. Вдруг меня не убивать пришли, а братишки подшутить захотели, а я их клинком по животу. Нехорошо может получиться.

Я напрягся и, когда крадущийся человек оказался совсем рядом, уже был готов действовать. Но меня остановил голос того, кого здесь и сейчас я никак не ожидал услышать:

— Уркварт, вставай, — полушепотом произнес барон Арьян.

Кинжал в руке переместился под одеяло, и, не расслабляясь, я сел на кровати и поинтересовался у веселого толстяка, который своей объемной тушей четко прорисовывался на фоне окна:

— Что вы здесь делаете дядя Юрген?

— Тебе надо бежать, — заявил он.

— С чего бы это?

— В замке наемники Андала Грига. Я предлагал твоему отцу замирииться с герцогом, а он меня не послушал: гордый слишком и сам себе на уме. Но я хочу, чтобы наследник Ройхо выжил. Поэтому быстро одевайся, я выведу тебя за стены и дам лошадь, а дальше все в твоих руках.

— Так что же ты тут рассусоливаешь, дядя?! — Я вскочил на ноги. — Надо тревогу поднимать!

— Поздно!

— Ничего не поздно, всегда можно отбиться. Где отец?!

— Он уже мертв, — короткий всхлип, — и Катрин тоже, хотя так не должно было случиться.

Во мне словно что-то оборвалось, слишком я привык полагаться на графа. На секунду я растерялся, и тут Арьян — уж на что неповоротливый кабан — резко ударил меня кулаком в солнечное сплетение. Я задохнулся. А тут новый удар, на этот раз по голове, и после него мой разум погрузился во тьму беспомощности.

Сколько времени я находился без сознания, не знаю. Может быть, не дольше двадцати минут, а вполне могло оказаться, что и целый час.

Очнулся я во дворе замка, связанный и в одной ночной одежде. Я находился на повозке, верх которой был накрыт пологом. Через широкую щель между бортом и брезентом я мог видеть часть тренировочного плаца, который был устлан телами убитых воинов графа Ройхо. Большинство из них, как и я, были в нижнем белье — солдатских кальсонах и майках с рукавом, — видимо, смерть застала их во сне.

Только бойцы дежурных десятков были в одежде и броне. Но в каком они находились состоянии! Лучше бы я этого не видел. Рваные окровавленные кольчуги, вывернутые наружу ребра и куски мяса. Было совершенно непонятно, каким оружием их убили. Слуг и домочадцев графа не было видно.

«Что делать? — стучалась молоточком в голове одна-единственная мысль. А вместо ответа приходил только очередной вопрос: — Как быть?»

И в этот момент меня накрыла такая тоска и печаль, что захотелось сдохнуть, лечь рядом с дружинниками и больше никогда не вставать. Как же так могло случиться, что приютившая меня семья пострадала? Почему? За что? Зачем это все — кровь и грязь, смерть и насилие? Пропади все пропадом!

Однако долго заниматься самокопанием мне не пришлось. Откуда-то слева послышался звон клинков и крики. В свете масляных фонарей в доступном мне для обзора пространстве я увидел живых воинов графа, трех сержантов: Юнга, Тимбора Косого и Гради Тайфари.

Эти трое жили вне казармы, в Приморском донжоне над родовым храмом и, видимо, старые опытные бойцы почуяли опасность, встретили ее грудью и теперь пытаются вырваться из ловушки, в которую превратился для них замок. Но даже я понимаю, что сделать это проблематично, потому что они без доспехов и лошадей, и с одними только мечами в руках, а на них насада целая толпа воинов с эмблемой герцога Грига — цветком с шестью синими лепестками на желто-зеленом щите.

Несмотря ни на что, дружинники Ройхо не сдавались, упрямо пробивались к воротам и махали своими клинками так, что любо-дорого посмотреть. Особенно выделялся Юнг, приземистый лысый крепыш в легкой набивной шубейке вроде российской телогрейки.

— Ну, налетай! — выкрикнул он врагам и бросил назад, в сторону Гради и Тимбора: — К воротам! Я прикрою!

Лучший мечник графской дружины бросился в гущу врагов, и в этот момент своей жизни он показал все, что только мог и умел. Какой-то громила замахнулся на него копьём, а он резко отпрынул

в сторону и мягким движением, словно вода, перетек под вражеским наконечником, оказался рядом с врагом и полоснул своим кортом по его шее.

Кровь брызнула во все стороны, но Юнг под нее не попал. Сержант уже находился рядом со следующим врагом, которому рассек мышцы руки. А затем настал черед третьего, у которого он ловким выпадом выбил из рук саблю и отсек ему ладонь.

Бой был жарким и, прикрывая своих товарищей, Юнг дрался как бешеный. Он один был сильнее всей своры своих врагов.

Но тут, перекрывая звон стали и крики раненых герцогских бойцов, раздался резкий и чем-то — может быть, скребущим тембром голоса — неприятный окрик:

— Всем назад! Пусть этим бешеным гоц займется!

Воины Грига отхлынули от сержанта, а тот прижался спиной к стене и громко, понимая, что вскоре умрет, напоказ выкрикнул:

— Что, твари?! Решили меня стрелами или болтами положить?! Говно вы, а не воины! Быдло! Не было вас с нами на Диньском поле, когда мы с асилками три дня резались! Ну, давайте! Стреляйте!

Сержанту никто не ответил. Из темноты, от Правой Приморской башни появился один из тех толстяков, которые приехали с бароном Арьяном. Только теперь этот человек выглядел иначе: это был не перекормленный жирдяй, а по пояс голый перекачанный здоровяк. Морда по-прежнему заплывшая и сальная, а туловище — сплошь мускулы, как-то неравномерно выпирающие из тела и сплетающиеся в какие-то непонятные формы.

Весь вид гоца в данный момент напоминал мне какого-нибудь мутанта из дешевого американского кинофильма или маньяка, пережившего стероидов и стимуляторов роста.

Воины герцога по-прежнему молчали. Юнг пригнулся и выставил перед собой клинок. Гоц прорычал что-то неразборчивое и без разбега, метров с четырех, прыгнул на графского дружинника.

Миг — и он рядом с сержантом, который попытался припасть к земле и подрубить противнику подколенные сухожилия. Но человек-мутант, как я его для себя обозначил, левой рукой схватил Юнга за шкуру и, словно котенка, бросил на стену. Удар!

Сержант пытается подняться и мечом, который он не выпустил из рук, наносит слепой удар в сторону гоца, но тот легко уклоняется и ребром ладони сминает гортань бывшего воина графа Ройхо.

Мне захотелось закричать оттого, что я увидел. Наших бьют! Но в глотке словно комок застыл — не продохнуть и не выдохнуть, —

поэтому я сдержался. И одновременно с последними конвульсиями сержанта Юнга, которого гоц, словно тушку куренка, легко приподнял за ногу и бросил в общую кучу убитых, появились еще два уroda. Оба они, как и их напарник, подкинули на плац по одному телу, и это оказались Тайфари и Косой.

«Значит, — сделал я вывод — все, конец боевой дружине Ройхо. Если даже лучшие сержанты не вырвались из лап предателей, про остальных и разговора нет».

Вокруг меня тем временем началось движение, и человек с сильным, скребущим по душе голосом начал отдавать команды:

— Сотня Бойяра, прочесать все помещения в Приморских башнях! Сотня Ингая, за вами Центральная! Сотня Юкио, Внешние донжоны! Пельс и Хольс, все хозпостройки, помещения слуг и подвалы! Стражники, следить за пленниками и помогать господам магам! Гоцы, на выход! Ждите за воротами!

Прерывая его, послышался истеричный вскрик барона Арьяна, предателя, который ввел в замок гоцев и предал родню:

— Пожар в господских покоях!

— Как?! Где?! Кто допустил?!

— Не знаю! Наверное, это гоцы, когда старшего Ройхо убивали, свечку или лампаду перевернули. Деревянные полы тлели, а теперь они полыхнули. А может быть, старший сын графа, которого до сих пор не нашли, специально подпалил.

— Всем свободным воинам! Тушить огонь! Живо! Повозки и лошадей — за пределы замка!

Командир еще что-то говорил и выкрикивал, а повозка, в которой я находился, тронулась с места, и брезент при движении накрыл меня с головой.

Рядом ржали лошади и суетились люди, а я уже не обращал на это никакого внимания, просто впал в ступор и мое безвольное тело, которое без движения и теплой одежды быстро коченело, дергалось в такт движению повозки. И так продолжалось минут пятнадцать, до тех пор, пока неравномерное подергивание повозки подо мной не прекратилось.

Брезентовый полог откинулся. В свете луны, изредка показывающейся из-за темных туч, я увидел над собой насуспенное, хмурое лицо Юргена Арьяна. Барон кинжалом — кстати сказать, моим — распустил веревки на ногах и руках, а затем с лошади, привязанной к повозке, снял узел с одеждой и кинул его мне.

— Одевайся! Быстрее!

— Да пошел ты! Скотина! — разминая кисти рук и вздрагивая всем телом от порывов холодного зимнего ветра, произнес я.

— Понимаю твои чувства Уркварт. И признаю, что ты имеешь полное право проклинать меня и считать предателем. Но это все потому, а сейчас тебе надо бежать за пределы герцогства Григ.

Я развязал узел, в котором находилась моя повседневная одежда, и стал одеваться, попутно спросив барона:

— Почему ты предал отца?

Арьян, настороженно всматривающийся в сторону замка, в котором полыхала Центральная башня, отступил от меня в сторону и ответил:

— Квентин — воин, и он имел шанс на победу. Но граф почему-то не подумал о том, что он сидит в крепком замке, а у меня такого надежного укрепления нет. И когда ко мне в гости прибыли маги и воины Грига, которые моих троих малолетних детей схватили и каждому к сердцу копьё приставили, мне ничего другого не оставалось, кроме как согласиться с условиями герцога. Однако видишь, рискуя собой, я помогаю тебе спастись.

— Это сколько же на тебе теперь крови будет, дядя Юрген?

— Немало. Но, по крайней мере, твои братья и сестры будут живы; пусть в плену у врага, но целы и невредимы. Герцог пообещал, что не будет их мучить.

— Значит, младшие живы?

— Да, я видел их полчаса назад. Они находились под крепкой охраной, выглядели испуганно, но держались неплохо, не плакали и не стонали.

— И ты веришь герцогу?

— А мне ничего другого не остается. Пока он свое слово держал, а что дальше будет, одни боги и духи знают.

— Как погибли отец и мать?

— Гоцы вошли к ним в спальню и навалились на Квентина. Он пытался сопротивляться, но ничего не смог сделать. Зато Катрина отличилась: схватила арбалет под кроватью и выстрелила. При этом она тяжело ранила одного гоца, и он свернул ей шею.

— А гоцы — это кто такие?

— Квартероны троллей и людей, небольшим родом живут под крылом герцога. Про них мало кто знает.

Затянув ремень на одежде и накинув на себя полушубок, я сказал:

— Понятно.

После чего прыгнул на Арьяна и попытался его ударить. Но ноги меня подвели — кровообращение еще не восстановилось, — так что толчок был слабым, и я не дотянулся до барона.

Арьян отскочил и произнес:

— Еще один такой дурацкий поступок — я позову воинов, и ты присоединишься к своим близким, которым уже не сможешь помочь. — Он сделал паузу и спросил: — Ты понял меня?

— Да.

— Тогда садись на лошадь и скачи к Изнару. Сейчас снова закружит метель, так что умчишься, и никто тебя не хватится; все подумают, что ты сгорел. Выедешь на Южный тракт, доберешься до города, через телепорт выберешься за пределы герцогства и только тогда сможешь подумать о мести — хоть мне, хоть герцогу. Деньги, бумаги графа и его печать — все в чересседельной сумке. Прощай!

— Прощай! — бросил я, вскочил на лошадь и, поворачивая ее на дорогу, добавил: — Когда я вернусь, дядя Юрген, то отрежу тебе голову!

— Давай-давай, — устало взмахнул рукой барон. — В пути, если решишь остановиться в трактире, в любом, представляйся человеком Арьяна. В этих местах меня уважают.

Только раз оглянувшись на горящий замок, я ударил стремями по бокам лошади и направился рысью на юг. В голове был полнейший сумбур, и я пытался разобраться в том, что произошло сегодня ночью в замке графов Ройхо.

В этот момент во мне боролись две моих ипостаси. Одна, земная, говорила, что подрались два феодала, и один из них проиграл, так что я здесь ни при чем — так, с боку припека. А другая ипостась, уже примерившая на себя личину графского сына, утверждала, что поражение потерпел «свой» феодал, который отнесся ко мне по-человечески.

А значит, я обязан семье Ройхо, и выручить из лап подлого (данная характеристика обязательна) герцога Грига своих новых братьев и сестер — моя святая обязанность.

Как поступить, я пока не знаю. Но четко понимаю, что люди местного правителя Андала Грига меня в покое не оставят. Помощи здесь я не найду, а сам еще не имею такой силы, чтобы дать противникам отпор.

Так что, как ни прискорбно это признавать, но барон Арьян, подлец такой, прав. Мне необходимо бежать отсюда куда подальше, а там видно будет, что произойдет и можно ли отомстить убийцам графа Квентина, официальным наследником которого я, между прочим, пока еще являюсь.

И хотя все получилось печально, и семейство Ройхо потерпело поражение, никто не говорил мне, что все будет хорошо и что я попал в сказку. Во всяком случае, если вокруг меня и сказка, то весьма злая и сильно приближенная к реальной жизни, которая совсем не похожа на танцы буги-вуги по весне.

Глава 5

Империя Оствер. Город Йонар. 21 февраля 1401 года

Как я добирался в Изнар, основной город во владениях герцога Грига, это целая история с самыми разными мелкими дорожными ситуациями, встречами, разговорами, впечатлениями, наблюдениями, опасениями и переживаниями.

Однако если кратко, то я рысил на лошадке, предоставленной мне бароном Арьяном, до тех пор, пока бедная животина была в состоянии двигаться. И только когда я удалился от замка Ройхо километров на пятьдесят и лошадь начала спотыкаться, только тогда, часам к десяти утра, я заехал в одну из деревень перед поворотом на Южный тракт и посетил местный трактир.

А поскольку я впервые был полностью предоставлен сам себе, то все, что я видел в пути, было мне в новинку. Хотя понятие о том, чем живут люди окрестных земель, как они отдыхают и почему здесь товары и услуги, я имел, так что поначалу был намерен не теряться и действовать решительно.

Ведь в этом деле, в придорожном отдыхе, главное показать, что ты уже многое повидал, и харчевня у дороги, в которую ты зашел, не то что не первая, но даже и не сотая на твоём пути. Так меня учил покойный дядька Гради, и я его заветы помнил крепко.

Но оружия у меня не было. Барон по какой-то причине мне его не дал — то ли забыл, то ли специально, чтобы я глупостей не наделал. Знаки принадлежности к свите или отряду герцога у меня отсутствовали, и выглядел я как мечта разбойника с большой дороги — беззащитная потенциальная жертва. Поэтому, чтобы не огрести неприятностей, я решил на рожон не лезть и воспользоваться рекомендацией Арьяна.

И о чудо! Лишь только я вошел в трактир, обычный продолговатый двухэтажный барак из неошкуренных бревен, с одной стойкой и парочкой длинных столов с лавками, и заикнулся о том, что являюсь доверенным лицом барона Арьяна, как все сложилось самым наилучшим образом.

Трактирщик, полноватый дядька с лицом простака и оценивающим взглядом вора, сразу же предоставил мне свежую лошадь, накормил меня и напоил горячим взваром. Видимо, Арьяна здесь знали, да и немудрено: его хлипкий замок находился всего в десяти километрах от места моей первой остановки.

Правда, за все свои услуги хозяин заведения содрал с меня целый золотой иллир, что было втрое выше предполагаемых расходов. Ну и ладно, расходы на тот момент меня не волновали.

В этой харчевне я смог немного передохнуть, отогреться, подготовился к продолжению путешествия и в темном уголке осмотрел сумку с вещами. И что же я там обнаружил? Во-первых, раритет — защищенную магией от плесени, сырости и ветхости грамоту от самого первого императора Иллира Анхо, которая удостоверяла право семейство Ройхо титуловаться графами.

Во-вторых, имелась графская родовая печать — руна «Справедливость» на фоне солнца. В-третьих, деньги — целых двадцать пять золотых иллиров. Огромная сумма для одинокого парня без поддержки, дома и перспектив и ничтожная для графа. И у меня появилось подозрение, что я получил лишь двадцатую-тридцатую часть казны Квентина Ройхо. Где остальное? Хм, думаю, что у дяди Юргена и солдат герцога Грига.

Ну и последнее, что находилось в сумке, это письмо из военного лицея «Крестич» с приглашением на учебу в этом заведении. Больше у меня ничего не было.

Я отдохнул и был готов продолжить путь. Прикупив у трактирщика, опять же втридорога, стандартный корт, заложенный ему одним из наемников пару лет назад, я оседлал свежую лошадь и продолжил путь к Изнару и спасительному для меня транспортному телепорту.

Кстати, насчет телепортации. Переброс материального объекта из одной точки пространства в другую был исследован еще во время становления империи Ишими-Бар. А всерьез строить установки телепортации начали лишь во времена Иллира Анхо. Слишком это был трудоемкий и затратный процесс, который требовал точных математических расчетов, приложения серьезных магических сил и немалого количества редких и дорогостоящих материалов, из которых изготавливались телепорты.

Как и из чего конкретно состоит установка телепортации и за счет чего она работает, я, конечно же, не знал. Однако мне было известно, что всеми уцелевшими в империи Оствер транспортными телепортами уже лет четыреста владеет магическая школа с незатейливым названием «Истинный свет», и, наверное, это самая богатая структура во всем государстве.

Почему? Догадаться несложно: потому, что весь доход от частной почты и грузопассажирского потока, идущего через телепорты, которых осталось около трехсот пятидесяти штук из полутора тысяч, оседал в этом магическом клане, и даже Верховный имперский совет не смел покуситься на эти деньги.

Соответственно, школа «Истинный свет», как и любая сильная организация Оствера, имела свои особые поселения, частную армию, мастерские и рабов. А вокруг каждой установки телепортации маги

воздвигали крепость, которая являлась нейтральной территорией в любой части империи.

К концу первого дня, устав сам и утомив вторую лошадь, я выбрался на Южный тракт и здесь уже почувствовал себя в относительной безопасности. Конные патрули герцога Грига, надо отдать ему должное, следили за основным торговым маршрутом зорко и разбойников вылавливали быстро. Да и вообще, проехавшись по землям этого правителя, я сделал для себя вывод, что герцог — крепкий хозяйственник, который все делает в меру и не сдирает со своих подданных три шкуры.

Во многих иных феодальных владениях, по рассказам дружинников графа Ройхо, к середине февраля люди уже толченую кору с деревьев ели и корешки копали. А тут, в самом северном герцогстве империи, они ее только добавляли в остатки муки, а в харчевнях имелся запас продовольствия, которое можно было взять под залог имущества, сельхозинвентаря или в счет будущего урожая и охотничьей добычи. Так что народ под властью Грига жил нормально. Впрочем, не об этом разговор.

Ночь я провел в трактире, где снова назвался человеком Арьяна, и опять меня обжулили на деньги. Кстати, выяснил, почему хозяева этих придорожных заведений так относились к барону и его людям. Оказывается, Юрген Арьян привык жить на широкую ногу. И даже в нашей (надо же, начинаю привыкать к тому, что империя Оствер — моя новая родина) провинциальной глуши, вдалеке от славного столичного города-миллионника Грасс-Анхо, он и его люди продолжали держать марку и пускать всем окружающим пыль в глаза.

Ну и само собой, для сельских трактирщиков барон был самым наилучшим клиентом, с которого они за все брали тройную цену. Но и обслуживали его при этом быстро и вне очереди, по высшему разряду. Вроде бы чепуха получается: Арьян — лопух, а хитрые простолюдины из сферы обслуживания делают на нем деньги. Однако в то же самое время, как мне показалось, в этих отношениях имелось какое-то второе дно, а вот какое, разбираться мне тогда было некогда, хотя зарубку в памяти я сделал.

Второй и третий день пути прошли вполне спокойно. Ближе к вечеру, голодный, замерзший и истрепавшийся в пути, я пристроился к одному деревенскому обозу, без проблем миновал сторожей и въехал в провинциальный Изнар. Стражники спешили закрыть ворота и вернуться в теплую караулку, и на меня никто не обратил внимания, так как в общей толпе людей, лошадей и саней, которые потоком шли за стену, я ничем не выделялся.

На красоты главного герцогского города, население которого официально достигало двадцати пяти тысяч человек, смотреть было не-

когда, да и ночь все больше окутывала его. Оказавшись за стенами, я отстал от обоза и, сразу же свернув направо, метров через триста остановился перед высокой внутренней стеной и воротами, ведущими в твердыню школы «Истинный свет».

Перед ними стояла охрана — десяток воинов в тулупах, шлемах, со щитами и копьями, — и один дежурный маг с классическим посохом в руках. Здесь с меня уже потребовали документы. И удостоверившись в том, что я дворянин, а не беглый раб или бандит с каторги, меня пропустили внутрь.

И сразу же — разительная перемена. В городе темно, морозно и с небес падает снег, а в форпосте магов — купол над головой, сухо, тепло и в воздухе витают цветочные ароматы. Интересно и необычно.

Но погулять по крепости, размеры которой мне были неизвестны, пассажиру-транзитнику никто не дал. Служка в сером балахоне и небольшой круглой шапочке, которая напомнила мне среднеазиатскую тибетейку, по широкому и гулкому проходу, который мог бы пропустить многотонную фуру, проводил меня ко вторым воротам.

Там меня встретил еще один маг, сидевший за конторкой, который поинтересовался:

— Куда намерены отправиться, молодой человек?

Зная, где находится школа «Крестич», я ответил:

— Город Йонар.

— Так-с. — Маг достал большую потрепанную тетрадь, открыл ее, пожевал губами и произнес: — Это четыре тысячи километров, с вас десять иллиров.

Я присвистнул:

— Ничего себе! Откуда такие расценки?

— Тысяча километров для одного человека, который не находится на службе магических школ и не имеет чести принадлежать к слугам императора и Верховного имперского совета — это две монеты. Лошадь — четверть цены. Итого десять иллиров.

— А если я лошадь оставлю?

— Невозможно. Вы с нею вошли и с нею выйдете.

«Все ясно, — подумал я, — барыги хотят срубить с провинциала денег, а мне деваться некуда».

— Согласен, — доставая кошелек, произнес я.

Расплатившись за транспортировку в Йонар, с неказистой крестьянской лошадкой в поводу, которую стоило бы оставить за воротами, я направился за вторую стену.

Несколько десятков шагов — и я оказался в огромном зале, в центре которого находился расчерченный узорами и рунами десятиметровый круг. Еще один служитель в балахоне и тибетейке проводил

меня на середину зала, удалился, и через двадцать секунд, не больше, совершенно незаметно для себя я оказался в другом таком же зале. Вот и вся телепортация, чудо из чудес и сказка для землян.

В Йонаре все еще был вечер. Отправив письмо дяде Ангусу с уведомлением о том что произошло, я покинул форпост магов и оказался на улице, которая была заполнена спешащими по своим делам горожанами.

Первое мое впечатление — удивление. Город Изнар, откуда я только что прибыл, был атакован метелями и морозами, а в Йонаре, столице великого герцога Канима, раскинувшейся на берегу теплого Исарийского моря, стояла мягкая поздняя осень, а температура воздуха была плюс пять-шесть градусов по Цельсию. И тут посреди улицы я — грязный паренек в тулупе и с усталой лошастью. Так что совершенно естественно, мной сразу же заинтересовалась городская стража, патруль которой находился неподалеку.

Кто таков? С чем прибыл? Какова цель визита? Вопросы стражников были совершенно стандартные, как и мои ответы. Уркварт Ройхо, граф (Квентин помер и, наверное, я могу так себя называть), прибыл из Изнара в Йонар для обучения в военном лицее «Крестич». Правда, несколько рано, но так сложились обстоятельства.

Стражники были удовлетворены и порекомендовали мне не очень дорогую гостиницу невдалеке от восточной городской окраины, за которой находился военный лицей. И вскоре я уже снял себе номер, за гроши продал лошадку и, подперев изнутри дверь моего номера шкафом, отрубился без задних ног.

Утро началось с того, что в дверь стали тарабанить кулаками, и я, вынув из ножен корт, приготовился к бою. Но вскоре в шуме распознал голос барона Ангуса Койна и, отодвинув шкаф, открыл дверь, за которой находились встревоженные слуги гостиницы и маг, который незамедлительно желал видеть своего племянника.

С моим появлением все успокоились. Маг прошел в комнату, устало рухнул на мою кровать, прислонился спиной к стене и выдохнул:

— Рассказывай.

О чем вести речь, я понимал, а потому, присев на табурет напротив Ангуса, подробно изложил ему свою версию произошедшего в замке Ройхо. После чего выложил из сумки имперскую грамоту на титул графа и печать.

Помолчав около минуты, я спросил Койна:

— Что мне теперь делать?

— Живи и учись. Будь достойным Ройхо и готовься к тому, что Григ попытается тебя убить. Если выживешь, отомстишь ему и по-

стараешься выручить своих близких. Разумеется, если ты захочешь это сделать.

— Захочу, — кивнул я. — Добро не забывается, и, кроме того, меня признали духи семьи Ройхо. Только хотелось бы узнать: а ты мне можешь?

— Помогу, если сам к тому моменту, когда ты решишь действовать, все еще буду жив.

— Дядя Ангус, а почему бы сейчас не вмешаться и младших не спасти? Ведь ты же чародей?!

— Да, я маг, — усмехнулся Койн. — Но бедный и не очень сильный, хотя кое-что умею. Я могу выступить против Грига только как частное лицо, без поддержки своей школы, а он, в свою очередь, имеет право выставить против меня все свои силы.

У вас на Земле магия кажется чем-то всемогущим, а в империи Оствер это всего лишь вспомогательная вещь. И в бою, как правило, побеждает тот, у кого больше золота, потому что он может позволить себе дорогие артефакты, свитки, амулеты и накопители энергии. Это как в вашем мире. Два человека, оба одинаковые, но у одного фитильное ружье, а у другого — многозарядная дальнобойная снайперская винтовка. Они в чистом поле, и кто победит, совершенно понятно.

— Ясно. Только младших жаль.

— Думаю, что с ними все будет в порядке. Григ — продуманный и расчетливый мерзавец, которому уже под сто лет, а выглядит он на сорок пять, и он им ничего не сделает. По крайней мере, до тех пор, пока ты жив, а дети не подросли. Так что, скорее всего, они будут сидеть под боком у герцога, который будет держать их на коротком поводке.

— А почему Григ так поступает?

— Древняя дворянская кровь дорого стоит, Уркварт, чтобы ею разбрасываться. Пока они заложники. Ну а позже девчонок можно будет выдать замуж за своих верных баронов или союзников, а мальчишек — женить на какой-нибудь богатой вдовушке из торговцев или мещан, которая мечтает погулять в столице как графиня Ройхо.

— Но граф может быть только один.

— Правильно. Поэтому тебя могут убрать еще и за титул. Ты знаешь, сколько стоит старое графское звание?

— Нет, не знаю. Сколько?

— Ну, твоему отцу в свое время предлагали двадцать тысяч иллиров.

— Ничего себе!

— Вот так вот, а с тех пор цена только росла, поскольку богатеет стало больше, а старых дворян — меньше. Если представить себе, что

честный и не вороватый полковник регулярного имперского полка получает тридцать золотых монет в месяц, а капитан и лейтенант — по двадцать и пятнадцать соответственно (то есть живут офицеры не очень богато), то понятно, что рано или поздно у них появляется соблазн принять выгодное для себя предложение: например, от какого-нибудь купца о женитьбе на его дочери. Ну, или подписать договор с иностранным правителем на переезд в его королевство.

И это только армия, а помимо нее имеются бедные столичные чиновники, простые помещики и бастарды. Уже немало дворян свою свободу за деньги продали. Старая кровь с каждым столетием только дорожает, а соблазнов все больше. Таковы нерадостные для нашей империи факты.

— Значит, младшим Ройхо смерть не грозит?

— Нет.

— А помимо титула, дворянская кровь еще чем-то ценится?

— Конечно. Это ведь не только история рода, корни и уважение, но и способности к магии, которые передаются по наследству. В свое время в империи Ишими-Бар, а затем и в Оствере, целое министерство занималось вопросами расовой политики и давало разрешение на браки между людьми. В итоге за тысячелетия сложилась каста дворян-магов, которые чувствуют энергетику Дольнего мира, меньше болеют, дольше живут и могут понимать желания и чаяния духов и богов.

— Но ты ведь сам говорил, что магические силы проявляются и среди крестьян?

— Да, это так. Но если среди простых граждан способности к магии лишь у одного из нескольких тысяч, то дворяне из старых семей — поголовно маги. Только аристократы, меньшинство, развивают в себе этот талант, который требует долгой учебы, полнейшей самоотдачи и самоотречения. А другим, большинству, он не нужен и даже в чем-то мешает, и поэтому они используют удобные для себя амулеты и артефакты.

Мы помолчали. Маг выложил на столик, рядом с грамотой Иллира Анхо и печатью, свой кошелек и встал.

— Завтра к тебе подъедет человек, мой слуга, зовут Сенас Аминари. Он поможет тебе освоиться и уладит все формальности в лицее. Я буду навещать тебя, когда смогу. Деньги не транжирь: я отдал тебе все свои накопления, больше у меня нет. Удачи, и прощай!

Койн кивнул и вышел, а я, оставшись один и оказавшись предоставленным самому себе, полчаса сидел и просто смотрел в окно. Затем встал и проверил кошелек барона. В нем было семнадцать иллиров. Не густо. Плюс мои девять. Итого двадцать шесть золотых, на

которые мне придется жить почти месяц до поступления в военный лицей и три года в нем.

Положение не очень хорошее, но и не самое поганое. Вспомнить хоть тех же крестьян в деревнях вдоль Южного тракта: вечное голодное существование и надсмотрщик герцога с плетью или дружинник с мечом. И ничего, живут люди и даже порой могут смеяться и радоваться каким-то своим событиям, женятся, строят планы на будущее и растят детей.

В общем, моя жизнь продолжалась, и начинался новый ее этап.

Спрятав кошелек в небольшой сундучок, привинченный к полу, — сейф, предоставляемый управляющим гостиницы дворянам, — я отправился в город, где должен был подстричься, привести себя в порядок, прикупить одежду по сезону и посмотреть на жизнь местных граждан. Кроме того, имелось огромное желание более подробно покопаться в истории этого мира, посетить оружейный магазин, а затем взглянуть на то, что продается в специализированных лавках, торгующих амулетами и иными магическими вещами.

Глава 6

Империя Оствер. Замок Григ. 26 февраля 1401 года

Правитель самых северных территорий империи Оствер, герцог Андал Григ, крепкий кареглазый мужчина с шапкой густых, черных как смоль волос, который выглядел на сорок пять лет, хотя ему недавно исполнилось девяносто восемь, сидел на своем троне и смотрел на стоящих перед ним детей покойного графа Квентина Ройхо. Двое настороженных насупленных мальчишек и две девчонки, с любопытством взирающие на него, — премилые и незлобивые существа, которые не были виноваты в том, что их отец перешел ему дорогу и за это поплатился жизнью.

И сейчас, решая их судьбу, герцог, у которого было семь своих законнорожденных детей и полтора десятка бастардов, был рад тому, что не послушал советников, предлагавших уничтожить весь род Ройхо. Тогда он решил, что должен пасть глава рода и его наследник. Но с Урквартом Ройхо вышла заминка, и после первого покушения он по какой-то причине выжил.

Зато с Квентином, которого Андал помнил еще ребенком, разобрались четко. Правда, при этом пострадала его жена, и в замке выгорела Центральная башня с немалыми материальными ценностями, что в планы герцога не входило, а потому результаты операции против Ройхо назвать превосходными было нельзя...

Впрочем, для герцога все сложилось относительно неплохо. Потери минимальны: всего один раненый гоц и семнадцать убитых дружинников. Это немного. Вот если бы Ройхо дотянул до весны, тогда да, пришлось бы воевать всерьез, потому что к нему на помощь должен был подойти один из сыновей великого герцога Канима с несколькими наемными отрядами и магами.

А так все внутренние проблемы Севера решены, вокруг тишина и покой, последний независимый замок герцогства находится под контролем воинов Грига, а дети смутьяна Квентина «гостят» в его резиденции.

— Ваша светлость. — От левого подлокотника к герцогу наклонился его первый советник, Юни Пран, колченогий и хитрый старик с лысиной, похожей на яйцо, который и спланировал операцию против мятежного графа. — Что прикажете делать с детьми рода Ройхо?

Андал уже все решил. Но он никуда не торопился и потому поинтересовался у Юни:

— А ты что посоветуешь?

— Близняшек можно оставить в вашем замке. Красивые девушки вырастут и смогут стать хорошими женами для младших Григов или ваших верных вассалов. А мальчишек надо бы разъединить. Айнура оставить, он наследник титула, а Трори можно продать в королевство Ассир. Тамшний правитель за такого красавца с хорошей родословной даст не менее десяти тысяч полновесных золотых монет со своим ликом.

— Ну, а ты что думаешь? — Герцог повернулся ко второму советнику, высокому и несколько нескладному молодому человеку с раскосыми глазами и длинными белоснежными волосами, спадающими на плечи, своему незаконнорожденному сыну от рабыни дари Вейфелю.

Полукровка, зачастую думавший и поступавший не как человек, оправил тяжелый багровый плащ, в который он кутался, и ответил:

— Необходимо удостовериться в том, что Уркварт мертв, и только тогда принимать решение.

— Парень сгорел в одной башне с родителями, его труп был найден на нижнем этаже, — сказал Юни Пран.

— Вы за это ручаетесь, уважаемый Юни? — Вейфель смерил первого советника холодным змеиным взглядом.

— Ну-у-у, — потянул лысый хитрец.

В этот момент, не дав советнику договорить, появился его сын, командир дружины Скир Пран, по прозвищу Ржавый, который командовал атакой на замок Ройхо. Воин порывисто пересек тронный зал, миновал детей графа Квентина и, подскочив вплотную к трону, упал на одно колено и виновато склонил голову.

— В чем дело, Скир? — задал ему вопрос герцог.
— Повелитель, я виноват, — неприятным, скребущим по душе голосом прохрипел Ржавый.

— А конкретней?

— Уркварт Ройхо жив, а паленый костяк в Центральной башне графского замка принадлежит одному молодому оруженосцу, про которого думали, что он дезертировал.

— Как ты узнал, что наследник Квентина уцелел?

— Мои люди регулярно поставляют мне информацию о том, кто выбыл из Измара через телепорт. В журнале есть запись, что Уркварт Ройхо покинул наше герцогство четыре дня назад.

— Ты разобрался, как он выбрался из замка?

— Да, повелитель. Ему помог Юрген Арьян. В этом нет никаких сомнений.

— Где сейчас наследник Ройхо и барон?

— Арьян как сквозь землю провалился. Бросив жену, он вместе со своими детьми покинул родной замок и скрылся в неизвестном направлении. А Уркварт находится во владениях великого герцога Ферро Канима и вроде бы ждет зачисления в военный лицей.

— Как он проник в Изнар? Опять стража спит?!

— Не знаю.

Андал Григ посмотрел на советника Прана, а затем вновь на его сына и протянул:

— Ты виноват, Ржавый.

— Мой герцог, прикажи, и я лишу себя жизни! — воскликнул воин.

— Это не выход. — Григ усмехнулся, прищурил левый глаз и вынес свой вердикт: — Отправляйся вслед за Урквартом и убей его, это твой единственный шанс заслужить прощение. Мне все равно, как ты это сделаешь: наймешь людей или лично его прикончишь. Однако учти, если тебя схватят волкодавы Канима, я тебя знать не знаю и объявлю Скира Прана вором, беглецом и изменником. Ты понял меня?!

— Да, повелитель!

— Пшел вон!

Скир Пран развернулся на выход, встал и бегом покинул тронный зал, а герцог вновь обратил свое внимание на растерянных детей. Не глядя на первого советника, он приказал:

— Ройхо держать вместе. Приставить к ним ответственных людей и следить за щенками в оба глаза. Если что-то будет не так, ответишь головой.

Юни закивал лысиной:

— Все понял, мой герцог. А что делать с Арьяном?

— Разумеется, искать его, Пран. Я не намерен прощать предательство, и когда этот кусок веселого жира найдут, он ответит за измену. Все свободны.

Стражники и две няньки, дебелие тетки лет под сорок, вместе с детьми направились в левое крыло замка. Следом за ними двинулись советники.

Но Андал бросил в спину своему сыну-полукровке:

— Вейфель, останься. Я желаю отправить послание барону Койну, которому надо выразить мои самые глубокие соболезнования по поводу нападения разбойников на замок Ройхо. И мне хотелось бы, чтобы послание написал именно ты, как умеешь, со всеми завитушками и сладкими оборотами речи.

— Слушаюсь, мой господин.

Вейфель вернулся на свое место. Затем сместился чуть правее, к небольшой конторке, приготовился писать и наклонился к отцу.

Герцог, полуприкрыв глаза, улыбнулся и начал:

— Глубокоуважаемый барон Ангус Койн. С прискорбием я узнал о горе, постигшем всех нас...

Империя Оствер. Город Йонар. 05 марта 1401 года

Немного расскажу о своей жизни перед поступлением в военный лицей.

Чем больше я бродил по Йонару, тем больше мне нравился этот город на берегу ласкового теплого моря, с его высокими крепкими стенами, каменными двух- и трехэтажными домами, ровными улицами и мощным замком на господствующей высоте. Вокруг него желто-зеленым ковром раскинулась вширь приморская равнина с мягким климатом.

Далее возвышались старые покатые горы, густо заросшие дремучими вековыми лесами и кустарником. Виноградники с крупным мускатом и яблоневого сады. Луга, на которых пасутся отары тучных овец, табуны быстрых чистокровных и полукровных лошадей и стада коров.

За ними, в уютных долинах, находились опрятные фермы, где на ухоженных полях по осени собирали отличные урожаи ячменя и пшеницы, и медные рудники. А помимо всего этого, имелись многочисленные рыбацкие деревушки, раскиданные вдоль побережья на сотню километров, и солеварни. И хотя зимой всего богатства этого благодатного края не увидишь и всех красот не оценишь, кое-что я в своей жизни уже повидал и мог определиться в том, где оказался.

Так что мой вывод о столице великого герцога Ферро Канима был однозначен — это прекрасное место, в котором бы я с удовольствием жил на постоянной основе.

Это касательно Йонара и его окрестностей, а если присмотреться к людям, то опять же, про местных жителей я могу сказать только хорошее. Спокойные и уверенные в себе граждане. Не видно излишней озлобленности, суеты или нервозности.

Городская стража ведет себя вполне прилично и весьма профессионально, и если берет взятки или мзду, то без наглости и рвачества. Военные из армии великого герцога выглядят подтянуто, на марше не похожи и за товары расплачиваются деньгами, а не угрозами.

Чиновники работают, как следует, воры ведут себя тихо, торговцы проворачивают свои дела более или менее честно, и каждый человек из ста с лишним тысяч горожан, словно мозаичный пазл встроены в жизнь общества.

Можно сказать, что город Ферро Канима — это осколок той старой империи Оствер, которая некогда, в свои лучшие годы, властвовала над большей частью изведенного мира и была образцом честности и порядочности, а сейчас скатывается в глубокую сточную яму без дна.

Все это я видел, делал выводы, подмечал, что к чему, и старался впитать в себя добрую атмосферу, царящую вокруг меня. Гулял по улицам, любовался замком великого герцога, посещал парки и площади.

Но больше всего времени я проводил в трех местах. Первое, конечно же, оружейные ряды на городском рынке. Второе — большая лавка торговой компании «Польт», торгующая продукцией магов. А третье — книжный магазин «Мудрые мысли», где за умеренную плату я брал книги для прочтения. Именно в этих точках, вместе со слугой барона Койна, низкорослым, очень подвижным и вечно настороженным Сенасом Аминари, я проводил почти каждый свой день.

Начну с оружейных рядов, которые занимали пятую часть всего немалого по размерам городского торжища. Их я посещал с утра, и в этом месте было столько железного и стального припаса, предназначенного для защиты и убийства людей, что глаза просто разбегались.

Оружие империи и окрестных королевств, а помимо этого всегда имелось что-то экзотическое, привезенное из-за океана. И любознательный, пытливый ум человек — а я считал себя именно таким — мог, расспрашивая торговцев, каждый из которых являлся экспертом в оружейной тематике, узнать очень многое.

Одноручные и двуручные мечи, сабли, палаши, булавы, шестоперы, ножи и кинжалы самых разных видов и форм, сделанные из стали, темной бронзы, железа и даже меди с какими-то присадками.

Кольчуги, рыцарские доспехи, щиты, поножи, наручи, шлемы и латы, напоминающие римские образцы. Луки, арбалеты, дротики, рогатины, трезубцы и копья. Все это манило и привлекало меня.

Всматриваясь в причудливые узоры на металле булатных клинков, я мечтал о таком оружии. Но, к моему великому сожалению, пока что я не имел возможности его приобрести, так как хорошее оружие и броня стоили очень дорого. А денег у меня было всего ничего, и заработать их в неполные шестнадцать лет беглый дворянин, то бишь я, не мог.

Так что мне оставалось только наблюдать за более удачливыми и богатыми покупателями, вслушиваться в разговоры оружейников, ведущих спор о преимуществах того или иного меча и расхваливающих свой товар, с тоской вспоминать арсенал замка Ройхо, а затем двигаться дальше по намеченному с утра маршруту.

После рынка Аминари и я пообедали в харчевне неподалеку, где за очень небольшие деньги можно было вкусно и сытно перекусить, а помимо этого послушать местные новости.

Затем, наполнив желудки, мы направлялись в «Мудрые мысли», самый лучший книжный магазин в городе. И здесь, в тишине и покое, я сидел в читальном зале и листал страницы фолиантов, которые раскрывали передо мной все грани мира Кама-Нио и рассказывали мне об истории империи Оствер.

И вроде бы все нормально. То, что мне рассказывали дружинники графа Ройхо и барон Койн, совпадало с тем, что я читал. Однако в одной из книг я выловил некоторую странность, которая меня чрезвычайно заинтересовала. Это было жизнеописание верного рыцаря и сподвижника первого остверского императора Иллира Анхо, герцога Киэпа Акцира.

Стандартная история про бедного рыбака, у которого были обнаружены магические способности, и его приблизил повелитель государства. А позже, побеждая зло и спасая принцесс, он дослужился до высоких чинов и был могуч, богат и счастлив. Все ожидаемо и вполне предсказуемо.

Но в конце книги имелось официальное приложение с копией послужного списка командующего Юго-Восточной армией маршала Акцира. И в этом казенном сухом документе было сказано, что будущий полководец начинал свой путь военного с того, что четыре года проучился в военном лицее «Шайгер» и был выпущен из него со специализацией «маг-воитель второй ступени».

«Оба-на! — подумал я. — Мне говорили, что совмещение двух направлений, воинского и магического, невозможно, и каждый дворянин выбирает для себя только один путь, по которому он и идет всю свою

жизнь. Но есть копия официального документа, в котором указана военно-учетная специальность бойца. И не доверять этой бумаге, которая, вне всякого сомнения, составлена военным, я не могу. Так что получается, откат коснулся не только техники, но и умений? Очень даже может быть».

Итак, я уцепился всего за один факт и кинулся ворошить другие тексты, касающиеся герцога Киэпа Акцира и военного лица «Шайгер». Но ничего интересного не нашел, и во всех иных книгах командующий Юго-Восточной армией преподносился только как воин, без магической составляющей.

«Ну и ладно, — решил я, — зайдем с другой стороны. Опрошу книжников и, может быть, от них что-то узнаю».

Однако меня ждало фиаско, а по-русски — облом. Хотя некоторую информацию, обратившись к продавцу, который по роду своей профессии являлся знатоком литературы и истории, я все-таки получил.

— Понимаете, молодой человек, — близоруко прищурившись, произнес седой дедушка в сером сюртуке с налокотниками, — термин «маг-воитель» не говорит о том, что выпускник военного лица мог быть одновременно и магом, и воином. Это всего лишь значило, что подобный специалист, помимо чисто военных аспектов, освоил некоторую теорию, которая помогала ему более полно использовать в бою магические предметы, зелья и артефакты.

— Ясно, — слегка расстроившись, сказал я и задал следующий вопрос: — А не подскажете, где бы я мог получить более подробную и исчерпывающую информацию по этой теме?

— Хм... — Старичок, божий одуванчик, усмехнулся и обвел руками все пространство немалого по размерам магазина, который был заставлен книжными полками, где лежали и стояли тысячи книг и свитков. — У нас только общая история, развлекательно-приключенческие романы и землеописание. А литературу, которая вас интересует, можно найти в библиотеках магических школ, частных хранилищах древних дворянских родов или в военно-учебных заведениях. И если бы вы не были дворянином, то о вашей заинтересованности я бы незамедлительно сообщил стражникам. Но поскольку вы Ройхо и вскоре поступаете в военный лицей, то я все понимаю и суетиться не стану.

— А разве мои вопросы — это нечто необычное истораживающее?

— Разумеется, господин граф. И прожив на свете семьдесят полных лет, — вновь усмехнулся старик, — я неоднократно встречал самых настоящих шпионов, которые охотились за древними знаниями и, как правило, их вопросы были похожи на ваши. Где находились

военные лица, которые сейчас закрыты? Чему учили древних воинов? Какова система подготовки? Как определить потенциального мага? Как и из чего делались древние боевые артефакты?

Вопросов много, но ни на один из них я не отвечу, потому что являюсь самым обычным обывателем, живущим под рукой великого герцога Ферро Канима, да правит он нами тысячу лет. И каждую потенциально опасную книгу, которая попадает в мои руки, я незамедлительно сдаю в канцелярию нашего благородного и мудрого повелителя.

— Благодарю за разъяснения, — сказал я и, вновь сожалея о том, что не имею доступа к хранилищам замка Ройхо, продолжил ворошить пыльные листы, пытаюсь лучше и яснее понять новый для себя мир, который быстро становился для меня родным.

Обычно в книжном магазине мы с Аминари находились до трех часов дня, а затем направлялись в магическую лавку «Полт», которая, несмотря на свое скромное обозначение «лавка», являлась самым настоящим минимаркетом с большим выбором товаров и дополнительных услуг. И это было еще одно место, где я получал новые знания и с легкой завистью смотрел на людей, имеющих деньги.

Богачи могли себе позволить купить все, что их душе угодно. А я мог только слушать продавцов, наблюдать за демонстрацией товаров, подмечать реакцию опытных людей и делать для себя некоторые выводы на будущее. Дело шло на лад, и вскоре я стал понимать, что не все так просто, как кажется, и нельзя, словно сорока, бросаться на все, что блестит и что тебе пытаются впарить торгаши.

Итак, что такое магическая лавка? Это торговая точка, где десяток продавцов-консультантов под присмотром стражников и пары чародеев сбывают с рук предметы производства магических школ (надо сказать сразу, в основном никчемное барахло). Главные условия при купле-продаже — это фиксированная цена, гарантия на товар и то, что покупатель в обязательном порядке должен являться гражданином империи Оствер не младше пятнадцати лет.

Вроде бы все просто, ясно, понятно и прозрачно. Так что перехожу к предлагаемому выбору товаров, которые делятся на две основные категории: активные и пассивные.

Первая работает от стандартных накопителей энергии Дольного мира, по сути своей, магических аккумуляторных батареек, каждая из которых имеет определенный объем и ресурс работы, и в среднем они стоят тридцать золотых. Это, конечно же, оружие и доспехи, артефакты и руны, украшения и предметы обихода, такие как говорящие двери, охранные сигнализации, следящие устройства, «вечные» светильники и прочее искусство.

Вторая категория включает в себя личные обереги и амулеты, зачатое оружие из серебра, посохи, свитки, алхимические эликсиры самого разного предназначения и свойства и боевые одноразовые энергетические капсулы.

При этом товары первой категории легче и проще в изготовлении и могут быть использованы кем угодно. А вещи из второй категории — это уже индивидуальный подход и эксклюзив, и в основном они настраиваются на конкретного человека.

В чем же между ними разница? Если не вникать, то различия заметны мало, и поначалу я их не видел. Однако позже, присмотревшись и прислушавшись к опытным людям, разница для меня стала заметна сразу же.

Активные магические предметы ограничены объемом аккумуляторов, которые при работе рассеивают вокруг себя энергию. И поэтому любой маг обнаружит человека в боевом доспехе из первой категории за километр и сможет одним легким дестабилизирующим заклятием обесточить противника, который сразу же превратится в жертву.

А пассивные предметы берут силу от тела владельца и работают не всегда, а лишь в том случае, когда этого хочет хозяин — обладающий прямой связью с Дольним миром чародей. Именно он является той батареей-аккумулятором, подпитывающей зачарованный предмет, который будет работать так, как он захочет и столько, на сколько у него хватит сил.

Как важное дополнение: эликсиры, свитки и одноразовые энергокапсулы могут использоваться всеми, но относятся к пассивной категории товаров, так как не рассеивают свою энергию и с годами не теряют полезных свойств.

Так это все понял я, и хотя мои мысли не являются исчерпывающим описанием всей системы магических предметов в империи Оствер, в которой много нюансов и исключений из правил, это основа, и на нее можно опереться в своих дальнейших действиях. Толкаясь среди людей в магической лавке «Польт», я многое для себя переосмыслил и даже сделал некоторые прикидки на то, что можно прикупить для личного пользования за четыреста иллиров, если они у меня когда-нибудь будут.

Доспехи, мантии и специализированное магическое оружие мне не нужны: слишком много энергии потребляют эти предметы. Поэтому из одежды я бы взял только белье, которое защищает человека от вошек, блошек и прочей мелкой живности, а помимо этого придает владельцу дополнительный заряд бодрости — не очень большой бонус, но полезный.

Далее оружие — один зачарованный серебряный меч и кинжал, как защита от нежити, которая изредка все же попадает на просторах империи. Затем целебные эликсиры — травяные сборы, сваренные алхимиками магических школ и преобразованные с помощью энергетик Дольнего мира, — и свитки с заклятьями. В основном меня интересовали простые, надежные и проверенные временем укрепляющие, восстанавливающие силы и регенерирующие составы.

Ну и конечно же, мне нравились наполненные разрушительной силой мощные одноразовые энергокапсулы, которые обычно продавались в виде арбалетных болтов, наконечников стрел или обычных металлических шаров. Каждая такая капсула по мощности равна гранатометному выстрелу или противопехотной мине ОЗМ, а некоторые образцы, очень дорогие, запросто могут сравниться с РПО-А «Шмель».

Все остальное — это дорожные и бытовые мелочи, которые облегчают путешествия и повседневную жизнь, или же понты для богачей. Например, есть чрезвычайно сложный эликсир левитации за сотню иллиров. Зачем мне пять минут полета, которым без подготовки и опыта очень сложно управлять, с кучей побочных эффектов? Не нужен мне такой полет, который с вероятностью в пятьдесят процентов окончится моим падением наземь и сломанными конечностями.

То же самое касается подводного дыхания, невидимости или убыстрения реакций. Эффект есть, но его легко разрушить. Малейшее вмешательство со стороны — это гарантированное нарушение процесса с тяжкими последствиями для организма. Благо я сразу усвоил, что чем сложнее предмет, эликсир или заклятие, тем чаще они дают сбой. Так что для меня, как для будущего воина, такие магические эликсиры и заклятья бесполезны, поскольку в реальном бою их применение почти невозможно.

В общем, такие вот дела. Я все плотнее вращался в жизнь местного общества, обогащался знаниями, готовился к поступлению в военный лицей и пока жил по своей воле.

День был похож на день, сегодняшний исключением не был, и, выйдя из магической лавки «Польт», которая принадлежала акционерному торговому обществу, состоящему из нескольких влиятельных людей герцогства, мы с Сенасом вернулись в гостиницу. По дороге, двигаясь по освещенным улицам, мы обсуждали увиденное и два с половиной километра от центра города до восточной окраины прошли быстро.

Все как обычно. Однако сегодня на входе в гостиницу нас встретил управляющий, вечно веселый и неунывающий толстячок господин Ирса.

— Что-то случилось? — спросил я у него.

— Да, — согласно кивнул Ирса. — К вам в номер пытался обратиться человек с ножом и арбалетом, но городская стража его выследила и вовремя схватила. Ничего не пропало и опасность вам не грозит. Поэтому пока поужинайте, а служанки наведут в вашем номере порядок.

— Хорошо у вас стражники работают, — уважительным тоном произнес я.

— Вы совершенно правы, господин граф. Мы самый спокойный город в империи и, без сомнения, самый процветающий и богатый, а все потому, что герцог держит у себя на службе настоящих профессионалов своего дела.

— Господин Ирса, а нельзя ли мне подробнее узнать: кто был человек, проникший ко мне в комнату, и с какой целью он это сделал?

— Ну, — протянул управляющий, оглядываясь по сторонам так, словно рядом были шпионы герцога Канима, — вообще-то это противозаконно. Но у меня есть знакомый сержант в страже, и он может посодействовать вашей просьбе, господин граф. Однако для него это риск лишиться хорошего места и потеря репутации.

Из кармана моего легкого черного полупальто, в каких ходило местное население, появился полуиллир — золотая монета весом в шесть грамм, — который опустился в ладонь Ирсы и моментально из нее исчез.

— Мне очень нужна эта информация, господин Ирса.

— Она будет, но это еще целый иллир, господин граф.

— Хорошо, — внутренне содрогаясь оттого, что денег у меня становится все меньше, спокойно согласился я.

— Завтра утром вы будете знать результаты допроса, а пока прошу отужинать. У нас сегодня кальмары, жареная ставрида с печеным картофелем и молодой барашек на вертеле.

Через пару минут, помыв руки, я сидел в зале для благородного сословия, с аппетитом уплетал жирную рыбу и посматривал на щуплого паренька в потертом синем камзоле и при тонком мече на левом боку, расположившегося за соседним столиком.

Быстро прикончив свой ужин, я вытер ладони салфеткой и, заметив, что молодой дворянин посмотрел на меня, улыбнулся и представился:

— Граф Уркварт Ройхо, готовлюсь к поступлению в военный лицей «Крестич».

Парень помедлил, покраснел и представился в ответ:

— Виран Альера, второй сын графа Рольфа Альеры, так же как и вы, прибыл в «Крестич».

- Видимо, вместе учиться станем.
 - Наверное, — пожал плечами Виран.
- Так я познакомился со своим первым соучеником.

Глава 7

Империя Оствер. Город Йонар. 05 – 06 марта 1401 года

Мой новый знакомый Виран был личностью экстравагантной и со странностями. На Земле про таких людей говорят: «В тихом омуте черти водятся». Второй сын графа Альеры, мой ровесник, с виду выглядел скромным и стеснительным парнем. Но когда я познакомился с ним поближе, то понял, что это человек-пламя, который горит своими страстями и желаниями, готов сметать с пути любые препятствия и крайне щепетилен в вопросах чести.

Поэтому, вполне естественно, Виран постоянно влипал в неприятности. И его родной отец, от греха подальше, после того как сын чуть не нарвался на драку с соседом, бароном Балбиро, отправил сына в учебное заведение, где некогда учились он сам и его наследник, всего год назад окончивший «Крестич».

Итак, я свел знакомство с первым сотоварищем по учебе. Первое, что мы сделали, это взяли две бутылки легкого хмельного вина из местного муската и хорошего сыра и, расположившись подле камина в обеденном зале для дворян на первом этаже гостиницы, приступили к беседе. Наши слуги — мой временный подчиненный Аминари и два дружинника графа Альеры — охраняли наш покой. Они быстро навели мосты дружбы с патрулем городских стражников, который после поимки убийцы находился поблизости, и сами все время были неподалеку.

Слово за слово я узнал от Вирана, что дворянское семейство Альера, вассалы герцога Канима, — бедные, но гордые люди, и единственный для них шанс получить хоть какое-то приличное образование — это обучение в военном лицее «Крестич». И хотя моего нового знакомца хотели отправить на учебу только через полгода, после тренировок с соседом на семейном совете было решено не медлить.

Такая вот история. Выслушав ее, я рассказал свою. А как только закончил говорить, молодой Альера предложил сбежать от слуг, отправиться на север, пробраться в логово злой твари, герцога Грига, и прикончить его. При этом я был уверен в том, что Виран говорил на полном серьезе и действительно был готов немедленно бросить все и кинуться в драку с Андалом Григом и всеми его солдатами, магами и гоцами.

К счастью, запал у Вирана был короткий. Вскоре я отговорил его от похода на север, сказав, что для начала необходимо стать велики-

ми бойцами, а только потом драться с коварным герцогом, которому чужды понятия о чести. Ну а затем я аккуратно перевел разговор на предстоящую учебу. И молодой Альера, который от отца и брата про «Крестич» знал немало, за вечер рассказал мне о нем в несколько раз больше, чем я узнал об этом учебном заведении за все время моего пребывания в Йонаре или замке Ройхо.

— Странно, что ты не слышал про «Крестич», — раскупоривая вторую бутылку вина и разливая по бокалам темно-бордовый напиток, произнес Виран.

— Я из глуши, с севера, так что мне простительно, — ответил я. — Поэтому хотелось бы подробностей.

— С чего начать?

— С самого начала.

— Ну, раз так, то слушай. Когда империя была в силе и наступала на своих соседей по всем фронтам, Иллир Анхо повелел создавать военные лицеи. И за всю его долгую жизнь было основано сорок военно-учебных заведений с упором на какой-то род войск. Одни готовили моряков, другие — кавалеристов или пехотинцев, а третьи — инженеров, пограничников или разведчиков.

Затем великий правитель умер, империя прекратила натиск на соседей, и число военных лицеев стало сокращаться. Так происходило до тех пор, пока не осталось всего десять учебных заведений общевойскового типа. Ну а лет триста пятьдесят назад и эти расформировали. Но, к счастью, при дворе быстро опомнились и восемь лицеев восстановили. Среди них и «Крестич», который изначально готовил пограничников, и основной упор в нем всегда делался именно на охрану имперских рубежей.

Виран сделал глоток вина и посмаковал его, а я спросил:

— Однако, насколько я понимаю, на данный момент военный лицей находится под контролем Ферро Канима. Как так получилось?

— Недостаток финансирования из столицы сказался на учебном процессе и уровне подготовки молодых офицеров. И дедушка нынешнего великого герцога взял училище на баланс собственной казны, а его преемники продолжают политику своего предшественника. Ну и, конечно же, если Канимы платят деньги учителям и обеспечивают кадетов всем необходимым, то именно они определяют, чему и как учить молодых дворян.

— И какие дисциплины преподаются в «Крестиче»?

— Самые разные. Пехотная и кавалерийская тактика, письменность и словесность, фортификация и инженерное дело, строевая подготовка и математика, несение гарнизонной и караульной службы, боевая магия и военная топография, фехтование и верховая езда,

этикет и хорошие манеры, снабжение войск и разведка, уставы и обзоры иностранных армий. В общем, не соскучишься.

— А методы какие?

— Староимперские, — усмехнулся Альер. — Минимум свободного времени и максимум учебных часов. Не выдержал — катись за ворота, а не хочешь сам уйти, тебе помогут. Сержанты за стенами училища суровые, палки применяют без всякого промедления, и им плевать, что кадеты дворяне, а они — простолюдины. Для них это не имеет совершенно никакого значения. Или учишься — или получишь тумаки.

— А что насчет отпусков, они бывают?

— Первый через год, на две недели. А потом еще два: один на три недели, другой на неделю, перед сдачей экзаменов. И это послабление, поскольку в империи даже этого не было: на территорию военного лицея вошел — и выйдешь уже офицером или же трупом.

Я выпил сладковатого муската и продолжил задавать вопросы:

— Допустим, мы с тобой выдержим подобное обучение, пройдем все испытания и через три года получим офицерский патент. Что дальше? Куда можно направиться и где пристроиться?

— Да где угодно. Выпускники любого военного лицея нарасхват.

— Но я слышал, что в армейских полках вакансий нет.

— Ну и что? Помимо имперской армии есть частные войска магических школ, а еще имеются наемники, баронские, графские и княжеские дружины, отряды Торгово-промышленной палаты и вольные ватаги, ведущие свою собственную войну с кочевниками на северо-востоке Эранги и пиратами на западе Анвера. Воины нужны всегда, и сейчас, когда на границах неспокойно, особенно.

— А ты где хотел бы послужить?

— Еще не думал об этом, — ответил Виран. — Пока мечтаю по белому свету побродить и на мир посмотреть. Но если мне предложат вакансию в армии великого герцога Канима, я не откажусь, так как это интересно и прибыльно.

Альера налил еще по одному бокалу вина, затем еще, и к концу второй бутылки мы уже были очень добрыми приятелями. Обсудив с Вираном самые разные темы, ближе к полуночи мы собирались расходиться по своим комнатам. Надо было отдохнуть, а завтра, на свежую голову, вместе прогуляться по славному городу Йонару и пофехтовать друг с другом.

Добрый вечер, хороший собеседник, приподнятое настроение и легкий хмель в голове. А помимо этого, был схвачен убийца, которого сейчас допрашивают стражники герцога. И хотя мне ясно, что, скорее всего, он прибыл с севера или нанят людьми Грига, уже утром

я буду знать точно, кто он и почему решил на меня напасть. В общем, еще одни сутки были прожиты, и ладно.

Мы с Вираном встали и в самом благодушном настроении двинулись на выход из столовой комнаты. И в этот момент, грубо расталкивая нас широкими плечами, в помещение вошли два крепких здоровяка, лет по восемнадцати, одетые как богатые дворяне, в расшитые серебряными позументами камзолы, и при мечях, которые висели на перевязях.

Хамство? Еще какое.

К этому добавилось то, что один из наглецов, направляющихся к камину, где мы только что сидели, проворчал:

— С дороги, рвань подзаборная!

Это уже оскорбление и за него необходимо было требовать сатисфакции. Но дуэли в Йонаре были запрещены под страхом смертной казни, и за свои клинки ни я, ни Виран не схватились, а вместо этого переглянулись, кивнули один другому, без слов понимая, что необходимо сделать.

Альера повернулся к дворянам и, выставив вперед левую ногу, поинтересовался у новых постояльцев гостиницы:

— Животные, вы из какого хлева выползли?!

— Что?!

Пристроившиеся у огня дворяне резко обернулись и в недоумении посмотрели на Альеру. И тут в разговор вступил я:

— Мой друг интересуется, где выращивают такое быдло, как вы?

Здоровяки вскочили и кинулись на нас. Один на Вирана, второй на меня. Мой противник, приблизившись ко мне поближе, чуть развернул корпус своего тела и широко размахнулся правой рукой. Кулак у него был увесистый, и если бы он в меня попал, то черепно-мозговая травма мне была бы гарантирована.

Но я не стал ждать, пока мне нанесут увечья, а сам стал действовать. И пусть фехтовальщик я пока никакой, но о рукопашном бое понятие имею. Поэтому, чуть пригнувшись, я поднырнул под богатырский замах дворянина и снизу вверх врезал противнику в челюсть.

Здоровяк в камзоле, на развороте, рот открыт (видимо, он хотел что-то выкрикнуть), а тут его встречает сильный и отработанный удар, который не раз выручал меня в непростых ситуациях. Вот и сейчас все сложилось так, как надо. Наглец потерял пару зубов и сознание, наверняка сильно прокусил свой поганый язык и спиной рухнул на обеденный стол, который разнес в щепки.

А я кинулся на выручку Вирану, который схватился с более массивным, чем он, противником, в жестком клинче и никак не мог

вырваться из захвата, а хамоватый бычок с позументами по всей одежде пытался ударить его головой в переносицу.

— Эй! — подскочив к борющимся сбоку, выкрикнул я.

Наглец, посмевавший оскорбить нас с Альерой, обернулся, и мой кулак впечатался в его прямой аристократический нос, который ментально смялся под ударом. Противник залился кровью, взвыл от боли, отпустил Вирана и прыжком отскочил назад к камину.

Можно было бы считать конфликт исчерпанным, но пришлый дворянин решил не отступать и выхватил меч. Мы схватились за свои клинки, и могла бы разгореться более серьезная драка. Однако появился управляющий гостиницей и стражники, которые прекратили драку, пригрозили нам гневом герцога и разогнали нас по комнатам.

Так что пришлось мне возвращаться в номер, где ворчливый Сенас Аминари смазал сбитые костяшки моих пальцев целебной мазью и все говорил, что я притягиваю к себе неприятности. Я выслушал его молча, а затем, уже засыпая, подумал о том, что неплохо мы с Альерой посидели: с вином, интересным разговором и дракой, из которой вышли победителями.

Ночь прошла спокойно. Зато утро было насыщено новой порцией событий.

Во-первых, мы с моим новым товарищем узнали о том, что должны заплатить управляющему гостиницей за сломанные во вчерашней драке стол и стул. Естественно, я и Виран с этим были не согласны, ибо по всем понятиям, кто в схватке проиграл (а это были не мы), тот ущерб и оплачивает.

Однако два побитых нами барона, кстати сказать, тоже будущие кадеты «Крестича» и верные вассалы великого герцога Канима, с поля боя слились и, уходя, пообещали нам мешок неприятностей. Так что крайними остались мы с Альерой, и в итоге за разбитую мебель нам пришлось заплатить. Немного, всего три серебряных нира, но все-таки деньги.

Во-вторых, господин Ирса сообщил мне о том, что информации относительно моего несостоявшегося убийцы нет, и не будет, после чего вернул мне полуиллир. На мой вопрос: «А в чем, собственно, дело?» — он ответил, что киллера забрала Тайная стража великого герцога, по личному приказу барона Аната Каира, прозванного Жалом Канимв.

Услышав фамилию начальника герцогских шпионов и контрразведчиков, которого очень сильно уважала половина жителей города, а вторая половина пугала им детей, я понял, что, действительно, информацию не получу, и больше вопросов не задавал.

Вроде бы все? Нет.

Лишь только мы с Альерой позавтракали и собрались выйти в город, как перед крыльцом нашего временного пристанища остановилась карета с особенным гербом великого герцога на дверце. Обычный герб рода Канимов — это скорпион с человеческой головой, выставивший перед собой две клешни, и красным изогнутым жалом за левым плечом мифического персонажа на синем фоне. А особенный, с небольшими дополнениями в рисунке, использовался службами и полками великого герцога.

У этого герба, который увидели мы, на жале была ясно видимая зеленая капелька яда, так что становилось понятно: в гостиницу пожаловала Тайная стража. А это значит, что у всех присутствующих, обслуживающего персонала и постояльцев, невзирая на заслуги, титулы и звания, могут появиться неприятности.

Господин Ирса, увидев карету, заметно побледнел, сглотнул слюну и за счет того, что втянул голову в плечи, стал меньше ростом. А когда он увидел, кто выходит из запряженного четверкой породистых лошадей транспортного средства, то я подумал, что он грохнется в обморок, поскольку гостиницу почтил своим присутствием сам начальник Тайной стражи барон Каир.

Однако Ирса справился со своей слабостью, бросился встречать важного гостя и вел себя вполне достойно, а когда узнал, что Жало Канимов желает увидеть графа Ройхо, то сразу же проводил его в столовую, откуда мы с Альерой наблюдали за всем происходящим.

Мы с грозным бароном расположились у камина, того самого, возле которого вчера выпивали с Вираном, а потом дрались с заносчивыми дворянами. Каир молча смотрел на меня своими серыми пронзительными глазами, которые уже оценили меня, взвесили, поставили на мне невидимое клеймо и определили в какую-то группу или подвид разумных существ. А я, стараясь выглядеть спокойным и расслабленным, размышлял о том, чем же так страшен человек передо мной.

Выглядел Каир невзрачно: среднего роста брюнет в темно-коричневом полукафтани и такого же цвета брюках, заправленных в мягкие кавалерийские полусапожки. И только глаза, раскладывающие людей на составляющие элементы, да сильные мозолистые руки опытного мечника-профессионала говорили о том, что не так прост этот приближенный к великому герцогу барон, как это может показаться с первого взгляда.

Молчание тем временем становилось тягостным, и наконец Каир начал разговор:

- Что же вы, граф, буяните?
- Вы про ночную драку в гостинице?

- Про нее. — Каир быстро, почти незаметно, моргнул.
 - Ваши дворяне первыми напали, а мы с Вираном Альерой только защищались.
 - А они утверждают, что все было наоборот.
 - Врут.
 - Наверное. Однако сегодня великий герцог получит жалобу, в которой будет сказано, что вы пытались ограбить его верноподданных.
 - Чепуха! У нас есть свидетели.
 - Только это вас от каталажки и спасает, граф Ройхо.
 - А что, эти дворяне, которых мы побили, — важные птицы?
 - В общем-то, да. Один — старший сын барона Пейрана, который владеет тремя медными рудниками на территории великого герцога. Другой, его друг, — третий сын барона Калька. Сам по себе птичка-невеличка, но у него много родни, и он является наследником богатого состояния, которое вскоре получит.
 - И что теперь? Мне снова бежать?
- Каир усмехнулся:
- Не стоит. Все уладится, и никто вас не тронет, граф.
 - Ну и слава богам.
 - Эх, молодость, — протянул барон, по-прежнему улыбаясь. — Завидую вам, граф. Вы потеряли родителей, братьев, сестер, замок и в родных местах стали изгоем. Вчера вас пытались убить, и вы дрались против сильных, по вашим меркам, соперников. А вас, насколько я посмотрю, это не очень-то и волнует.
 - Поначалу, когда родителей убили и когда я убегал, тогда боялся, и порой до дрожи в коленях доходило. Но прошло какое-то время, и мне надоело вздрагивать от каждого шороха. Поэтому я и веду себя вполне спокойно. Кстати, господин барон, раз уж речь зашла об убийце, может быть, расскажете, кто он был и откуда прибыл? Ведь наверняка вы не ради драки решили меня навестить?
 - Умный мальчик. — Начальник Тайной стражи вмиг стал серьезен, перешел на «ты» и добавил: — Весь в папу.
 - А вы его знали?
 - Да, и очень хорошо. Десять лет вместе в одном полку прослужили, и тебя, Уркварт, в свое время я не раз на коленях держал. Поэтому я лично прибыл на тебя посмотреть, а не вызвал наглого молодого аристократа, который бьет вассалов великого герцога, к себе. Однако не об этом сейчас. Ты хочешь знать, кто был убийца, и я тебе отвечу. Это мелкий вор-уголовник с окраины Йонара, которого наняли для мокрого дела.
 - А кто его нанял?

— Воришка отнекивается и утверждает, что не знает заказчика и что с ним связались через посредника. Но есть подозрение, что это Скир Пран, командир дружины герцога Грига. Его засекли, когда он неделю назад вышел из телепорта. Правда, долго за ним следить не стали, так как поначалу он вел себя тихо и спокойно.

— Важная птица.

— Не очень. В войске герцога Андала Грига его должность вспомогательная, и он своего рода порученец правителя, его глаза и уши, а иногда — командующий отдельными военными отрядами.

— И что теперь с моим несостоявшимся убийцей будет?

— С воришкой? Каменоломни. Пожизненно. А Прана ищем и наверняка найдем, если он не успеет сбежать за пределы герцогства Канним.

Сказав это, Анат Каир смерил меня еще одним долгим взглядом и встал.

— Ну что же, удачи тебе, Уркварт. Я на тебя посмотрел и выводы сделал. Прощай и ничего не бойся. Пока ты будешь находиться в Йонаре и военном лицее, за тобой присмотрят мои люди, а дальше все в твоих руках.

Я встал следом и спросил:

— Господин барон, а ваши выводы относительно меня: они хорошие или плохие?

Каир не ответил, а только вновь усмехнулся кривой ухмылкой, вышел и оставил меня одного. Ну, и что тут скажешь? В общем-то, ничего, так как есть какой-то пласт событий, который я не вижу, а значит, не владею всей информацией и не понимаю поступка барона, решившего обо мне немного позаботиться.

После этого события на время вокруг меня все успокоилось. Никто не пытался совершить на графа Ройхо новое покушение. Мы с Вираном Альерой занимались фехтованием и гуляли по городу, вечерами много общались, а ночами, прежде чем провалиться в сон, я задавал себе множество вопросов на самые разные темы.

Да вот беда: с ответами было туго. И порой это меня напрягало. Но, к счастью, не очень сильно. Хандра с тяжелыми думами накаtywала только ночью, а днем мне заморачиваться было некогда.

Глава 8

Империя Оствер. Военный лицей «Крестич». 16 июня 1401 года

Звонкий сигнальный горн издал протяжный звук, который разнесся по всему училищу. И тут же по казарме прокатилась трель свистков и крики наших сержантов-десятников:

— Подъем!

- Встали!
- Живее!

Тонкое одеяло моментально отлетает в сторону, я вскакиваю и на полном автомате, все еще находясь в состоянии полусна, быстро натягиваю на себя форменные брюки, впрыгиваю в сапожки и бегом, по проходу между койками, устремляюсь на выход.

Вокруг меня кадеты нашего первого курса. Все мы торопимся как можно скорее покинуть помещение, потому что последний курсант обязательно получит сильный пинок по копчику. Это является хорошим стимулом для того, чтобы поторапливаться.

И сейчас я знаю, что думает каждый из моих сокурсников, которые, пыхтя и толкаясь, спешат на плац. Наверняка любой из этих парней сейчас мысленно кроет матом сержантов, офицеров-инструкторов, преподавателей, весь военный лицей «Крестич», в котором мы проходим обучение, ну и, конечно же, недобрый словом вспоминает тот день, когда он решил в него поступить. Но при этом никто не желает показать слабину, и ни один из нас не выскажет десятникам то, что он думает на самом деле.

— Стадо беременных ослов! — хриплым голосом орет сержант Сантин, командир моего второго десятка.

— Маменькины сыночки! — вторит ему первый десятник Цинкер, когда я пробегаю мимо него. — Стадо ленивых бабуинов!

— А вот и жертва! — слышен позади радостный рев сержанта Бунара. — Опять благородный граф Торман Сарана опаздывает! Что, молодой человек, спать любим?! Устаете?! Так может быть, вам отправиться домой, к могилке вашего папочки, который не смог защитить свои земли? Червяк!

Слышны глухой звук удара и вскрик Тормана, светловолосого и румяного парня семнадцати лет от роду, который, в самом деле, постоянно попадает на раздачу тумачков во время подъема. Для меня это все уже привычно, и я не обращаю на происходящее никакого внимания, воспринимая крики, суету и беготню как само собой разумеющийся фон моего сегодняшнего бытия.

Наш курс, точнее сказать, все, что от него осталось, выбегает на плац и строится по десяткам. Сейчас будет быстрая переключка, а затем начнется новый день. Я окончательно просыпаюсь, встряхиваюсь, быстро оглядываюсь вокруг и без движения замираю во второй шеренге. Впереди две минуты относительного покоя. Я смотрю на своего верного товарища Вирана Альеру, и в голове чередой фрагментов проносится вся история моего обучения в военном лицее...

Ранним утром шестнадцатого марта сего года гостиницу господина Ирсы покинули сразу пять постояльцев — молодые дворяне, в числе

которых были я и Виран Альера. Все мы должны были стать кадетами «Крестича» и в наемной повозке, без слуг, отправились за город.

Проехав около десяти километров, мы свернули с основного тракта на проселок и через десять минут подкатили к мощным воротам с двумя охранными башнями, которые преграждали проход за высокую каменную стену, тянущуюся на пару километров влево и вправо от нас. Чем-то это все напоминало обычную воинскую часть на Земле, только ограждение было повыше, поверху не было колючей проволоки и на КПП отсутствовали солдаты, которые находились не на виду, а в укреплении.

Итак, мы оказались перед воротами, рядом с которыми находилось уже больше сотни молодых людей, будущих кадетов. Присоединившись к ним, я вслушивался в их разговоры и для себя всех присутствующих разделил на несколько групп.

Первая — это богатые и влиятельные аристократы, которые искали острых ощущений или же прибыли в «Крестич» по воле своих родителей. Вторая — обедневшие и безземельные дворяне, вроде меня и Альеры, которым терять было нечего, и военный лицей должен был дать нам образование и путевку в жизнь.

Третья — это бастарды, и с ними ситуация ясна: училище для них все и отступить они не могут, потому что некуда. Ну, и последняя группа — свободные остверы, у которых были обнаружены неиспользуемые ими таланты к магии. В основном это были бывшие крестьяне и ремесленники, готовые помучиться, чтобы получить офицерский патент.

Такой вот подобрался контингент готовых к учебе людей в возрастной категории от шестнадцати до девятнадцати лет. И единственное, что на тот момент я не очень хорошо понимал, — почему набор в военный лицей ведется каждые полгода, один курс приравняется к шести месяцам, и зачем набирают так много кадетов. Однако со временем ответы на эти вопросы были получены.

Наше ожидание продлилось два часа, до самого полудня. За это время прибыло еще около сотни будущих учеников, и я вновь подумал о том, что нас слишком много для одного курса. Но развить эту мысль мне не дали, так как открылись ворота, появились солдаты с копьями в руках и несколько офицеров, которые вежливо пригласили нас пройти на территорию военного лицея. Новобранцы, естественно, прошли и оказались на широком и пустом каменном плацу, где мы с Вираном огляделись.

Плац был с трех сторон окружен вечнозеленым кустарником. Со стороны ворот чистое пространство, а под стенами — общежитие для офицеров и казарма для солдат. Слева серые угрюмые здания в три

этажа, как позже выяснилось, — учебные корпуса. Справа спортивный городок — покрытое травой просторное поле для командных игр и множество самых разных снарядов: турники, брусья, подвесные кольца, скамейки для качания пресса и другие приспособления. Впереди снова здания: канцелярия, казармы для курсантов и сержантов, а далее — коюшни и хозяйственные постройки. Вот и весь военный лицей.

На плацу, сами по себе, мы простояли минут пять. Затем вновь появились офицеры, которые выстроили кадетов в два плотных каре приблизительно по сотне человек и снова вежливым тоном попросили всех нас по одному проходить в канцелярию. После этого они удалились, а мы с Альерой одними из первых направились в местное присутственное здание, где предъявили свои бумаги и сдали на хранение личные охранные амулеты и вещи.

После этого наши тела осмотрели маги-целители, патологий и болезней в новобранцах не обнаружили и передали нас интендантам. А еще через полчаса мы получили два комплекта новенькой армейской униформы по нашим размерам, серые береты и необходимые для личной гигиены вещи — мыло и зубную пасту, которая в империи Оствер использовалась уже давным-давно. Нам дали двадцать минут на обустройство в казарме и переодевание.

От Вирана я уже знал, что будет дальше, а потому поторапливался. Быстро занял койку, сложил в тумбочку вещи, оделся в новенькое темно-коричневое обмундирование, чем-то похожее на матросские робы советско-российского ВМФ, притопнул мягкими яловыми сапожками и покинул спальное помещение. Вовремя. Потому что вместо офицеров, которые исчезли, словно их никогда и не было, кадетами занялись залетевшие в казарму сержанты с дубинками в руках, поприветствовавшие новичков злыми криками луженых глоток, оскорблениями и ударами.

Простым остверам подобное к себе отношение было не в новинку, бастардам и бедным дворянам тоже, мы всякого повидали. А вот богатым и обеспеченным аристократам пришлось туго, и кое-кто даже имел глупость возмущаться, за что был награжден новыми тумками и предложениями покинуть «Крестич».

Вот с этого момента и началось наше обучение. И первый месяц являлся одним сплошным кошмаром, который был наполнен бегом, строевыми упражнениями, занятиями на спортивной площадке и избиениями, многие из которых приводили к травмам. Если бы не маги-целители, то большинство из нас на всю жизнь остались бы инвалидами.

Так что каждый кадет-новобранец все эти дни находился в состоянии постоянного стресса. И хотя я не в курсе, кто составлял програм-

му обучения и подбирал методику, однако я знаю, что наверняка этот человек был очень хитрым и жестоким ублюдком, который ставил своей целью сломать и растоптать новичков, а затем вылепить из них что-то новое.

На сон четыре, иногда пять часов. На гигиену и туалет пятнадцать минут в день. На прием пищи двадцать пять минут. На личное время, в которое входила стирка обмундирования и чистка сапог, один час. Все остальные минуты и часы уходили на занятия и физические упражнения.

Вне всякого сомнения, это очень жесткий распорядок дня для вчерашних гражданских подростков, большинство из которых являлись дворянами. Ни на чем нельзя было сконцентрироваться, и мы с Альерой ощущали постоянную усталость. Ноги были ватными, а тела — одеревеневшими, и пару раз у нас случались настоящие обмороки, так что было очень тяжело.

И в первый выходной день, когда нам дали небольшой роздых, я оглянулся и увидел, что из двухсот кадетов осталось всего сорок пять изможденных человечков. Другие полторы сотни молодых новобранцев отсеялись и тихо-мирно, совершенно незаметно для нас, отправились за ворота военного лицея в свою прежнюю жизнь.

И лежа на узкой кровати, я понимал, что за тридцать дней испытательного срока не познакомился ни с одним новым кадетом, не узнал ничего для себя нового, а курсантов старших курсов видел пару раз, и то мельком, когда они возились с лошадьми или направлялись в фехтовальный зал. Так что данный отрезок времени можно было спокойно вычеркнуть из памяти.

Второй месяц обучения начался с очередного построения, на котором вновь появились офицеры-инструктора — тройка подтянутых и похожих один на другого, словно родные братья, мужчин в темно-зеленой полевой пехотной униформе. Судя по красному ромбику на мягких погончиках, все они находились в одном звании — капитан.

Не спеша офицеры прошлись вдоль строя из сорока пяти кадетов, смерили нас презрительными взглядами, и один произнес:

— Что-то их много.

— Да, — согласился с ним второй, — многовато.

— Определенно, надо сократить курс, в нем еще есть отребье, — весомо добавил третий.

На этом все. Невозмутимые, словно небожители на Смертном суде, офицеры покинули нас, и снова на тридцать дней первым курсом занялись сержанты. Правда, на этот раз они делали упор не на физические упражнения, хотя их никто не отменял, а на психологическое давление.

Эти звери в человеческом обличье знали подноготную каждого кадета и били по самому больному. Ты беден? Попрек нищетой. Бастард? Они крутили этот факт перед носом кадета и задевали его мать. Крестьянин? Следовал рассказ про тупость деревенских жителей, их необразованность и пьяные зачатия, в результате которого и родился данный ученик военного лицея, попавший в него лишь по недоразумению.

В общем, доставалось всем, а в моем случае для сержантов было полное раздолье. И они многое поведали мне о моей трусости и бегстве из замка, глупости Квентина Ройхо, решившего, что он может быть на равных с герцогом, и никчемности его дружины, прозевавшей нападение. Все это происходило перед строем, и скажу честно, я едва не сломался.

И только взгляд верного товарища Альеры, который морально поддерживал меня, как и я его, не дал мне плюнуть на все и покинуть военный лицей с позором, как это вскоре сделали еще пятнадцать человек нашего курса.

Но все проходит, и второй месяц прошел. Снова нам дали один выходной, а затем тридцать человек — всех, кто остался, — под присмотром все тех же офицеров, которых мы видели ранее, разбили на десятки, и к каждому подразделению прикрепили постоянного сержанта.

Мы с Альерой попали во второй десяток, и нашим командиром стал сержант Сантин, в прошлом пограничник-рейдер, двадцать лет на юге империи ловивший контрабандистов и диверсантов из королевства Асилк и успевший поучаствовать в знаменитом побоище на Диньском поле, где отличился полк Квентина Ройхо. И с этого момента началась более или менее нормальная учеба, так как с нами, наконец-то, стали заниматься учителя и инструктора.

Однако определенного распорядка дня все равно не было, и все происходило, на первый взгляд, спонтанно и неорганизованно. С утра физподготовка, затем верховая езда, всего два часа, после фехтование, а далее снова физические упражнения и история имперских войн. Какая-то мешанина. И хотя беготни по кругу и нагузок стало меньше, а работы для мозга больше, меня такое положение дел все же не устраивало, поскольку знаний и умений у меня опять не прибавлялось, а учителя и сержанты просто присматривались к кадетам и выясняли их интеллектуальный уровень.

В общем, странный месяц, который истек вчера. А сегодня начинается четвертый. У нас будет очередной выходной день, а далее снова начнется учеба, и какие изменения грядут, никто, даже Виран Альера, точно не знает, потому что хоть он и имел про «Крестич» некоторую информацию, но не мог знать все досконально.

Я вновь вернулся в реальность, а воспоминания, от которых начинал скрежетать зубами, загнал в дальний угол своей памяти. Наши сержанты стоят перед строем, и хотя они видят, что все кадеты на месте и за минувшую ночь никто из «Крестича» не испарился, следуя древнему ритуалу, выкрикивают фамилии своих подчиненных.

Первый и третий десяток меня не интересуют, я вслушиваюсь в слова сержанта Сантина, высокого блондина, который чем-то напоминает жердь и в целом производит впечатление неуклюжего человека. Однако мы, его подчиненные, знаем, что он может быть очень быстрым, резким и гибким и является великолепным гимнастом с навыками разведчика, который подмечает любую мелочь. А потому недооценивать его нельзя и каждый кадет стоит не шевелясь.

— Виран Альера! — выкрикивает сержант.

— Я! — откликается мой единственный в этом мире друг.

— Нунц Эхарт!

— Я! — слышится бас некогда полного и веселого, а теперь худого и вечно хмурого третьего баронского сына.

— Тарди Пест!

— Я! — подает голос сын простого ремесленника-остверера из Йонара.

— Граф Торман Сарана!

— Я! — отвечает уже получивший сегодня тумака рано ставший сиротой и отправленный в лицей матерью шестнадцатилетний граф.

— Вилл Фертанг!

— Я! — откликается наследник князя Фертанга, самый знатный из всех присутствующих дворянин и, стоит это признать, самый подготовленный к физическим нагрузкам человек на всем нашем курсе.

Первая шеренга отозвалась, приходит черед второй, и сержант продолжает:

— Кричард Кальк!

— Я! — слышится голос того самого аристократа, с которым я дрался в гостинице господина Ирсы.

Сначала он был вместе со своим вторым товарищем, но тот уже через три дня, проклиная сержантов, покинул учебное заведение. А Кричард, оказавшийся неплохим парнем, выдержал все испытания, а поскольку трений между нами больше не возникло, то мы даже пару раз посмеивались, вспоминая наше знакомство.

— Ченст Лигна!

— Я! — раздается глухой рокот молодого горца из племени, которое называет себя «истинные остверы», присланный на учебу вождем.

— Гуннар Арциз!

— Я! — порывисто выкрикивает бастард самого великого герцога Ферро Канима, которому только обида на отца и на всю свою некажистую жизнь дала силы выдержать непомерные нагрузки и оскорбления.

— Барон Лиска Знаман!

— Я! — увесисто роняет смуглолицый и раскосый, похожий на башкира, дворянин с архипелага Гири-Нар.

— Граф Уркварт Ройхо!

— Я! — слышится последним мой голос.

Переключка окончена, и сержант с высоты своего роста и главенствующего положения оглядывает нас и говорит:

— Поздравляю вас с окончанием третьего месяца обучения, господа кадеты!

Каждый из нас наверняка отметил для себя появившуюся в обращении сержанта приставку «господа». Значит, мы поднялись на первую ступеньку лестницы, ведущей к заветному офицерскому патенту.

Этому нельзя не порадоваться, и мы бодро выкрикиваем:

— Служим империи!

От соседних десятков нашего курса доносится то же самое, и в это время от центра плаца к нам приближались три офицера в капитанском звании, которых мы уже видели ранее. По пути они разошлись, каждый направился к одному из десятков, и один из них приблизился к нам.

Как и ранее, капитан окинул нас взглядом, в котором сквозило презрение, думаю, больше показное, чем настоящее, и бросил:

— Ну что же, вполне приемлемые заготовки, из которых может что-то получиться. — Он повернулся к Сантину и спросил его: — Что вы думаете, по этому поводу, сержант?

— Вы совершенно правы, господин капитан! — отчеканил сержант. — Но с ними еще придется много работать, и если хотя бы половина из них дотянет до выпуска, это будет приемлемым результатом.

— Да, — кивнул офицер и вновь обратил свое внимание на нас. — Господа кадеты, меня зовут капитан Свен Нитра. Отныне я ваш наставник и офицер-инструктор. Вы выдержали серьезные физические нагрузки и не сломались под давлением психологического пресса, поэтому достойны того, чтобы вами занялся настоящий имперский офицер.

Сегодня у вас должен быть выходной, и он будет. Но перед этим я хочу пообщаться с каждым из вас один на один. Так что после физической зарядки, приведения себя в порядок и завтрака я жду ваш десяток в казарме.

Капитан замолчал, и снова послышался рев сержанта:

— Напра-а-во! Бегом! Марш!

Десяток послушно побежал и быстро втянулся в ритм движения. Сколько бежать, никто не говорил, а потому мы были готовы к тому, что Сантин и его сотоварищи-сержанты сыграют в свою любимую игру под названием «бег до первого упавшего». Однако сегодня, видимо, в честь выходного дня, наши сержанты не зверствовали: ограничились пятью километрами, турником, отжиманиями, растяжкой и качанием пресса на лавочке в обнимку.

В общем, день начинался относительно неплохо, и вскоре, быстро почистив зубы и умывшись, мы позавтракали пшеничной кашей с мясом, которую запили фруктовым компотом. А затем кадеты строем вошли в казарму, где их уже ожидал капитан Нитра, поставивший в дальнем углу, возле окна стол и разложивший перед собой папки в красных обложках — видимо, наши личные дела.

Справа и слева от него стояли еще два таких же стола, за которыми сидели другие офицеры — инструктора первого и третьего десятков. Сержанты находились с нами и начали по одному направлять нас к капитанам. Мне выпало первым подойти к Нитре: наверное, Сантин решил начать с конца списка нашего десятка.

— Господин капитан, — застыв напротив офицера-инструктора, отрапортовал я, — кадет Уркварт Ройхо для беседы прибыл.

— Хорошо, кадет. Сейчас я начну задавать вам самые разные вопросы, а вы должны отвечать на них быстро и без запинки и не употреблять таких словосочетаний как «не знаю» или «мне неизвестно». Каждая лишняя секунда раздумий — это удар палкой. — Капитан на меня даже не посмотрел, пролистнул бумаги в папке и что-то в них отметил. — Вы поняли меня?

— Так точно, господин капитан!

— В таком случае, начнем. Скажите, кадет, вы сами решили поступить в военный лицей или это желание вашего отца?

— Это решение покойного графа Квентина Ройхо.

Новая отметка и еще один вопрос:

— Как вы считаете, кадет Ройхо, вы сможете закончить «Крестич»?

— Да.

— Серьезное заявление, но я его принимаю. — Капитан наконец посмотрел на меня, снова сделал у себя в бумагах отметку и продолжил: — Кадет, а зачем вам обучение в военном лицее?

— Хочу получить хорошее образование, господин капитан, дабы иметь возможность самому выбирать свой путь по жизни и быть способным защитить себя и своих близких.

— А как вы относитесь к императору?

- Положительно.
- А к великому герцогу Ферро Каниму?
- Точно так же.
- Ваш любимый цвет?
- Зеленый.
- Любимое оружие?
- Меч.
- Какой?
- Корт.
- Какая порода лошадей вам больше всего нравится?
- Исанийская полукровная лошадь.
- Почему?
- Быстрая, неприхотливая и выносливая.
- Вы не хотели бы стать магом?
- Нет. Я выбрал путь воина.
- Скольких людей вы убили?
- Ни одного.
- Что вы сделаете, встретив герцога Грига?
- Прикончу его.
- А если у вас не получится этого сделать?
- Тогда мне придется бежать, или он прикончит меня.

Быстрые вопросы и такие же быстрые ответы. Темы самые разные и они идут вразброс, в непонятном для меня хаотичном порядке, а порой повторяются в разных интерпретациях. И когда капитан окончил беседу, больше похожую на допрос, я подумал о том, что у него в руках наверняка не мое личное дело, а заранее подготовленные профессионалами психологические тесты.

«Серьезно здесь контора работает, — отметил я, возвращаясь на свое спальное место. — Сначала отсеяли всех, кто не смог бы доучиться до конца, неврастеников и слабаков, и только потом всерьез начали копаться в душах и мыслях тех, кто остался. Да уж, великие герцоги Канимы не прогадали, когда взяли военный лицей под свое крыло, ибо это отличная возможность получить в свою армию отличных офицеров и узнать сильные и слабые стороны соседей, которые обучались в «Крестиче», княжич Фертанг тому живой пример».

Капитан Нитра и другие офицеры беседовали с кадетами около двух часов и перед тем, как оставить нас, они вновь выстроили все три десятка на плацу.

Инструктор нашего подразделения с папками в руках прошелся вдоль жидкого строя и объявил:

— С завтрашнего дня начинается нормальный учебный процесс. Он начнется с фехтования, вольтижировки, тактики имперских воен-

ных подразделений и истории. Кто не будет успевать, того подвергнут тяжким телесным наказаниям, поэтому настоятельно рекомендую вам не расслабляться, запоминать каждое слово своих учителей и побольше думать. Вопросы есть?

Вперед выступил княжич Вилл Фертанг:

— Господин капитан, а нельзя ли нам получить свои личные вещи?

— Нет.

Следующим был Кальк:

— Когда кадетам разрешат писать и получать письма?

— После первого отпуска, до которого вам еще надо дожить.

Третий, и последний, вопрос задал Тарди Пест:

— Господин капитан, а когда мы получим допуск в библиотеку военного лица?

— По окончании первого курса, то есть через три месяца.

Больше спросить офицера-инструктора о чем-либо никто не осмелился. Нас вернули в казарму, и третий выходной день за три месяца обучения в военном лицее «Крестич» пошел своим чередом.

Глава 9

Империя Оствер. Герцогство Каним. 07 февраля 1402 года

Судьба не была благосклонна к Скиру Прану, и приказ герцога Андала Грига провинившемуся командиру дружины по прозвищу Ржавый был ясен и понятен. Он должен был убить Уркварта Ройхо, и никак иначе опальный командир не мог заслужить прощение своего господина, которому верно служил с самых малых лет: сначала пажом, потом гонцом, а затем дружинником, десятником и сотником.

Так что, попрощавшись с отцом, первым советником герцога, которого он любил и уважал гораздо меньше своего повелителя, Скир отправился в город Йонар.

Первую неделю на новом месте он просто присматривался к столице великих герцогов Канимов. И очень осторожно, чувствуя на себе пристальное внимание местной Тайной стражи, искал выходы на городской криминалитет.

В скитаниях по Йонару пролетели десять дней, и когда верный слуга Грига решил, что он готов исполнить волю северного герцога, а шпионы Канима перестали за ним следить, он стал действовать.

И поначалу ему сопутствовал успех. Пран познакомился с одним из авторитетных местных воров и предложил ему простое дело:

найти в огромном городе конкретного человека и помочь ему пришить молодого Ройхо. Деньги за это он предлагал очень хорошие — целых пятьдесят иллиров, половину из того, что имел.

Вор, которого звали Боган Синий, дал ему в подчинение своего человека, молодого паренька по имени Финч Бритва. При этом Боган специально оговорил, что его люди не будут напрямую участвовать в убийстве, поскольку это хлопотно и сулит неприятности с Тайной стражей. Скир Пран с этим согласился, так как лично собирался прикончить сбежавшего от него графского сына. Однако позже все пришлось переиграть.

Финч Бритва, юркий и смысленный воришка, обнаружил и локализовал Ройхо уже через несколько часов поиска и сам предложил Прану за десять золотых монет найти человека, который поможет ему с мокрым делом. Ржавый подумал и решил не мелочиться: ведь два клинка лучше одного, и если он упустит жертву, то ее достанет второй убийца. Поэтому он согласился на предложение Бритвы.

Это его и спасло, поскольку оказалось, что за Урквартом следили шпионы барона Аната Каира, не заметившие Прана, но обратившие внимание на человека с арбалетом, который забрался в гостиничный номер Ройхо.

В итоге йонарского киллера схватили. Бритва и Боган Синий исчезли. А Прана взяли через двое суток, когда он пытался выбраться из города. Тайная стража герцога Ферро Канима работала четко, и вскоре Ржавого били смертным боем, пытаясь, кто и с какой целью послал его в Йонар.

Он молчал, сплевывал на пол камеры кровавые сгустки слюны и выбитые зубы и мысленно славил своего повелителя, который еще в молодости, когда Ржавый был его гонцом, приказал поставить ему дорогой блок, не позволяющий считывать его мысли и чувства с помощью магии.

После трехсуточного допроса все, что осталось от Скира Прана, на скорую руку подлечили, обтерли его лицо мокрой тряпкой. А затем Ржавого приволокли в чистый тюремный кабинет, где за продолговатой конторкой находились два человека. Первый был одним из следователей, который занимался его делом, а другой, по описаниям шпионов герцога Грига, походил на барона Аната Каира.

Следователь пока молчал, и разговор повел начальник Тайной стражи великого герцога.

— Ты знаешь, кто я? — спросил барон Прана, которого наручником приковали к металлическому стулу, привинченному к полу в центре комнаты.

— Наверное, вы барон Каир, — просипел Ржавый.

— Правильно, это я, — кивнул начальник йонарских шпионов. — А зачем я здесь, понимаешь?

— Нет.

— Мне доложили, что ты выдержал все пытки, которые к тебе применялись, и я решил лично взглянуть на такого редкого человека.

— Редкого, значит?

— Конечно. Ты хранишь преданность своему герцогу, даже оказавшись в безвыходной ситуации и понимая, что никому не нужен: ни повелителю, ни отцу. Это своего рода героизм, который в наше время не часто встретишь. И хотя, на мой взгляд, это глупый героизм, но уж какой есть.

— Угу, — буркнул Скир.

Каир посмотрел на следователя и сказал:

— Прочти.

Тайный стражник достал из папки на конторке слегка скомканный лист бумаги, расправил его и начал:

— Внимание! Двадцать восьмого числа месяца нара, предав своего господина герцога Андала Грига и учинив ряд злодеяний в его доме, совершил дезертирство и бежал бывший командир дружинников Скир Пран по прозвищу Ржавый.

Он выглядит следующим образом: рост метр восемьдесят, цвет кожи белый, волосы черные, глаза карие, блестящие, нос прямой, возраст — тридцать лет. Особые приметы: неприятный резкий голос, а на шее — тонкий шрам от кинжала.

На всей территории герцогства Григ этот преступник объявлен вне закона, и за его поимку предлагается награда в сто пятьдесят иллиров.

— Что скажешь, Ржавый? — спросил Каир.

— Это все правда. Я виноват перед герцогом Григом, — флегматично пожал плечами Пран. — А Уркварта Ройхо я хотел убить по собственной инициативе, потому что ненавижу это семейство.

— Уркварта оставим в стороне. Меня интересует, почему ты не желаешь выдавать секреты Грига?

— У меня на это есть причины, и я буду молчать.

— Жаль, Скир, очень жаль, — поморщился барон. — Я надеялся на то, что ты будешь благоразумен и поймешь, что тебя использовали для того, чтобы посмотреть на нашу реакцию в случае попытки покушения на Ройхо. А осознав это, пойдешь на сотрудничество с Тайной стражей, которая может помочь тебе начать новую жизнь.

Однако ты упорствуешь в своем нежелании обвинить герцога, и за это тебя надо бы убить. Но я, уважая твою стойкость, не стану отдавать приказ о твоём уничтожении, а оставлю тебя наедине с твоей судьбой.

— Мне не нужны ваши лживые заверения в хорошем ко мне отношении и помощь.

— Дурачина! Тебя никто не будет выкупать, обменивать и выручать. Григ получил письмо — предупреждение не посылать больше своих шпионов-неудачников в земли великого герцога Канима, — и твой повелитель ему внял. Тебя использовали и бросили. Помощи не будет!

— Плевать.

— В таком случае во всех своих неприятностях вини только себя.

— И Уркварта Ройхо.

— Хм! — Каир снова поморщился и приказал увести Прана.

Ржавого отволокли в допросную комнату, где его снова били, и снова он молчал. Через пару дней про него забыли.

Вскоре Скира перевели в общую тюрьму, где ему пришлось драться за кусок плесневелого хлеба и миску баланды с мелкими преступниками и бездомными, а после этого перемалывать пищу шатающимися редкими уцелевшими зубами. И все это ради того, чтобы выжить, когда-нибудь выбраться из тюрьмы и все же выполнить приказ Андала Грига, который занозой сидел в его мозгу и не позволял ему окончательно сломаться во время допросов.

Шло время. Пран немного поправился, хотя здоровье его было серьезно подорвано, а опытные тюремщики считали, что, скорее всего, этот заключенный умрет от истощения и увечий. Однако он выжил, и вскоре Скира осудили, признали виновным в попытке предумышленного убийства и приговорили к пожизненной каторге на каменоломнях великого герцога.

Еще один день в тюрьме, сбор колонны каторжников, и Ржавый зашагал в сторону раскинувшихся за Йонаром гор. Его ноги делали шаг — и он думал о том, что не выполнил приказ герцога. Другой шаг — и Скир мечтал о побеге и убийстве ненавистного Уркварта, который был источником всех его бед. И так разом за разом: одни и те же, превращающиеся в манию, мысли, и монотонное движение.

До каменоломни скованные кандалами каторжники дошли за пять дней. Осужденных людей загнали в глубокий карьер, где кирками и ломами они вырубали из скалы белые глыбы. Затем они обтесывали их в квадратные блоки, вытаскивали этот строительный материал, который позднее станет частью крепостных стен, на поверхность, и с помощью рычагов и талей грузили его на мощные подводы.

Кормили каторжников не очень хорошо, работали они по двенадцать часов в день, и труд их был очень изнурительным, а потому многие не выдерживали и умирали. Но Скир Пран, в душе которого

кипели ярость и злоба, а в голове были только две основные мысли, переносил все беды и лишения стойко и практически не замечая их.

Непонятно как и за счет чего, но вскоре он окреп и сильно раздался в плечах. А затем этого изуродованного пытками человека с половиной выбитых зубов и гнилыми пеньками во рту, диким взглядом и грязными космами, спадающими на спину, заключенные стали сначала избегать, а позже обходить его, словно он был агрессивным и непредсказуемым зверем.

Прану на это было плевать. Все глубже погружаясь в пучину безумия, он мерно крушил молотом камень и не обращал на косые взгляды остальных каторжников никакого внимания.

«Я не смог! — снова говорил он сам себе, не замечая того, что с головой у него непорядок, и тут же добавлял: — Ненавижу Ройхо! Все из-за этого беглеца! Убью!»

Так продолжалось до тех пор, пока каторжники, в большинстве своем кровавые злодеи, насильники и убийцы, то есть далеко не смиренные овечки, не обратились к начальнику каменоломни господину Кимпусу с просьбой убрать от них Прана. И господин Кимпус, пятидесятилетний человек с небольшим брюшком и прагматичным складом ума, задумался о том, что же ему делать со страшным и уродливым кандалником.

С одной стороны, каторжники волнуются, и если не удовлетворить их настоятельную просьбу, то может вспыхнуть бунт, который повлечет за собой его жесткое усмирение и, как следствие, потерю рабочих рук и невыполнение производственного плана.

А с другой стороны, сумасшедший Скир Пран пока не причинил никому вреда, с легкостью выполняет полуторную норму и не виноват в том, что остальные заключенные боятся его и нервничают, когда он рядом.

«Как поступить?» — сидя за столом в своей конторе и наблюдая в окно за работами, думал Кимпус.

В этот момент к нему вошел начальник охраны, который доложил о том, что прибыл маг, представившийся как Филис Омунд из школы «Трансформ», и у него имеется бумага из канцелярии великого герцога Канима.

Кимпус поспешил встретить гостя. Маг, лысый мужчина с округлым лицом и тонкими губами, одетый в дорожную мантию коричневого цвета, сразу же предъявил ему документ, в котором было сказано, что он имеет право забрать для личных нужд любого кандалника из приговоренных к пожизненной каторге.

Приказ есть приказ, особенно если он составлен по всем правилам и заверен печатью, и у начальника каменоломни подобная бумага

удивления не вызвала. Случалось в его практике, что маги брали для проведения своих, наверняка смертельно опасных, опытов, приговоренных к пожизненному заключению людей. И данный случай был как раз из этого разряда.

Каторжники были построены перед конторой. Кимпус и Омунд вышли на свежий воздух, и заключенные, завидев мантию, тут же забеспокоились и зашумели, так как имели некоторое представление о том, зачем маги посещают тюрьмы и каторги. Однако стражники не медлили, быстро навели порядок, и сопровождаемый начальником каменоломни и парой охранников маг двинулся вдоль закованных в цепи людей, которые смотрели на него, как на своего злейшего врага.

Филис Омунд вглядывался в лица кандалников и недовольно морщился, то ли от запаха давно немытых тел, то ли еще от чего. Но вот он подошел к стоящему с самого края Скиру Прану и, словно споткнувшись, замер на месте.

Маг пристально всмотрелся в сумасшедшего, снял с шеи амулет — красный рубин на золотой цепочке, — покрутил его перед Ржавым и пробормотал:

— О боги! Какая преданность, сила и ненависть! Великолепный образец!

— Вы что-то сказали, господин маг? — наклонился к нему Кимпус.

— Да, — повернувшись к начальнику каменоломни, ответил Омунд и кивнул на Прана: — Я забираю этого человека.

— Он опасен, — предупредил мага Кимпус.

— Я знаю.

— Дело ваше; бумаги выправят быстро, а кандалника хоть сейчас забирайте.

Спустя двадцать минут господин Кимпус, проводив мага, вернулся в свою контору и, вскоре позабыв про него и сумасшедшего Скира Прана, занялся текущими делами.

А закованный в кандалы Ржавый, словно дикое животное, в крепкой железной клетке, которая была поставлена на телегу и накрыта черной материей, под охраной воинов школы «Трансформ» отбыл в неизвестном направлении.

Империя Оствер. Военный лицей «Крестич». 10 марта 1402 года

После того как мы выдержали трехмесячный испытательный срок и офицеры-инструктора вплотную занялись нашим обучением, еще три месяца первого курса в училище пролетели очень насыщенно, интересно и достаточно быстро. На физподготовку теперь уходило не более полутора часов в день, а все остальное время было забито за-

нятиями. И из всех многочисленных предметов, которые нам начали преподавать, лично меня больше всего интересовали три: история империи, боевая магия и фехтование.

Первый — это фундаментальная основа, на которой строилась вся современная жизнь и, изучая прошлое, я мог более ясно видеть настоящее и заглядывать немного вперед.

Второй отвечал моему желанию раскопать информацию о магах-воителях. И хотя я до сих пор так и не нашел конкретных доказательств тому, что древние воины императора Иллира Анхо могли совмещать два направления, мне казалось, что я на верном пути и со временем смогу разгадать эту тайну прошлого. Ну и конечно же, более подробное изучение книг по магии помогало мне лучше освоить работу с амулетами, эликсирами, свитками и артефактами и их применение в бою.

Что касается третьего предмета, то есть фехтования, то я дворянин. И значит, мне на роду написано владеть клинком так, чтобы не было за себя стыдно и на дуэли я смог бы дать отпор любому наглецу.

В общем, я старался, как мог, и, понимая, что от уровня подготовки зависит моя жизнь, учился с полной самоотдачей, и результаты не замедлили сказаться. Хотя я не был лучшим учеником на нашем курсе, на общем фоне моя личность вопросов не вызывала: добросовестный средний кадет, который стремится узнать что-то новое и не халявит. Меня это устраивало полностью, наставников-инструкторов и сержантов тоже, и на второй курс я перешел без особых проблем.

И лишь только минуло полгода с того момента, как мы оказались на территории военного лицея, нас переселили в другую казарму, более комфортабельную и теплую. А наши места заняли новобранцы, которых мы могли видеть из окон своей новой спальни.

Наблюдая за двумя сотнями парней, с любопытством разглядывающих пустой плац и здания вокруг, сами себе мы казались бывалыми ветеранами. Хотя каждый из нас понимал, что это не так. Вот шестой курс — это да, настоящие воины, а мы всего лишь заготовки, как нас правильно называли инструктора.

Начался второй курс обучения. Мы получили доступ в библиотеку лицея и, конечно же, я посетил ее при первой же возможности. Многого ждал от этого посещения, однако был разочарован, так как никаких секретных книг с описаниями древних боевых методик не обнаружил, хотя полезной и редкой литературы в ней было немало.

Другой бы на моем месте, может быть, и расстроился, а мне было некогда: слишком напряженный у нас был график обучения, и на это просто не оставалось времени. Так что вопрос о магах-воителях и имперских методах обучения по-прежнему оставался открытым.

Месяцы летели мимо меня и моих товарищей, со многими из которых мы с Альерой пусть и не сдружились, но стали приятелями и добрыми товарищами, которые понимают, что если хочешь доучиться, придется играть в команде, а иначе будет очень сложно.

Так прошли еще полгода и сегодня, находясь в фехтовальном зале, где звенели скрецающиеся клинки первого и третьего десятков, отрабатывающих групповой бой, наш второй собрался в кружок, воспользовавшись кратковременной передышкой.

Как были, в тяжелых войлочных костюмах, скинув маски и поджав под себя ноги, мы сели на пол, и княжич Вилл Фертанг, худощавый и жилистый брюнет, произнес:

— Скоро отпуск, господа кадеты.

— Это да, — одновременно согласились с ним Тарди Пест и Гуннар Арциз, которые за время нашей учебы сильно сблизились с наследником богатого княжества и стали как бы его теньями.

— Понятно, что отпуск, — сказал я. — Ты хочешь что-то предложить?

— Да. Я приглашаю всех к себе в гости. Оплату телепорта, питание, проживание и развлечения гарантирую. Кто со мной?

Мы с Вираном переглянулись и кивнули один другому. Мне все равно деваться некуда, и если бы не приглашение княжича, то я бы остался в «Крестиче». А Альера живет далеко, и на дорогу в оба конца должен потратить восемь-девять дней и некоторую сумму денег, так что дома ему делать нечего.

— Какие развлечения предоставишь, Вилл? — спросил его Знаман.

Княжич улыбнулся и сказал:

— Все, какие только душа пожелает: пиры, балы, охота и выпивка.

— А девушки будут? — улыбнулся Знаман, а за ним и все мы.

— Да, — смутился Фертанг и покраснел.

— Тогда я с тобой.

— А что остальные?

Что касается других кадетов, то лишь Тормана Сарану и Кричарда Калька за воротами училища ждали близкие и родные им люди. Поэтому предложение Фертанга приняли все, кроме этих двоих.

— Договорились. — Княжич был доволен.

И в этот момент раздался голос нашего учителя по фехтованию, невысокого и вертлявого господина Нагера:

— Второй десяток в зал! Взять щиты! Учебный поединок один на один!

Кадеты быстро вскочили на ноги и расхватили учебные мечи — затупленные ируты, которые являлись штатным оружием имперских

гвардейцев, а со временем стали использоваться большинством взрослых дворян; в основном именно на них ведутся все дуэли. И чем больше я набираю веса, вытягиваюсь и расту, тем больше мне нравится это великолепное оружие, хотя корт в некоторых ситуациях — в ближнем бою или свалке, например, — гораздо удобней.

Ирут же предназначен для одиночных боев или кавалерийских схваток. И если описать его коротко, то это прямой обоюдоострый стальной клинок длиной девяносто сантиметров, с десятисантиметровой рукоятью, которая прикрыта корзинчатой гардой, надежно защищающей ладонь от повреждений и порезов. Ширина лезвия — от четырех до шести сантиметров, вес оружия — примерно один килограмм двести грамм.

— Альера против Фертанга! — командует учитель. — Кальк против Арциза! Заман против Песта! Лигна против Сараны! Ройхо против Эхарта!

Мы выходим в зал, где только что закончился групповой бой, в котором победу одержал третий десяток, и занимаем свои места — обозначенные краской квадраты четыре на четыре метра. Круглый кавалерийский щит на левую руку, меч — в правую. Салют вскинутым клинком!

Ждем команду, и Нагер не медлит:

— Начали!

Эхарт, после первых трех месяцев обучения из толстяка превратившийся в худого и подвижного паренька, атакует первым. Он быстр и стремителен, и его клинок, со свистом рассекая воздух в вертикальном ударе, устремляется на меня. А я, зная горячность и нетерпеливость своего товарища по десятку, которому не уступаю в скорости реакции и мастерству, но превосхожу его по массе тела на десяток килограммов и в росте на пять сантиметров, уверен в своей победе и уже жду этой атаки.

Мой щит выдвигается от тела немного вперед и встречает затупленное лезвие ирута, которое ударяет в его верхнюю кромку и отскакивает от нее. Жаль. Я рассчитывал на то, что клинок может застрять в щите, а я его сброшу и проведу контратаку по корпусу противника. Ну ничего, значит, придется помучиться.

Моя левая рука содрогается от сильной отдачи, и с правого плеча, одновременно с поворотом корпуса тела, я наношу по Эхарту горизонтальный удар. Замах у меня сильный, я это уже знаю и рассчитываю на то, что Нунц не сможет выдержать силу моего удара. Однако он устоял и, подобно мне, подставляет под клинок щит. Сталь меча, выбив из металла еле заметный снопок искр, лишь проскрежетала по щиту и оставила на нем светлую борозду, которая ясно видна на серой краске.

Снова удар Эхарта, и я смещаюсь немного влево. И когда Нунц наносит еще один удар, то я отвожу его меч своим в сторону и без замаха, резко опустившись на одно колено и подавшись всем телом вперед, делаю выпад, который проникает под его защиту, и клинок соприкасается с доспехом моего спарринг-партнера. Есть! Достал!

Однако команды прекратить бой не было, и мы продолжаем. Делаю вертикальный замах и наношу удар по щиту. Нунц отвечает. Обмениваясь предсказуемыми базовыми ударами по прямолинейным траекториям, мы около минуты топчемся на месте, до тех пор, пока Эхарт не пожелал отыграться и не попробовал зацепить меня кромкой щита. Хороший прием. Но я его знаю. А потому рывком опять ухожу влево и сбоку бью клинком по его щиту, который на краткий миг стал оружием нападения.

Замах удался. Удар прошел как надо, Нунц сильно засопел, и это является знаком того, что ему больно. Хм, еще бы не было больно. Рука в полете и с грузом на ней, а тут удар килограммовой железкой. Тяжко это, по себе знаю, так как на подобной попытке атаковать соперника щитом меня позавчера подловил княжич Фертанг, и мне, чтобы быстро восстановиться, понадобилась помощь мага-целителя.

Горизонтальный замах и новый мой удар по щиту. Наверняка Нунцу сейчас тяжело и он стиснул зубы. А мне ради победы необходимо не останавливаться и не давать ему ни секунды роздыха. Отбив своим клинком ирут спарринг-партнера, я направляю острие клинка вдоль верхней кромки щита, который Эхарт не может удержать, как это необходимо.

Сталь соприкасается с костюмом, и я слышу голос учителя Нагера:
— Победа Уркварта! Пара Эхарт — Ройхо ко мне!

Вдвоем с Нунцем, который с трудом скинул с руки щит, сняв шлемы, мы подходим к Нагеру и замираем на месте. Этот учитель не любит официоза, и ему не нужны наши формальные рапорты.

— Значит так, молодые люди, — наблюдая за другими поединщиками, говорит фехтовальщик, — успехи у вас есть. Но недочетов гораздо больше. Сначала Эхарт. Вам необходимо восстановить свою мышечную массу, так что лучше питайтесь. У вас превосходные диагональные удары, и только за счет этого вы можете быстро выигрывать схватку. Кроме того, вам надо больше внимания уделять поворотам тела. Не бойтесь рисковать, отрываться от противника, резко убирать голову или плечо.

— Я понял, — произнес Нунц.

— Теперь Ройхо, — продолжает учитель. — У вас есть хорошие задатки фехтовальщика, но в отличие от Эхарта в вас слишком много

авантюризма. Вы понимаете, что мечи затуплены, а на вас защита, и поэтому излишне рискуете. Пока это вас выручает. Однако в реальном бою вы можете по привычке подставиться под смертельный удар, который отправит вас на тот свет. Так что больше думайте о безопасности, не стойте на месте, следите за ногами и чаще используйте шокирующие и дестабилизирующие удары.

— Ясно, — ответил я.

— Эхарт и Ройхо на площадку! Кальк и Арциз ко мне!

Вновь мы с Нунцем надеваем шлемы и замираем один напротив другого. По уговору отбрасываем щиты в сторону и не столько рубимся, сколько отрабатываем удары, уклонения от них и парирование.

Еще одна тренировка, и все как всегда, а скоро первый отпуск и масса развлечений за счет князя Фертанга. Эх, погуляем!

Глава 10

Империя Оствер. Город Свальдун. 28 марта 1402 года

«Бытие определяет сознание», — сказал незабвенный Карл Маркс, и он был прав на все сто процентов. В этом я имел возможность убедиться на примере моих однокурсников и своем собственном. Кто мы были в военном лицее? По факту — никто, второй курс, слабо подготовленные кадеты, которые подчиняются приказам звероподобных, но очень умных сержантов, едят все, что только возможно, и выкраивают для сна каждую свободную минутку, ибо отдых — это самое величайшее счастье для кадета «Крестича».

А кто мы в княжестве Фертанг, где наш товарищ Вилл — наследник престола и свет очей правителя, князя Нумана VII, прозванного Счастливым? Почетные гости и будущее империи Оствер, не больше и не меньше. Чувствуется разница? Сразу же. А раз так, то и поведение наше моментально изменилось.

«Крестич» покидали подростки в военной униформе, которые только что получили личные вещи, за год ставшие им тесными, родовые охранные амулеты, свои мечи и деньги, от вида которых они отвыкли. А спустя всего четыре часа из транспортного телепорта в столице Фертанга, городе Свальдуне, на центральную городскую площадь вышли совершенно другие люди — молодые благородные юноши под легким хмельком и при оружии, гордо взирающие на мир взглядом победителей. Такое вот быстрое преобразование произошло с нашим отбытием в отпуск.

Перехожу непосредственно к владению, куда нас занесла судьба. Прежде чем покинуть военный лицей, я собрал некоторую информацию о княжестве Фертанг и составил о нем некоторое предварительное

мнение. И когда мы оказались в Свальдуне, первое мое впечатление об этом национальном анклавом полностью с ним совпало.

Обычная сатрапия на материке Анвер, где все люди, от княжеских приближенных до последнего нищего на городской окраине счастливы и славят своего справедливого, мудрого, всесильного и полубожественного повелителя за свою прекрасную жизнь и синее небо над головой. Ну, а кто недоволен, тот очень быстро куда-то исчезает.

Если смотреть официальную статистику, которая не является совершенно точным источником информации, то это очень небогатая страна на юге империи, с правителем, который в меру жесток, хитер, коварен и любит роскошь. Народ европейского типа в количестве полумиллиона душ. На территории несколько городов и имеется выход к океанскому побережью. И именно через порты этого княжества ведется вся торговля с заокеанским народом манкари.

Регулярная армия небольшая, в количестве всего полутысячи человек, своего военного флота нет, но имеется наемная эскадра, которая за очень хорошую мзду охраняет торговые корабли под флагом Фертанга. Этим полезная информация исчерпывалась, и все остальное, что я узнал об этом княжестве, воспринималось мной путем наблюдения.

Итак, мы прибыли в пункт назначения. Половина встречающей наследника престола скромной делегации из сотни человек в цветастых халатах попадала на колени и стала выкрикивать на своем родном наречии славу Виллу Фертангу. Подобное раболепие я наблюдал впервые и был удивлен. Однако виду не подавал и воспринимал все происходящее достаточно спокойно.

Нашего сотоварища княжича усадили в расписной паланкин, который немедленно окружила толпа сановников и спешенная охрана. Остальных гостей, то есть нас, разместили по два-три человека в паланкинах попроще. Здоровяки рабы оторвали от мостовой местное средство передвижения для богатых и легкой рысцой, без всякого видимого напряжения, побежали по улицам города в гору, на которой стоял окруженный великолепными зелеными садами белоснежный дворец.

По покрытой гладким булыжником дороге мы поднимались все выше и выше. Приоткрыв занавески паланкина, мы с Вираном Альерой с любопытством рассматривали город. Настроение было просто отличное. Уже через двадцать минут нас доставили во дворец, где местные слуги — какие-то чрезмерно много кланяющиеся люди — провели нас через широкие и наполненные светом, покрытые мраморными плитами тихие коридоры в место, где нам предстояло жить.

И все мы, кадеты «Крестича», оказались в огромной общей комнате класса «люкс», из которой были выходы в уютные спальни. Широкие кровати с пуховыми перинами. Роскошные диваны и множество ковров. Шкафы, наполненные самой разнообразной одеждой, часть из которой была нам по размеру. Столики из красного дерева, на которых стояли вазы с фруктами. Посреди помещения — небольшой бассейн с прозрачной и постоянно подогретой водой. А помимо этого имелся бар с солидными запасами спиртного — в основном легкого вина.

Шик и блеск как он есть, особенно для меня, никогда не бывавшего во дворцах и не видевшего, как живут по-настоящему богатые люди. Единственное, что меня смущало, это вопрос: а что обладатель всех этих богатств и жизненных благ Вилл Фертанг забыл в военном лице?

Ведь по-хорошему, если рассуждать здраво, ему эта учеба не нужна, и он спокойно мог бы нанять себе самых лучших учителей и тренеров, которые натаскали бы его так, что он ни в чем не уступал бы выпускникам «Крестича». Непонятно, и улики, как говорится, покрыты полумраком.

Впрочем, мысли о выборе молодого Фертанга были очень быстро вытеснены атмосферой вечного праздника, царящей во дворце Нумана VII, которому мы были представлены уже через час после нашего прибытия в его жилище. Как есть, в армейской полевой униформе, мы прошли в тронный зал этого славного правителя. По дороге любовались мозаичными напольными картинами, изображавшими львов, борющихся с тиграми, и настенными гобеленами с батальными сценами.

Коридоры и залы мелькали перед глазами, и вскоре мы оказались перед широким помостом, на котором возвышалось нечто невообразимое — настоящее ложе из драгоценных металлов, усыпанных сверкающими в отблесках света камнями. И на нем восседали два надменных человека.

Один, понятное дело, наследник, одетый, как и мы. А второй — суровый и полненький темноволосый здоровяк около сорока лет, в легком белом халате наподобие банного, из под которого проглядывало смуглое загорелое тело. Это был сам правитель княжества Фертанг, как позже выяснилось, в свое время сместивший с трона своего старшего брата и с той поры уже двадцать лет управляющий родовым княжеством.

Нуман приподнялся, сел, широко улыбнулся и одарил нас несколькими добрыми словами. В ответ мы поклонились, поблагодарили князя за гостеприимство, а после этого отошли к придворным, которые расположились вдоль стен.

Князь произнес речь, в которой уведомил своих приближенных о том, что мы гости не только наследника, но и его лично. Сказано это было таким тоном, что вельможи взглянули на нас с видимым уважением, хотя наверняка как минимум половина из них подумала про нас что-то плохое.

На этом прием был окончен, и мы окунулись в сказку по мотивам «Тысячи и одной ночи».

Этим же вечером наши общие покои навестил Вилл Фертанг, и они наполнились музыкантами и прекрасными танцовщицами из малого, так сказать вспомогательного, княжеского гарема. Вино полилось рекой, и веселье было такое, какого я никогда не наблюдал, даже в своей прежней жизни, когда являлся Лехой Киреевым.

Шутки, смех и истории про лицей. Множество деликатесов и разнообразных кушаний. Мелодичное звучание струнных инструментов, напоминающих испанские гитары. Полуобнаженные и загорелые женские тела, извивающиеся в свете «вечных светильников». Это было нечто невообразимое.

А ночь! О-о-о, это было что-то неопишное! Настоящая феерия страсти с красивой женщиной, которая с фантазией и превеликим мастерством утолила первые плотские потребности Уркварта Ройхо. И чего уж тут смущаться, даже меня, землянина, который что-то в своей жизни видел и «Камасутру» почитывал с применением на практике, она кое-чему научила.

Потом было утро и наши ошарашенные счастливые лица. Затем конная охота на зайцев в полях за городом. Возвращение во дворец и снова гулянка с красивыми и готовыми оказать нам любые услуги женщинами.

Далее океанский пляж с белоснежным песком и рыбалка, вечерний пир и новая девушка. Посещение веселой ярмарки в одной из близлежащих деревушек и опять легкое вино, разговоры о жизни и перспективах, прекрасное настроение и очередная ночь страсти с профессионалкой. Сплошной круговорот развлечений и удовольствий. Сладкий плен, в который мы попали на три недели, и покидать который не хотелось.

И так продолжалось до сегодняшней ночи, когда я проснулся от странных звуков, которых в моей временной гостевой спальне не должно было быть. Кто-то всхлипывал.

Оторвав голову от подушки, я огляделся в полумраке помещения и заметил, что у окошка, выходящего в сад, из которого в спальню потоком лился лунный свет, сидит девушка, с которой я сегодня делил постель. Красивая стройная брюнетка девятнадцати лет с отличными формами, страстная и весьма крикливая во время оргазма, почему-то

уткнулась лицом в колени, которые поджала под себя, и тихонько плакала.

«Что такое? — подумал я. — Может быть, я ее чем-то обидел? Вроде бы нет. Все было по взаимному согласию, без насилия и извращений, хороший секс, и только. У нее наверняка по работе, а у меня по желанию».

Бесшумно встав с кровати, я подошел к девушке, имени которой не знал, и спросил ее:

— Что случилось?

Она резко вскочила, рукавом полупрозрачного платья, больше напоминавшего ночную рубашку из магазина эротического белья, вытерла слезы, поклонилась, опустила голову и ответила:

— Простите, господин, мне соринка в глаз попала, вот я и заплакала.

Я приподнял ее подбородок, посмотрел в глаза, которые в свете луны сверкали, словно два драгоценных камушка, и покачал головой:

— Не ври мне. Ты плакала из-за меня?

— Нет-нет, благородный господин, вы здесь ни при чем, — быстро проговорила она, запнулась и добавила: — Дело в моей семье, за которую я сильно переживаю.

— Пойдем.

Я взял ее за тонкую изящную ладонь, подвел к диванчику рядом, усадил ее, сел рядом и спросил:

— Как тебя зовут?

— Юсти.

— Расскажи подробней, что случилось?

— А зачем вам это, господин?

— Интересно знать, как у вас люди живут. И может быть, я смогу тебе помочь. Ведь одни люди должны помогать другим людям?

— Не знаю.

Она в недоумении посмотрела на меня, и я подумал о том, что сморозил глупость. Я нахожусь в настоящем феодальном государстве, и мне повезло оказаться в теле аристократа, бедного и бездомного, конечно, который кайфует за чужой счет, но все-таки дворянина.

А она рабыня, может быть, потомственная, которую с детства приучили к тому, что вся ее жизнь должна быть посвящена беспрекословному выполнению приказов своего господина, который подкладывает ее под гостей. И ладно мы, кадеты, молодые и не уродливые парни, но ведь наверняка клиентура у девушки самая разная, и жизнь Юсти имеет некую темную сторону, краешек которой я только что увидел.

Так что, с ее точки зрения, я только что сказал нечто очень и очень странное. И чтобы не акцентировать это, я немного повысил голос и повторил свои слова:

— Рассказывай, что случилось.

Девушка всхлипнула и начала рассказ. И лучше бы я его не слышал, так как после этого весь мой отдых пошел насмарку.

Оказалось, что я был прав: Юсти действительно потомственная рабыня, и четыре года назад, в возрасте четырнадцати лет, ее продали в гарем князя. Как сложилась судьба наложницы, совершенно понятно. Она служила господам и жила своей, как ей казалось, совершенно обычной жизнью.

А вот ее родные — мать, отец и три младших сестры — остались в поместье рядом со Свальдуном. Иногда родственники могли навещать Юсти. И пока был жив старый хозяин, господин Урака, у них тоже все шло своим чередом. Но неделю назад Урака, человек преклонного возраста, скончался, и теперь его наследники, нуждаясь в деньгах, собираются выставить все имущество старика, движимое и недвижимое, на продажу.

Завтра на окраине города состоится торг и, скорее всего, рабов скупят прибывшие из-за океана краснокожие манкари. Об этом наложница узнала незадолго до того, как отправиться развлекать гостей наследника престола. И после того, как я заснул, она выбралась из постели, подошла к окну, подумала о том, что больше никогда не увидит близких, и заплакала. А тут я ее всхлипы услышал и проснулся.

Девушка замолчала, а я задал себе несколько вопросов. Можно ли помочь этой рабыне? Надо ли это делать? Почему манкари покупают на имперской земле людей, если это официально запрещено? И знает ли об этом князь Нуман?

Ответы на первые два вопроса были очень простыми. Можно попробовать помочь Юсти, причем самыми разными способами, самый простой из которых — обратиться к Виллу Фертангу. Однако я приехал и уехал. Девушку забрать с собой я не смогу, да и не хочу этого, потому что она мне никто.

А мое вмешательство в жизнь Юсти навлечет на наложницу неприятности, потому что станет известно, что рабыня пожаловалась на свою жизнь кому-то кроме господина. И после этого ее, скорее всего, засекут насмерть. Это дело принципа, так как движимое имущество не должно быть чем-то недовольным.

Значит, если и помогать наложнице, то самому выкупить ее близких и дать им свободу, а денег у меня — кот наплакал, всего лишь девять иллиров, и тратить их на помощь совершенно чужим для меня людям было бы огромной глупостью.

Итог размышлений — я держусь от этого дела в стороне. Всем рабам на огромной территории империи Оствер не поможешь, и не надо лезть со своим уставом и нормами морали в чужой монастырь.

— Печальная история, — посмотрел я на девушку, — но помочь я тебе не смогу.

Она покорно кивнула головой, и я добавил:

— Ты можешь уйти.

Юсти встала, вновь кивнула и, неслышно ступая по коврам, удалилась, а я уже думал над следующими вопросами. Для чего и в каких количествах манкари покупают имперских рабов, и знает ли об этом князь?

Нуман VII Счастличик показался мне человеком неглупым, так что наверняка он в курсе всего происходящего, а поскольку дело происходит открыто и вблизи телепорта, то про это знают и истинные правители империи — великие герцоги. Так что, открывать глаза на творящиеся здесь безобразия никому не надо.

Однако для чего везти людей через океан, мне было не очень понятно, и я этим заинтересовался, да и на самих краснокожих людей хотелось бы посмотреть. А то за девятнадцать дней отдыха, кроме мест для развлечения, дворца и центральной городской площади я ничего в княжестве не видел, хотя задумок на отпуск имелось много.

Поэтому я решил прокатиться по Свальдуну, навестить рынок живого товара, вблизи посмотреть на процесс купли-продажи людей и на самих покупателей.

Решено — сделано. Подремав в одиночестве несколько часов, утром я покинул спальню и оказался в гостевой. Здесь я позавтракал с однокурсниками, которые лениво ковырялись в своих тарелках, и объявил, что отправляюсь в город. Меня никто не отговаривал. Все собирались на соколиную охоту, и это было гораздо интересней прогулки по Свальдуну.

Хотя верный товарищ Виран Альера меня в одиночестве не оставил и после недолгих колебаний тоже решил проехать по столице княжества Фертанг.

Мы перерыли гардероб, нашли самые неприметные костюмы местной знати — легкие серые рубашки из шелка и такие же брюки. Дополнив наряд армейскими беретами и перевязями, на которых висели наши клинки — у меня корт, а у Альеры ирут, — мы были готовы к выезду в город.

На княжеской конюшне мы взяли лошадей и в сопровождении двух слуг, которые держались в пятидесяти метрах позади нас, направились в Свальдун.

Дорога была легкая, куда ехать, мы уже знали, так что спокойно спустились с горы и уверенно направились в северо-восточную часть города. И пока ехали, мы с Альерой разговорились.

— Хорошо отдыхаем, — заметил я.

— Неплохо, — флегматично заметил Виран.

— Мне даже как-то неловко. Вилл нас кормит и поит, обеспечивает одеждой, развлечениями и женщинами, а мы словно приживалы и нахлебники.

Альера посмотрел на меня и неодобрительно покачал головой:

— Ты чего, дружище, в самом деле не понимаешь, что мы уже оплатили свой отдых?

— Как оплатили?! — удивился я.

— Ну ты даешь, граф Уркварт Ройхо, — засмеялся Альера. — Порой ты выглядишь как очень продуманный человек и события на пару ходов вперед предугадываешь, а иной раз, словно дите малое, прописных истин не знаешь и ведешь себя как идеалист, который только вчера на свет народился.

— Объяснись.

— Запросто. Ты спишь с женщинами, которые могут родить от тебя бастарда с хорошей кровью. А поскольку это ребенок рабыни, то он обязан подчиняться своему господину, пусть не как раб (все же он наполовину аристократ), но хотя бы как слуга.

И когда в нем проснутся способности к общению с Дольним миром, даже самые минимальные, есть вариант сделать из него верного себе мага, которого можно использовать в личных интересах или предложить его одной из магических школ, не за бесплатно, разумеется.

Поверь, Уркварт, это очень хорошие деньги. У меня отец три года назад всего двоих детишек продал, которых наш дядя в деревне нагулял, и на эти деньги замок отремонтировал.

— Да как же так?! — Я остановил коня и со злобой оглянулся на дворец позади. — Нас что, используют как быков-производителей?!

— Спокойно, дружище. — Альера перегнулся с седла и хлопнул меня ладонью по плечу. — Не надо суеты. Поехали дальше.

Мы продолжили путь, и я сказал:

— Я не знал, что так все случится, а иначе не поехал бы в гости. Почему ты мне ничего не сказал?

— Подумал, что ты все знаешь. У тебя есть фамильный браслет, — кивнул он на мою левую руку, где висел серебряный оберег с руной «Справедливость», — и он, помимо охраны твоего тела и разума от магических атак, следит за тем, чтобы не было нежелательных детей вне брака, и оберегает тебя от плохих болезней, передаваемых половым путем. Вот я и решил, что ты на него рассчитываешь.

При этих словах Альеры мне вспомнилось, как девушки во дворце пару раз просили меня снять браслет, но я отказывался, и они отставали.

«Да уж, снова не все так просто, как оно кажется на первый взгляд», — подумал я и спросил Вирана:

— Не знаешь, как браслет работает на безопасный секс?

— Без понятия. Просто у тебя оберег очень старый, явно староримперская работа, и не новодел. А у древних магов и дворян с этим было строго: что ни амулет или талисман, так не только для защиты, но и для здоровья.

— Ясно. А что насчет тебя и остальных наших сокурсников?

— Мне-то что? Я соображаю, что делаю, и себя под контролем держу, а с другими на эту тему не разговаривал. Но думаю, что они в курсе того, что в нашем отдыхе имеется второе дно.

— Как же Фертанг мог до такого додуматься?

— Нечего тут думать. Это стандартная практика. И если ты не в курсе, то Нуман VII именно так на свет и появился. Он сын рабыни и Нумана V. Ему улыбнулась удача, и когда он к власти шел, то был неразборчив в средствах и жесток к своим врагам, так что стал князем. А если бы ему не повезло, то сейчас бы этот князь отработывал заплаченные за него деньги в одной из магических школ, на потоке заряжая накопители энергии.

Виран посмотрел на меня и улыбнулся:

— Не переживай ты так. Ведь всем хорошо. Мы отдохнули, Фертанг показал, какой он гостеприимный хозяин и хороший товарищ, и даже смущался, когда в лицее про женщин разговор шел. Его отец через девять месяцев получит трех-четырёх карапузов с хорошим потенциалом, то есть не зря на нас потратился.

А наложницы, которые родят бастардов, будут иметь возможность обрести относительную свободу. И в старости, когда они потеряют красоту и здоровье, их не сошлют убирать навоз в свинарниках, а скорее всего, оставят дамочек жить во дворце и прислуживать на кухне. Разницу чуешь?

— Да. Только не понимаю, почему с наложницами мы кувыркаемся, а не какие-нибудь дворянчики, готовые за иллир на все что угодно?

— А все просто. Ты никогда не интересовался разведением животных?

— Как-то не доводилось. Но понимаю, к чему ты клонишь. Порода?

— Конечно. Одно дело брать захудалого конька, чтобы кобылку покрыть, а другое — сильного, яростного и мощного боевого жеребца, от которого будет хороший приплод. Это касательно лошадей, а если

мы говорим про людей, то у кого самая сильная кровь и кого несложно к себе приблизить? С кем легко втемную сыграть, чтобы они особо ни о чем не задумывались?

Понятное дело, что это кадеты военных лицеев, которые пока мало о чем задумываются, однако имеют характер, силу воли и связь с Дольним миром, благодаря которой они переносят все невзгоды немного легче своих обычных сверстников.

— Ты это от брата узнал?

— От него самого, да и отец кое-что рассказывал.

— Ясно, — пробурчал я, нахмурился и замолчал.

Вскоре, проехав через очень грязный и запущенный нищенский квартал, где оборванные люди лежали чуть ли не в сточных канавах, мы въехали на рынок рабов — большое поле, покрытое каменными плитами, в центре которого находился большой помост.

На этом сооружении, за столом, с важным видом стоял мордастый пожилой мужчина с деревянным молотком в руках. Позади помоста находились загоны, закрытые от глаз покупателей — четырех десятков хорошо одетых мужчин и женщин — высоким и плотным забором.

Альера и я спрыгнули с лошадей, дождались княжеских слуг, передали им животных, присоединились к покупателям, и Виран спросил:

— Слушай, Уркварт, а чего мы сюда приперлись?

— Хочу на сам процесс торговли людьми посмотреть и на краснокожих купцов взглянуть.

— Чего на рабов смотреть? Все равно денег нет, и слуги нам не скоро понадобятся. А большинство манкари наверняка в порту.

— Нет. Давай полчаса постоим, а потом в порт. А то я ведь кроме своего севера, Йонара, лица и княжеского дворца и не видел-то ничего.

— Ладно, как скажешь, только нет в продаже рабов ничего интересного.

По какой-то причине торги не начинались, видимо, продавцы ждали основных покупателей, краснокожих заокеанских торговцев. И спустя пятнадцать минут они наконец-то объявились.

Пять человек, широкоплечие и высокие мужчины в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет, с длинными черными волосами, зачесанными назад и сколотыми на затылке костяными белыми гребнями. Одеты они были в кожаные штаны и безрукавки, под которыми виднелись крашенные в цвет синей морской волны льняные рубахи. Из оружия торговцы имели при себе узкие мечи, чуть длиннее моего корта и покороче ируга.

Лица и внешняя сторона рук у манкари в самом деле были красного цвета. Для меня это было удивительным, и я с интересом рас-

сматривал заокеанцев. И видимо, с моей стороны это являлось бестактностью, поскольку один из купцов поймал мой взгляд и попытался заставить меня отвернуться.

Но я такую игру знал, был в ней сильнее и выдержал это маленькое испытание. Манкари, злобно пробурчав на своем языке какое-то ругательство, сплюнул на камень под ногами и сосредоточил все свое внимание на помосте.

— По-моему, он тебя оскорбил, — прошептал Альера.

— Начхать! — ответил я. — Будет реальное слово — ответит, а пока его нет, нам с тобой неприятности не нужны.

Тем временем началась продажа рабов. Аукционист дал команду крепким парням, стоящим рядом с помостом, и они вывели первых рабов — семерых юношей, наших ровесников, в мягких кожаных наручниках и кандалах.

— Внимание, господа! — радостным тоном объявил мордастый аукционист. — Сегодня продается движимое имущество благородного господина Ураки. И торги открываются его личными музыкантами и певцами, которые услаждали слух своего хозяина до самой его кончины, а теперь могут развлекать вас. А если вы останетесь недовольны музыкальными и певческими талантами этих прекрасных молодых мальчиков, то они окупят расходы на себя хорошим трудом в поле. Стартовая цена за всех — пятнадцать иллиров.

Некая пожилая женщина предложила семнадцать, еще один покупатель — двадцать, а третий, кто-то из манкари, двадцать три. Его цену никто не перебил. Гулкий удар деревянного молотка, и труппа музыкантов-певцов была продана заокеанцам.

После парней на помост вывели работников, за ними женщин. Далее детей и стариков. Снова крепких мужчин и опять женщин. И за один только час было продано примерно триста пятьдесят человек, и всех, за исключением двух кузнецов и двух столяров, купили краснокожие.

В общем, я увидел все, что хотел, и мы с Вираном решили проехаться по городу и посмотреть его достопримечательности.

Но покинуть рынок тихо и спокойно нам не дали, так как путь к лошадям оказался перекрыт тремя манкари. Мы попытались их обойти. Однако один из них — кажется, тот самый, который мерился со мной взглядом, — сапогом подкинул в нашу сторону комок грязи, упавший на мою ногу.

Увидев результат своей шутки, он громко рассмеялся и сказал на языке империи:

— Щенок! Как ты смеешь смотреть в глаза высшего существа?

Я спокойно повернулся к краснокожим заокеанским гражданам, которые вели себя на нашей территории как у себя дома, и поинтересовался:

— Дуэль? Или струсил?

— Кто?! Я?! Да тебе конец! — запальчиво выкрикнул манкари.

— Значит, бой один на один?

— А может быть, два на два? — подавшись вперед, добавил Альера.

— Так даже интересней! — отозвался еще один из торговцев. — Принимаю вызов второго сопляка.

Прерывая нашу увлекательную беседу, появился патруль, который вызвали слуги из дворца: три стражника, обычные тюфяки, не чета йонарцам, и офицер, надо сказать, по виду вполне профессиональный вояка.

— Что происходит? — спросил воин князя Нумана.

— Да вот, — усмехнулся я, кивнув на манкари, — краснорожие уроды на драку нарвались. И сейчас мы их прикончим.

— Что?! — схватились за клинки манкари.

— Тихо! — остановил всех офицер и, дождавшись, пока шум вокруг него утихнет, сказал: — Дуэли в княжестве Фертанг разрешены. Однако они происходят только на главном армейском ристалище по четным дням месяца, под присмотром судей города Свальдуна, офицеров княжеской армии и жрецов Ярина Воина. Это закон. Поэтому сегодня бой между вами невозможен, а завтра вы будете иметь возможность убить один другого любым интересным для вас способом. Вам все ясно, господа?

— Да, — кивок с моей стороны.

— Да, — точно такой же от Альеры.

От манкари — недовольное бурчание. И офицер говорит:

— Расходитесь, господа, и не делайте глупостей. Свои разногласия разрешите завтра. Все!

— Пошли, Уркварт, — потянул меня за рукав Виран.

Мы направились к лошадям и уже через несколько минут возвращались во дворец. На душе было мутно и как-то неуютно. Слишком много на меня сегодня свалилось. Наложница со своей жалостливой историей. Мелкий и меркантильный расчет сокурсника Вилла Фертанга и его отца. Продажа рабов и ссора с манкари. Плохой день, даже, можно сказать, поганый.

Глядя на нищих калек, которые копались в мусорных ямах в поисках еды, и вдыхая зловоние рыбного рынка, который находился неподалеку, я представлял, как вернусь в великолепии княжеского дворца и садов вокруг него, и не был этому рад.

— О чем задумался, Уркварт? — видя мое паршивое настроение, спросил Альера. — Наверное, про бой мыслишки крутишь? Может быть, сомневаешься в своих силах? Так не беспокойся, мы сильнее манкари: у одного одышка сильная, а у другого ладони беленькие и без мозолей, это сразу видно.

— Нет, — покачал я головой. — Краснокожих прикончим, в этом сомнений нет. Они бойцы ниже среднего, это я тоже сразу оценил, так что справимся. Просто дом и родичей вспомнил.

В этот момент мне действительно вспомнился дом. Родной город, набережная, пляж, ярко освещенные улицы, уютная городская квартира со всеми удобствами и родители. Как они там сейчас проживают? Не могу сказать точно. Но, наверное, встречают старшего сына, который приехал со службы, и растят других своих детей.

И конечно же, они знать не знают, что слепок Алексея Киреева в теле другого человека пытается выжить в новом для себя мире. И им неизвестно, что я постоянно сталкиваюсь с предательством, двуличием и обманом, а завтра выйду на ристалище и стану насмерть драться против заморского купца, которого намерен убить.

Глава 11

Империя Оствер. Город Свальдун. 29 марта 1402 года

В империи дуэли бывают условно двух основных видов: законные и незаконные.

С незаконными все достаточно просто. Встретились два человека, стоящие на одной ступеньке социальной лестницы, оскорбили друг друга, и в присутствии двух секундантов они дерутся тем оружием, которое при них имеется.

Очень опасный вид боя, так как в данном случае можно использовать все хитрые и подлые уловки, а также зачарованное и заклятое оружие, амулеты и алхимические препараты, выступающие в роли допинга. Ну и, конечно же, зачастую в таких поединках побеждает не тот, кто является лучшим бойцом, а тот, кто имеет наилучшую экипировку.

Законные дуэли — дело другое. Они проводятся с разрешения местных властей на специализированных военных ристалищах вблизи основных имперских храмов, рядом с которыми не действует обычная магия. И поединки ведутся не просто так, сами по себе, а под присмотром жрецов, судей и офицеров городского гарнизона, которые следят за тем, чтобы бой проходил честно, а у бойцов имелось одинаковое оружие и более или менее равноценные доспехи.

При этом если у одного из дуэлянтов чего-то недостает, все необходимое он может получить из городского арсенала. Поэтому

совершенно понятно, что в таком смертоубийстве главное — класс дуэлянтов. И мы с Альерой по пути в княжеский дворец трезво взвесили свои шансы на победу и пришли к выводу, что они у нас весьма велики, а значит, скорее всего, наши краснокожие оппоненты погибнут, а мы останемся в живых.

Настроение мое в пути немного улучшилось: Альера постарался, растормошил. И когда мы вернулись в жилище Нумана VII, я уже не думал о плохом, а хотел хорошо поесть, выспаться и приготовиться к завтрашнему дню.

Однако не успели мы поставить в конюшню лошадей и привести себя в порядок, как нас с Вираном вызвал сам князь, которому уже доложили о случившемся на рынке происшествии.

Князь Фертанга находился в саду, где думал о вечном, и вскоре мы предстали перед его светлейшими очами. Полный здоровяк, все в том же белом банном халате, какой мы имели возможность наблюдать на нем при первой нашей встрече в тронном зале, в окружении нескольких сановников, стоящих рядом, возлежал на широком ложе под тенью большого раскидистого дерева, вблизи фонтанчика с розовой водой.

Увидев нас, он без промедления начал разнос. Говорил князь минут десять, и из всей его речи можно было вычленить очень короткую суть: мы молоды и неопытны, поэтому мало что понимаем в жизни. И так как являемся гостями, должны его слушаться. А он настоятельно рекомендует нам отказаться от завтрашнего поединка, признать, что мы были неправы, и принести извинения уважаемым господам заморским купцам, после чего обязаны сразу же покинуть его княжество.

«Вот тебе и суверенный правитель на троне из золота, усыпанном брюликами», — подумал я в тот момент и, переглянувшись с Альерой, ответил Нуману за нас двоих.

Сначала дуэль. И только после этого мы покидаем Фертанг. За гостеприимство благодарим и самого князя сильно уважаем. Однако его совету последуем лишь частично, так как в данном случае задета наша честь, а значит, мы не отступим. Ну а если на нас станут давить, то мы обратимся к покровителю военного лица «Крестич» великому герцогу Ферро Каниму.

Услышав это, князь не на шутку разозлился. Но приказа заковать нас в цепи и силой выдворить за пределы княжества не отдал, хотя вполне мог это сделать. В итоге нашей беседы он посмотрел на своих советников, один из которых, благородный старец с длинными седыми волосами кивнул в нашу сторону, махнул на нас рукой и отпустил меня и Альеру в наши гостевые покои.

К тому времени с соколиной охоты как раз вернулись наши однокурсники, которые, узнав о произошедших в городе событиях, все как один посетовали на то, что их не было рядом, а то бы они тоже вызвали кого-то из манкари на бой.

И только Вилл Фертанг нахмурился, кивнул мне головой в сторону балкона и покинул комнату. Я последовал за ним, вышел на свежий воздух, посмотрел на солнце, опускающееся к линии между небом и землей, и стал ждать слов однокурсника.

Однако княжич молчал, хотя это он пригласил меня на разговор. И тогда я начал сам:

— Вилл, что у вас происходит?

— В смысле? — Он повернулся ко мне и сделал вид, что не понимает моего вопроса.

— Хм, — усмехнулся я. — Меня интересует, почему рабов продают краснокожим? Отчего твой отец, с виду умный и сильный человек, так заступает за манкари? С какой стати они ведут себя так нагло на вашей земле, которая хоть и является национальной автономией, но вместе с тем все-таки часть империи Отвер? Как так получается, что во дворце роскошь, а народ бедствует, и по окраинам Свальдуна тысячи нищих?

Вилл быстро оглянулся по сторонам. Потом зачем-то посмотрел на свой родовой охранный браслет, как и у меня, старой работы, из серебра, с многочисленными полукруглыми насечками и, придвинувшись поближе, сказал:

— Понимаешь, Уркварт, несмотря на роскошь дворца, мы очень бедные люди. Ресурсов нет, а сельскохозяйственные угодья принадлежат кредиторам из Торгово-промышленной палаты. Рыбачьи деревни разорены, а леса бедны. И единственное, что у нас имеется, это выход к океану и порты. Но они опять-таки не наши, а являются собственностью Торгово-промышленной палаты.

Поэтому отец только внешне властитель. Он издает указы и держит свой народ в повиновении и раболепии, а вся реальная сила за торговцами, которые и ведут дела с манкари. Нам трудно им отказать. Но мы надеемся на то, что когда-нибудь сможем стать настоящими властителями своей земли, поэтому я и оказался в «Крестиче».

— Ну а дворец, а роскошь? Откуда это все?

— Ты видишь только лицевую часть, которая слепит своим блеском, а отойди в сторону от жилых комнат, и заметишь дырявые ковры и рваные гобелены, облупившуюся штукатурку и выпавшие из кладки камни. Того, что нам из милости дают торговцы, хватает лишь на минимальные нужды, приемы, выезды и подарки нашим близким сановникам.

И мы с радостью потратили бы эти деньги на что-то иное, но не можем. Поэтому народ и наши гости думают, что отец живет в блеске и славе. Однако если позолота отвалится, то станет заметно, что мы отличаемся от рядовых граждан только наличием титула.

— А армия и флот?

— В регулярной армии всего пять неполных сотен дармоедов, которые выполняют функции городских стражников. А остальные войска в княжестве находятся на денежном содержании Торгово-промышленной палаты. Эскадра, охраняющая торговые пути, это бывшие пираты, которые ранее грабили наше побережье. А помимо моряков имеется триста профессиональных наемников, готовых в любой момент ударить нам в спину.

— И как же так получилось, что вы оказались в долгу у Торгово-промышленной палаты?

— Из-за Нумана VI, который за три года своего правления разорил все княжество. Народ тогда взбунтовался, а отец встал во главе бунта. И договорившись с торговцами, которые не вмешивались, он убил своего старшего брата и стал следующим князем.

— Ну, а почему Имперскому совету не пожалуетесь?

— Смысла нет, только хуже будет. Сейчас время такое, что всем на законы наплевать: кто сильнее и богаче, тот и прав. Малолетний император — всего лишь пешка. Великие герцоги увеличивают свои личные армии и копят силы, маги держатся кучками и, в случае какой-либо заварухи, готовы встать на сторону того, кто им больше предложит. Торгово-промышленная палата сама по себе государство в государстве. А жрецам на все плевать, у них свои проблемы.

— В общем, теперь понятно, по какой причине твой отец за манкари вступился и нас принизить хотел, а когда мы сослались на великого герцога Канима, сдал назад. Его попросили об этом представители Торгово-промышленной палаты, и он сделал, что смог?

— Вот именно, — кивнул Вилл. — Ты видел с ним рядом седого старика с длинными волосами?

— Да.

— Вот он и есть истинный хозяин в княжестве. И ладно бы имелся один погонщик, постоянный, так нет же, они каждые полгода меняются.

Вилл замолчал, а я спросил:

— Значит, в принципе, князь не против этой дуэли?

— Конечно. Ему наплевать, убьете вы заморских купцов или нет, все равно он с них ничего не имеет. Главным для него было попробовать на вас надавить. Но раз всплыло имя великого герцога Канима, то

жизнь манкари не так уж и важна, и ради них никто всерьез спорить не станет.

— Ну, если разобрались, тогда пойду я спать.

— Погоди, — остановил меня княжич. — Вам с Альерой на завтра хорошие клинки понадобятся и доспехи, а то знаю я городских стражников, дадут вам, что не жалко.

— Действительно, оружие и доспехи, если они есть, лучше заранее подогнать.

— Тогда пошли в оружейную комнату дворца. Надеюсь, что-нибудь мы там подберем.

Вскоре дружной гурьбой, решив сегодня обойтись без женщин и выпивки, кадеты навестили местный арсенал. Войдя в него, мы на мгновение застыли на месте. И не потому, что от выбора и богатства глаза разбегались.

Арсенал был практически пуст. Хотя, порывшись по сундукам и оружейным шкафам, кое-что мы все-таки нашли: три десятка ржавых доспехов, несколько кольчуг, около сотни шлемов и полсотни самых разных клинков. В итоге, после двухчасовых примерок, я обзавелся неплохим ирутом, вполне сносной кольчугой и чулками, медным закрытым шлемом с гребнем и наручами.

Что касается Альеры, то для завтрашней дуэли он оставил свой меч, а для тела нашел кавалерийский чешуйчатый доспех, наколенники, наручи и юбку. На голову он решил натянуть какое-то квадратное ведерко с прорезями для глаз, неизвестно кем и для кого произведенное и выглядевшее немного странновато, но удобное и сделанное из отличной стали. Помимо этого Виран и я добыли для себя две пары тонких кожаных перчаток, как раз под ируты.

После этого мы покинули арсенал, и все вместе, за исключением Вилла Фертанга, который был у отца, занялись приведением в порядок нашего защитного и наступательного вооружения. Я затачивал клинок, Альера трудился над своим странным шлемом, который напомнил мне головные уборы германских пехотинцев-кнехтов. А все остальные кадеты «Крестича» готовили доспехи, чистили их, меняли высохшую кожу и подшивали внутреннюю обивку.

За такими занятиями мы скоротали время до полуночи, и собрались расходиться спать. Но тут появился молодой Фертанг, который, устало выдохнув, присел рядом с нами и сказал:

— Значит так, господа кадеты. Дуэль состоится, все решено. Манкари твердо уверены в том, что убьют двух местных молодых дворянчиков, и сдавать назад не желают. Наши товарищи Ройхо и Альера тоже. Так что бой будет. Однако есть одно но. После того как поединок завершится, нам всем придется возвращаться во владения великого герцога Канима.

— С чего бы вдруг? — спросил Альера.
— Краснокожие могут попытаться действовать нечестными методами, на это у них деньги найдутся, так что лучше нам один день в Йонаре погулять.

Кадеты с княжичем согласились и разошлись спать.

Ночь прошла спокойно. А в десять часов утра, сопровождаемые двумя десятками местных солдат, слугами и несколькими сановниками князя Нумана, мы уже находились на местном армейском ристалище вблизи храма Ярина Воина.

Наши противники, судьи и зрители уже находились здесь. Краснокожие были облачены в доспехи из какого-то лакированного дерева темно-коричневого оттенка, такого же цвета стальные кольчужные чулки и юбки и в конусовидные открытые шлемы со стрелкой, которая закрывала нос.

Из оружия наши вчерашние и сегодняшние оппоненты имели узкие стальные мечи около восьмидесяти пяти сантиметров в длину, весом примерно в килограмм. Щитов ни у нас, ни у них не было. Оставалось дожидаться разрешения судей и порубать противников в капусту.

Две пары воинов — мы с Альерой и манкари — перешли через ристалище — слегка посыпанную белым морским песком площадку сто на сто метров, — и подошли к трибуне, рядом с которой стояли люди, ответственные за чистоту проведения дуэли и ее законность. Это были пожилой жрец в сером штопаном балахоне, два судьи невысокого роста, с опаской оглядывающиеся на лавки позади себя, где расположилось около сотни шумных моряков-манкари, и офицер, который не дал нам вчера сразу вступить в драку с краснокожими.

Сначала нами занялся жрец. Он поводил вдоль наших тел раскрытыми ладонями и обнаружил на одном из манкари что-то подозрительное. Жрец молча протянул к краснокожему руку, и тот с ворчанием снял с груди какой-то амулет, однако не отдал его священнослужителю, а перекинул этот магический предмет на трибуну, своим товарищам.

Жрец был удовлетворен и отошел в сторону, и нами занялись судьи, которые задали стандартные вопросы о причине ссоры и поинтересовались, не хотим ли мы примириться. Естественно, обе стороны настояли на драке.

Городские судьи это приняли и передали эстафету офицеру, который представился как капитан Иоков Инсар, командир второй сотни армии князя Фертанга. Он осмотрел наши доспехи и оружие, признал, что оно годится для поединка, и предупредил, что бой идет до

смерти, а кто останется в живых, тот возьмет все, что находится на его противниках.

После этого он предупредил, что беспорядков со стороны зрителей-болельщиков, что наших, расположившихся на другой трибуне, что моряков-манкари, не допустит: рядом с ристалищем находится его сотня, и от князя Нумана капитан имеет приказ в случае проблем применять оружие.

— Все ясно? — спросил капитан Инсар.

— Да, — дружно ответили четыре человека.

— В таком случае прошу вас, — он кивнул манкари, — отойти влево. А вас, — кивок в нашу сторону, — направо. Схождение по команде. Площадку не покидать.

Разошлись. Альера отсалютовал своим ирутом, я ответил. Стоим напротив своих противников, которые заняли исходную позицию.

Слышится выкрик капитана:

— Сходитесь!

Двинулись навстречу манкари. Мы идем осторожно, а они чуть ли не вприпрыжку спешат к нам навстречу, и я удивлен их беспечностью. Неужели им никто не объяснил, кто мы такие? А может быть, они слишком самоуверенны? Все может быть, но над этим еще будет время подумать. А пока — в бой!

Мой противник все ближе. Я уже вижу его глаза и ухмылку на губах и готов отразить его первую атаку. Но буквально в трех метрах от меня он по какой-то причине резко остановился на месте, и я последовал его примеру. Секунда. Вторая.

Слева слышен скрежет металла, это Альера схватился со своим противником, а купец напротив меня стоит и ловит мой взгляд. Поймал. Одновременно с этим он делает длинный прыжок вперед. Шаг влево — и в то место, где я только что находился, опускается смертельно опасная стальная полоска, которая могла бы оборвать мою жизнь.

Но не судьба манкари с одного удара меня свалить. Поворот и базовый диагональный удар сверху вниз. Лезвие ирута соприкасается с плечом краснокожего торговца и, что поразительно, отскакивает от дерева. Я не понимаю, как это возможно, но не паникую, возвращаю клинок обратно к родному телу и встречаю вражескую сталь своей.

Клинки выбивают один из другого сноп искр, и мы обмениваемся несколькими быстрыми ударами, а затем моряк пытается ударить меня ногой в живот. Однако песочек под ногами — совсем не то, что твердая земля или палуба корабля, и у него ничего не выходит. Зато мой ирут прошелся по его прикрытой чулком ноге и пропорол защиту.

Манкари, у которого из резаной раны голени потекла кровь, отмахивается мечом и пытается взять меня силой. А затем, видя, что его удары не достигают цели, припадая на раненую ногу, он резко подается назад и разрывает дистанцию. Ну а я не отпускаю подранка, следуя за ним по пятам, кружу вокруг, настигаю его, и снова звенит сталь.

Удары посыпались на противника один за другим. И хотя рана его не очень серьезная, он запаниковал, начал терять над собой контроль, и я в длинном выпаде нанес ему колющий удар в лицо. Попал. Правая щека заокеанца вскрылась длинным порезом и обнажила белые зубы, которые сразу же окрасились кровью.

Отскок назад (в любом случае победа уже моя), и я оглядываюсь на Альеру. У товарища все в порядке. Он сбил своего противника с ног и добывает его на песке размашистыми ударами, с хеканьем, клинком кромсая чужой шлем.

Я снова обращаю внимание на «своего» манкари. Краснокожий на мгновение застыл в ступоре, осознав, что у него расплосовано лицо и он истекает кровью. Что-то прокричав, видимо, от отчаяния, он в ярости снова бросился на меня. Меч над головой, он бежит, а я немного пригибаюсь и ныряю под удар. Пропускаю над собой чужую сталь и принимаю тело противника на свое левое плечо.

А затем, после столкновения, снизу вверх, обеими руками держась за рукоять и направляя клинок, вонзаю его в залитую кровью голову манкари. Острие пробивает ложбину подбородка, прорезает язык и вонзается в череп. И одновременно с этим, вместе с краснокожим купцом, который массой своего тела увлекает меня за собой, я падаю наземь.

От резкого соприкосновения с песком ристалища в голове шумит. Но я сразу же откатываюсь от противника в сторону и встаю на ноги. Мои руки пусты, ирут в теле манкари и, слегка пошатываясь, я подхожу к мертвому противнику и забираю сослуживший мне добрую службу честный клинок. Потом смотрю на Альеру, который уже прикончил своего оппонента и весь забрызган кровью.

Победа. Но радости нет, а в теле какая-то слабость. Вроде бы и бились недолго, не больше трех минут, а ноги немного подрагивают, и клинок в руках сидит не так крепко, как перед началом смертельного поединка.

Под негодующие крики зрителей манкари, радостные вопли наших сокурсников и топот солдат, появившихся на ристалище, мы с Вираном направляемся к судьям и останавливаемся перед ними. Жрец одобрительно кивает и при этом смотрит на мой браслет с родовой руной. Городские судейские чиновники растеряны и хотят по-

скорее исчезнуть из этого места: то ли вида крови бояться, то ли иностранных моряков.

Капитан Инсар кивнул на слуг, которые выбежали на песок и приготовились раздеть тела павших краснокожих купцов, и поинтересовался:

— Трофеи сразу заберете?

Мы над этим как-то не задумывались, хотя, конечно же, знали, что доспехи и оружие (которые стоят денег) убитых манкари будут принадлежать нам. На пару секунд мы замялись, и тут, расталкивая солдат князя, к судьям вышел безоружный купец-манкари, один из тех, кто вчера был на рынке.

Все присутствующие посмотрели на него, а он оглядел нас с Альерой и спросил:

— Остверы, что вы хотите за то, чтобы не трогать тела?

— А что дашь? — задал я ответный вопрос.

— Полсотни ваших иллиров.

— Ты как? — посмотрел я на Вирана.

— Нормально.

— Идет, — не торгуясь, согласились мы, так как цена за доспехи и оружие манкари на тот момент нам показалась приемлемой.

Купец снял с пояса тяжелый кожаный кошель и хотел было с презрением бросить его на песок. Однако посмотрев на жреца и офицера, которые вперили в него тяжелые и явно отнюдь не дружелюбные взгляды, а затем снова на нас, он вложил шестисотграммовый мешочек мне в ладони, и я его принял.

Стражники тем временем все-таки смогли утихомирить краснокожих моряков. Судьи разошлись, ристалище начало пустеть. А мы, кадеты военного лицея, уже через сорок минут через транспортный телепорт покинули княжество Фертанг и отправились в Йонар, из которого уже послезавтра нам предстояло вернуться в серые учебные корпуса «Крестича».

Единственное, о чем бы я хотел еще упомянуть, это о том, что княжич Вилл от имени своего отца преподнес всем нам скромные прощальные подарки. Кому-то шитый пояс, иному неплохой кинжал из личной коллекции Нумана VII, а Альере — бутылку старого хорошего вина. Ну а мне, с подачи знающего о некоторых моих увлечениях Вилла, досталась копия старой книги, которая называлась «Краткие жизнеописания наиболее знаменитых выпускников военного лицея «Шайгер»». Написана она была восемьсот лет назад неким полковником Трентом Ройхо.

Глава 12

Империя Оствер. Военный лицей «Крестич». 08 мая 1402 года

Через полчаса начнется наш первый экзамен после возвращения в училище. И весь наш курс, пока имеется время, сидит в читальном зале библиотеки, и каждый кадет еще раз просматривает свои конспекты и листает справочники.

В общем-то, экзамен не очень серьезный и больше напоминает зачет, во время которого главное — уверенно выдавать информацию, не сбиваться и показать, что ученик знает ответы на все вопросы преподавателей, которые будут касаться только трех предметов: основ магии, землеописания соседних государств и тактики имперской кавалерии. Но спрашивать станут строго, впрочем, как и всегда, и расслабляться не стоит, а не то живо лишат сна и заставят дополнительно зубрить предметы.

Поэтому мы стараемся, как только можем, и я не исключение. Листаю свою толстую тетрадь из серой имперской бумаги, с обложкой из тонкой кожи, и останавливаюсь на магии — разделе, который знаком мне менее всего.

Что есть магия? Определений этому явлению чрезвычайно много. Но для империи Оствер это проявление энергетик Дольнего мира в мире реальном. То есть имеется планета Кама-Нио — она реальность, которая состоит из воды и земли, воздуха и деревьев, людей и животных, камней и так далее. А все вокруг нас, весь округлый планетонид, летящий в космосе, и мы сами, пронизано токами силы иного пространства, которое называется Дольний мир.

И некоторые люди обладают родовой предрасположенностью к общению и взаимодействию с этим пространством, в котором обитают боги и духи. А главное, они могут использовать невидимые подавляющему большинству людей потоки идущей из того странного и невообразимого мира энергии. У всех талант к этому разный: у одних больше, у других, соответственно, меньше.

Но одно неизменно — это то, что для правильного использования энергетик Дольнего мира надо долго обучаться в специализированном учебном заведении, и в Оствере это Академия магии и колдовства, расположенная недалеко от имперской столицы Грасс-Анхо. Там, за стенами Академии, на то, чтобы освоить науку магии, люди тратят минимум десять лет. Они учатся, медитируют, общаются с иным миром, проводят эксперименты и изучают свойства трав и камней, которые способны впитывать в себя магические энергии.

В итоге большинство из них, как мой дядя барон Койн, после общения с иным пространством, сильно изменившись внутренне, а за-

частую и внешне, становятся дипломированными специалистами, которые могут называть себя магами. После обучения они расходятся по магическим школам, и каждый работает в своем стиле и направлении. Одним удобнее заклятья, другим — артефакты и алхимические преобразования, третьим — чистая энергетика, а четвертым и пятым — работа с живыми организмами и рунами.

Все достаточно просто и понятно. И именно так, только с большими подробностями, я буду отвечать моим экзаменаторам. Однако чем глубже я вникаю в этот предмет, тем больше у меня, как человека мира Земля, обладающего несколько иным, чем у местных жителей, складом ума, возникает вопросов.

Самый главный из них: почему во времена расцвета Ишими-Бар и ранней империи Оствер маги управляли энергетиками Дольнего мира с большей эффективностью, чем сейчас, а обучение магическим наукам занимало не десять лет, а три-четыре года? Ведь существуют древние книги, в которых это все упоминается, и их не одна или две, а десятки. И хотя во многих текстах имеются правки, мне они заметны и, цепляясь за слова и предложения, я понимаю, что откат назад произошел не только по технике и общему уровню жизни, но и по магии.

При этом со временем пришло понимание того, что наверняка и местные маги, из особо продвинутых, это знают. Однако почему-то они данной темы не касаются. Ну а самому мне об этом спрашивать не стоит, а если и проявлять интерес, то только с Койном, который может выступить в роли моего консультанта. Однако его рядом нет, и мне остается только сравнивать древние тексты, размышлять, ставить перед собой вопросы, самому на них отвечать и ворошить пыльные листы книг.

Кстати, о книгах. Подаренная мне копия «Кратких жизнеописаний наиболее знаменитых выпускников военного лицея «Шайгер»», написанная полковником Трентом Ройхо, видимо, одним из моих предков по крови, до сих пор со мной.

В лицее действует закон: «Отбери у человека все права и блага, понемногу их возвращай, и он будет счастлив». Так что на третьем курсе появились некоторые послабления, в частности, господам кадетам увеличили личное время, мы можем писать и получать письма, а помимо того иметь при себе пару мелких безделушек и несколько книг.

Так что я постоянно перечитываю занятную книжку про военный лицей «Шайгер». И хотя там нет описания систем подготовки воинов или методик, в ней имеется указание, где находилось это военно-учебное заведение, а из описаний жизни его выпускников можно представить, чему и как их учили.

Например, сюжет про герцога Киэпа Акцира, о котором ранее я уже читал. Сей славный маг-воитель, будучи молодым лейтенантом, в одиночку атаковал полусотню вражеских гвардейцев из королевства Ассир, которое, между прочим, до сих пор существует, и всех их уничтожил. И по тексту было ясно сказано, что он использовал не только заклятый профессиональными магами меч, но и свои собственные боевые заклятия, такие как «Плющ», «Черная петля» и «Полное восстановление».

Что, как и отчего, подробностей нет, и если насчет последнего заклятья ясно, каким образом оно должно действовать, то относительно первых двух можно лишь догадываться, что это такое. И еще, автор книги, описывая бой и применение заклятий, использовал термины «индивидуальный энергопоток» и «внутреннее капсулирование тела». Может быть, это как-то связано с боевыми энергокапсулами, которые продаются в магических лавках? Пока не знаю, есть предположение, и не более того.

Вздохнув, я на время отложил конспект, ладонями размял затекшую шею, откинулся на спинку кресла, в котором сидел, и огляделся. Вокруг меня за столами расположились курсанты нашего курса, и вместе со мной нас в читальном зале двадцать семь человек.

А в самом начале было больше двухсот. Но кто-то сразу отсеялся, не выдержал физических нагрузок, другие позже, на психологическом гнете сломались, а три человека, все из первого, «несчастливого», десятка, уехали в первый отпуск и в училище не вернулись. Один на дуэли погиб, второй струсил и не смог себя пересилить и вновь вернуться под власть сержантов и офицеров-инструкторов, а третий эмигрировал за границу, где ему уже сейчас, сразу же, предложили хорошие условия жизни и офицерский гвардейский чин. Вот так вот случается: поманили человека деньгами и званием, и он про все забыл.

Что касается нашего второго десятка, то все на месте. Про приключения в княжестве Фертанг я рассказывал, и в целом, можно считать, что первый отпуск прошел на оценку «отлично». Кадеты погуляли и расслабились, а мы с Альерой дрались на дуэли, вышли из схватки победителями, и у каждого из нас в кошельке прибавилось золотых монет. Правда, после этого всем нам пришлось покинуть владения Нумана VII. Но это ничего, вовремя слинять тоже надо уметь.

Я подумал об отпуске, и от хороших воспоминаний мои губы сами собой растянулись в улыбке. При этом взгляд зацепился за графа Тормана Сарану и Кричарда Калька, которые с нами в Фертанг не ездили, а гостили у себя дома. По сравнению с нами, их отдых не задался.

У молодого графа Сараны более сильные соседи отбирают родовые земли, и он пытался уладить этот вопрос миром. Однако его

вежливо посылали и внимания на него обращали не больше, чем на надоедливую мошку, а на дуэль, не имея никакой поддержки, он не решился. И правильно сделал, потому что его просто-напросто прибили бы, как покойного отца, а после сказали бы, что он упал с лошади и расшиб себе голову. Так что хмурый и злой Сарана теперь тренируется круглые сутки и готовится отомстить своим обидчикам.

С Кричардом Кальком история несколько иная, но тоже нехорошая. Он выходец из небогатой семьи вассалов великого герцога Канима, баронов Кальков. И нашему сокурснику в жизни мало что светило, поскольку он не являлся старшим сыном барона и наследником его титула.

Однако по неизвестной причине его дедушка по материнской линии оставил ему богатое наследство. И неожиданно Кричард стал обладателем своего собственного замка, неплохих земель, медного рудника и крупной суммы денег.

Кажется, живи и радуйся. Но как тут радоваться, когда на твое богатство, пока ты в военном лицее, саранчой налетела многочисленная худородная родня? Тут уже не до отдыха. И в данном случае было необходимо сразу же пресекать все поползновения двоюродной, троюродной и еще непонятно какой родни на чужое имущество.

Так что Кричард стал действовать. Где пинками и кулаками, а где-то уговорами и угрозами, он освободил свои земли от «дражайших родственников», после чего попытался расслабиться и отрешиться от суровых реалий «Крестича». Но куда там. В течение недели на него было совершено четыре покушения, и в двух из них он выжил по чистой случайности.

Так что возвращение в военный лицей Кальк воспринял с радостью. Деньги он положил в банк великого герцога, а все остальное имущество сдал его управляющим в аренду и теперь может спокойно продолжать обучение и не думать о плохом.

— Господа кадеты! — Прерывая мои размышления и тишину читального зала, в помещение вошел сержант первого десятка Юл Цинкер. — Время! Всем на выход!

Кадеты встали со своих мест и направились в аудитории, где каждый десяток отдельно от других начнет сдачу экзамена.

Наш десяток проходит в отведенное для нас помещение и садится за парты, которые мало чем отличаются от тех, которые стоят в земных учебных заведениях. После чего я смотрю на длинный стол перед черной доской на стене, которая завешена картой империи и окрестных земель.

Экзаменаторов четверо. Наш офицер-инструктор Свен Нитра, как всегда с папочками. Заместитель начальника военного лицея